200
624

00624
D
27309

10624

В. П. СЕМЕННИКОВЪ.

РУССКІЕ

САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

1769—1774 г.г.

РАЗЫСКАНІЯ ОБЪ ИЗДАТЕЛЯХЪ ИХЪ И СОТРУДНИКАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Приложеніе къ журналу „Русскій Библіофилъ“.
1914.

БИБЛИОТЕКА
Литературного музея
им. А. М. Горького
инв. № 3267

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
имени М. ГОРЬКОГО

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 26736 1974 г.

Типографія - Сиріусъ - Спб., Рыночная, 10.

Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г.г.

Разысканія объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ.

Сатирическіе журналы 1769—1774 г.г. были предметомъ нѣсколькихъ спеціальныхъ изслѣдованій, начало которымъ было положено уже шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ трудомъ Н. Н. Булича „Сумароковъ и современная ему критика“. Но, несмотря на рядъ до сихъ поръ произведенныхъ въ этой области разысканій, включая сюда и капитальный трудъ Неустроева, исторія сатирическихъ журналовъ 1769—1774 г.г., какъ и вообще, впрочемъ, всей нашей журналистики XVIII вѣка, не можетъ считаться окончательно и исчерпывающе разработанной. Въ этой области остается еще рядъ пробѣловъ, значительное количество неясныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ, дающихъ возможность для всякаго рода изслѣдованій, какъ болѣе широкихъ историко-литературныхъ, такъ и чисто библіографическихъ.

Одною изъ важнѣйшихъ задачъ всякаго изслѣдованія въ области журналистики является опредѣленіе именъ издателей, редакторовъ и сотрудниковъ періодическихъ изданій. Въ частности, исторія сатирическихъ журналовъ 1769—1774 г.г. въ данномъ отношеніи заключаетъ много пробѣловъ; намъ неизвѣстны до сихъ поръ имена издателей такихъ журналовъ, какъ „Смѣсь“, „Полезное съ пріятнымъ“, а также журнала „Пустомеля“, хотя и малозначительнаго, но отмѣченнаго сотрудничествомъ Фонвизина. Весьма неясенъ также вопросъ о сотрудникахъ многихъ изданій.

При отсутствіи показаній современниковъ и при невозможности получить какія-либо данныя для историко-литературныхъ догадокъ, рѣшеніе вопроса объ издателяхъ названныхъ журналовъ считается почти безнадежнымъ. Съ этимъ придется согласиться, но только въ томъ случаѣ, если будетъ использована послѣдняя остающаяся еще возможность — именно разысканія въ архивахъ тѣхъ учрежденій, въ типографіяхъ которыхъ печатались названные журналы. Мы задались цѣлью произвести такія архивныя изслѣдованія и обратились для этого въ Архивы Конференціи Императорской Академіи Наукъ и I-го Кадетскаго (прежде — Сухопутнаго Шляхетнаго) Корпуса; въ типографіи Академіи печаталась большая часть сатирическихъ журналовъ; въ Сухопутномъ же Корпусѣ издавался журналъ „Полезное съ пріятнымъ“. Къ сожалѣнію, архивныя разысканія только отчасти оправдали возлагавшіяся нами на это надежды. Недостаточность полученныхъ данныхъ побудила насъ изыскивать еще иные пути для изслѣдованія; вслѣдствіе этого нами было обращено вни-

маніе также на другой малоиспользованный источникъ — именно, на литературную полемику начала 70-хъ годовъ, возникшую въ связи съ появленіемъ сатирическихъ журналовъ. Писатели того времени не пренебрегали личными намеками на своихъ противниковъ; мы старались извлечь изъ этихъ намековъ историко-литературныя указанія. Кромѣ того, въ наши разысканія, которыя располагаемъ ниже по журналамъ, мы включили различныя данныя, замѣченныя нами при непосредственномъ знакомствѣ съ журналами 1769—1774 годовъ.

Журналы названнаго пятилѣтія у насъ принято называть именемъ „сатирическихъ"; терминъ этотъ, собственно говоря, не правильно прилагать ко всѣмъ журналамъ даннаго времени, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ 1769—1774 г.г. сатирическій элементъ, если и отражается, то въ совершенно незначительной степени. Но, тѣмъ не менѣе, мы будемъ придерживаться этого наименованія, какъ потому, что оно прочно вошло въ нашу литературу, такъ и въ силу того, что именно сатирическій элементъ создалъ этимъ журналамъ ихъ литературное значеніе.

Прежде чѣмъ излагать наши разысканія объ отдѣльныхъ изданіяхъ 1769—1774 г.г., мы считаемъ нужнымъ коснуться нѣсколькихъ вопросовъ, относящихся ко всѣмъ вообще этимъ журналамъ.

Во-первыхъ, наше вниманіе привлекаетъ самъ исключительный фактъ появленія въ 1769 году сразу восьми однотипныхъ изданій съ преобладающимъ сатирическимъ направленіемъ. Толчекъ къ такому развитію журналистики, какъ извѣстно, дала сама Екатерина II, ставшая во главѣ перваго, по времени появленія, сатирическаго журнала „Всякая Всячина". Для объясненія факта быстраго размноженія въ 1769 году мелкихъ изданій предполагаютъ (напримѣръ, Пыпинъ), что свыше былъ сдѣланъ призывъ къ выраженію мнѣній. Это отчасти подтверждается тѣмъ, что „Всякая Всячина" знала о появленіи въ ближайшемъ будущемъ другихъ, подобныхъ ей, изданій. Поздравляя, въ самомъ началѣ журнала, своихъ читателей съ новымъ годомъ, первый сатирическій журналъ говоритъ: „Я вижу будущее. Я вижу безконечное племя „Всякой Всячины". Я вижу, что за ней послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти". Въ другомъ мѣстѣ издатель «Всякой Всячины» пишетъ о томъ, что, предпринимая изданіе, онъ хотѣлъ „открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе его, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ". Вслѣдъ за „Всякой Всячиной" первымъ появился журналъ Чулкова — „И то и се"; ниже мы выскажемъ предположенія о томъ, какъ могъ знать издатель этого журнала о намѣреніи Императрицы выпускать „Всякую Всячину".

Обращаясь къ архивнымъ дѣламъ, мы, пожалуй, можемъ найти здѣсь косвенное подтвержденіе того, что было сдѣлано извѣстное поощреніе къ появленію новыхъ журналовъ, были созданы особо благопріятныя условія для успѣшнаго ихъ развитія. Въ пользу этого мнѣнія мы отмѣтимъ такой фактъ. Изъ пятнадцати мелкихъ журналовъ сатирическаго направленія, выходившихъ въ теченіе 1769—1774 г.г., девять печатались въ типографіи Академіи Наукъ [1]). Просматривая дѣла о печатаніи книгъ, мы убѣдились, что въ то время Академическая Коммиссія постоянно требовала обязательнаго сообщенія фамиліи того лица, которое представляетъ что-либо для напечатанія въ типографіи Академіи. И, вотъ, мы видимъ, что издатели сатирическихъ журналовъ были въ этомъ отношеніи поставлены въ особыя условія: отъ нихъ не требова-

[1]) Журналы: 1) „Всякая Всячина", 2) „Трутень", 3) „Смѣсь", 4) „Поденьщина", 5) „Ни то, ни се", 6) „Пустомеля", 7) „Трудолюбивый Муравей", 8) „Живописецъ", 9) „Вечера".

лось сообщенія своего имени. Прошенія въ Академическую Коммиссію, съ просьбою о печатаніи журнала, нѣкоторые издатели подаютъ съ подписью: „Anonime“. Соотвѣтственно съ этимъ и въ резолюціяхъ Коммиссіи о напечатаніи значится такъ: представленный „отъ нѣкотораго анонима“ такой то журналъ напечатать столько то экземпляровъ. Мы просматривали журналы Коммиссіи Академіи за все время царствованія Екатерины II и никогда больше такихъ постановленій не встрѣчали; повторяемъ, въ 60-хъ годахъ постоянно требовалось сообщеніе имени лица, представляющаго книгу для напечатанія. Фактъ этотъ, на нашъ взглядъ, и указываетъ на то, что издатели журналовъ, имѣя возможность не объявлять своего имени, были поставлены въ благопріятныя условія. Несомнѣнно, что не всѣ издатели журналовъ, хотя бы въ силу своего общественнаго положенія, могли бы позволить себѣ большую смѣлость въ выраженіи мнѣній и рѣзкость въ полемикѣ, если бы они дѣйствовали съ открытымъ забраломъ. Если нѣкоторымъ журналистамъ и не было извѣстно опредѣленно объ участіи во „Всякой Всячинѣ“ Императрицы, то, несомнѣнно, какъ свидѣтельствуетъ „Смѣсь“, ходили слухи, будто въ числѣ сотрудниковъ „Всякой Всячины“, „многіе знатные господа находятся“. Тѣ грубыя нападки на „Всякую Всячину“, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ журналахъ, едва ли бы имѣли мѣсто, если бы издатели открыто и смѣло объявляли свои имена и, такимъ образомъ, принимали на себя отвѣтственность за свои мнѣнія и слова. Замѣтимъ, что имена издателей журналовъ не всегда были извѣстны современникамъ, даже принадлежавшимъ къ литературному міру. Такъ, одинъ изъ наиболѣе осмѣянныхъ мелкими журналами того времени стихотворцевъ — Ѳ. Я. Козельскій жалуется по поводу этихъ изданій на то, что „довѣдаться нельзя, чьи руки мещутъ стрѣлы“ [1]). При такой неосвѣдомленности даже писателей того времени объ именахъ издателей нѣкоторыхъ журналовъ, немудрено, что въ исторіи журналистики частью неизвѣстны имена нѣкоторыхъ издателей, частью имѣются противорѣчивыя и сбивчивыя свѣдѣнія.

Что касается упомянутыхъ выше особыхъ условій, въ которыя были поставлены издатели журналовъ въ Академіи Наукъ, то это могло быть сдѣлано по распоряженію директора Академіи графа Влад. Григ. Орлова, близко стоявшаго ко Двору Императрицы.

Но, кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, существовали и другія причины, вызвавшія небывалое развитіе журналистики въ 1769 году. Мы не будемъ, конечно, говорить о томъ, что въ это время въ нашемъ обществѣ пробуждались новыя силы подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Екатерины II. Несомнѣнно, это была главная причина развитія сатирическихъ изданій въ 1769 году, но были причины и второстепенныя. И, вотъ, еще одна изъ нихъ. Въ то время у насъ сталъ создаваться извѣстный кругъ читающей публики; книги, подошедшія къ ея вкусамъ, могли имѣть сбытъ. До того времени печатавшіяся у насъ книги издавались частью на счетъ самихъ типографій, частью на счетъ авторовъ и переводчиковъ, получавшихъ отъ своихъ изданій больше нравственное, чѣмъ матеріальное удовлетвореніе. Просматривая академическія дѣла о печатаніи книгъ, мы замѣчаемъ, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ появляются у насъ частные книгоиздатели, покупавшіе у авторовъ и переводчиковъ книги для печатанія на свой

[1]) „Сочиненія Ѳедора Козельскаго“, Спб. 1778 г., часть I, стр. 172, „Размышленіе о зависти“.

счетъ. Первые сатирическіе журналы имѣли большой успѣхъ; общество принимало ихъ „съ жадностью“, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ журналовъ 1769 года „Полезное съ пріятнымъ“. Такой успѣхъ первыхъ журналовъ сразу же вызвалъ подражанія. Наши первые книгоиздатели, наряду со сборниками сказокъ, пѣсенъ, вмѣстѣ съ переводными романами, имѣли теперь выгоду выпускать въ свѣтъ также „еженедѣльныя сочиненія“. Профессіональныхъ литераторовъ у насъ въ то время не было, но уже появлялись лица, продававшія свои сочиненія и переводы и, такимъ образомъ, получавшія побочный заработокъ. Такъ, издатель „Адской Почты“ свидѣтельствуетъ, что онъ пишетъ „для препровожденія времени и для пропитанія, которое единственно отъ пера, а часто и несчастнаго имѣетъ“. Обыкновенно полагаютъ, что издатели сатирическихъ журналовъ были и ихъ составителями. Но это не совсѣмъ вѣрно: уже въ разсматриваемое время нѣкоторые изъ журналовъ издаются не на счетъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ составляютъ. Дѣло изданія журналовъ могло уже давать нѣкоторую прибыль, и чисто матеріальные интересы, несомнѣнно, вывели нѣкоторыхъ тогдашнихъ писателей на журнальное поприще. Это и есть одна изъ побочныхъ причинъ, могущихъ объяснить быстрое нарожденіе въ 1769 году новыхъ журналовъ.

Упоминая слово „издатель“ журнала, мы приходимъ къ вопросу, очень, на нашъ взглядъ, важному, именно: что разумѣть подъ этимъ словомъ, въ какомъ смыслѣ его понимать?

Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени слово „издатель“ нѣсколько измѣнило свое значеніе, и то понятіе, которое въ настоящее время вкладываемъ мы въ это слово, не вполнѣ тожественно съ тѣмъ смысломъ, который придавался этому слову прежде. Въ наше время понятіе „издатель“ прежде всего указываетъ на то, что данное лицо даетъ средства на выпускъ въ свѣтъ книги или журнала, въ большей или меньшей степени опредѣляя направленіе послѣдняго. Въ XVIII-омъ вѣкѣ и въ началѣ XIX-го при употребленіи слова „издатель“ совершенно не подразумѣвалось того, что данное лицо даетъ матеріальныя средства на изданіе; для обозначенія того, на чьи средства предпринималось изданіе, въ прежнее время употреблялось выраженіе — „иждивеніемъ“ такого-то. Слово же издатель въ то время иногда соотвѣтствовало понятію авторъ, по отношенію же къ журналамъ оно употреблялось въ значеніи составитель (нынѣшнее „редакторъ“). Нѣкоторые журналы XVIII вѣка составлялись сплошь изъ произведеній одного выпускавшаго ихъ въ свѣтъ лица; въ такомъ случаѣ понятіе „издатель“ было равносильно значенію „авторъ“ журнала. Въ наше время слово „иждивеніе“ не употребительно, прежнее понятіе издатель соотвѣтствуетъ слову „редакторъ“, а употребляемое нами слово издатель по смыслу гораздо уже, чѣмъ то было прежде.

Мы придаемъ этому вопросу очень важное значеніе. Дѣйствительно, основываясь на показаніяхъ лицъ, жившихъ въ XVIII вѣкѣ объ издателяхъ журналовъ, мы должны разумѣть подъ этимъ словомъ то понятіе, которое въ то время въ него вкладывалось; придавая же слову „издатель“ смыслъ настоящаго времени, мы иногда можемъ впасть въ ошибку. Все это, конечно, относится не только къ сатирическимъ журналамъ 1769 — 74 г.г., но и ко всѣмъ вообще періодическимъ изданіямъ XVIII вѣка. Между тѣмъ, ни Неустроевъ, ни другіе изслѣдователи нашей журналистики не обращаютъ на это вниманія, вслѣдствіе чего иногда замѣчается нежелательная неопредѣленность и спутанность понятій. Правда, Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ, какъ издателѣ журналовъ, указалъ, что понятіе „издатель“ имѣло

прежде другое значеніе; но НезеленовЪ доказываетЪ, что „издатель“ (сатирическихЪ журналовЪ) значило „авторЪ“. ВыводЪ этотЪ правиленЪ только въ томЪ частномЪ случаѣ, когда издатель журнала составлялЪ его изЪ своихЪ произведеній. ВпрочемЪ, надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевЪ „издатель“ былЪ и авторомЪ существенной части журнала. ТакимЪ образомЪ, при нашей постановкѣ вопроса, изслѣдователю журналистики предстоятЪ двѣ задачи: 1) опредѣленіе имени „издателя“, разумѣя подЪ этимЪ словомЪ понятіе „составитель“, или нынѣшнее „редакторЪ“; въ этомЪ смыслѣ и мы вездѣ будемЪ употреблять слово „издатель“; 2) опредѣленіе того лица, чьимЪ „иждивеніемЪ“ печатался журналЪ (уже вопросЪ второстепенный), причемЪ это лицо, отнюдь, не слѣдуетЪ именовать „издателемЪ“. ЗамѣтимЪ, впрочемЪ, что значительная часть журналовЪ XVIII вѣка печаталась иждивеніемЪ издателей.

Мы коснулись выше причинЪ, способствовавшихЪ размноженію сатирическихЪ изданій. КакЪ извѣстно, сатирическіе журналы послѣ 1769 года, за исключеніемЪ „Живописца“, обезцвѣтились, утративЪ соль сатиры и потерявЪ вмѣстѣ съ тѣмЪ общественное значеніе. Несомнѣнно, здѣсь было давленіе свыше; несомнѣнно, Екатерина II пожелала оказать нѣкоторое давленіе противЪ ею же вызванныхЪ къ жизни журналовЪ. ОтмѣтимЪ ниже нѣсколько данныхЪ, касающихся цензуры сатирическихЪ журналовЪ, встрѣтившихся намЪ въ дѣлахЪ Архива Конференціи Академіи НаукЪ.

О печатаніи всякаго изданія Академическая Коммиссія дѣлала постановленіе, которое заносилось въ журналы. ВЪ типографіи Академіи НаукЪ изЪ журналовЪ 1769 года печатались: „Всякая Всячина“, „Ни то ни се“, „Поденьщина“, „Смѣсь“ и „Трутень“. Первое время цензура этихЪ журналовЪ, если и производилась, то очень поверхностно. ПоводомЪ къ усиленію надзора за печатаніемЪ журналовЪ послужило появленіе въ одномЪ изЪ журналовЪ, именно въ „Смѣси“, весьма рѣзкаго отзыва о тогдашнемЪ духовенствѣ. На это было обращено вниманіе директоромЪ Академіи гр. В. Г. ОрловымЪ, который отдалЪ слѣдующее распоряженіе, записанное въ журналѣ Академической Коммиссіи: „ВЪ разсужденіи оказавшейся неблагопристойности въ печатаемыхЪ при Академіи недѣльныхЪ листкахЪ подЪ титуломЪ „Смѣсь“, которая въ оные допущена потому, что факторЪ ЛыковЪ не отсылалЪ ихЪ для цензуры къ переводчику Башилову, наказать ему, Лыкову, чтобы онЪ впредь какЪ сіи листки, такЪ и прочія такія сочиненія, прежде печатанія отсылалЪ неотмѣнно къ цензорамЪ, и чтобы впредь всячески остерегался отЪ подобныхЪ проступковЪ, ибо въ противномЪ случаѣ поступлено будетЪ съ нимЪ такЪ, какЪ должно съ тѣмЪ, который не наблюдаетЪ приказовЪ команды; а притомЪ также и самому Башилову приказать, чтобы онЪ, ежели когда не получитЪ порученныхЪ ему для цензуры такихЪ сочиненій, требовалЪ бы оныхЪ отЪ фактора Лыкова, и для того дать имЪ обоимЪ съ сей резолюціи копіи“ [1]).

ОтмѣтимЪ еще два факта, касающіеся цензуры сатирическихЪ журналовЪ. ВЪ 1771 году купцомЪ МихаиломЪ СѢдельниковымЪ былЪ представленЪ въ академическую типографію для напечатанія журналЪ „ДемокритЪ“. О напечатаніи его Академическая Коммиссія сдѣлала такую резолюцію (отЪ

[1]) Архивъ Конфер. Имп. Акад. Наукъ, журналы Академической Коммиссіи 1769 г. № 478, отъ 27 іюля. — См. также нашу статью „Къ исторіи цензуры въ Екатерининскую эпоху“ („Русскій Библіофилъ“ 1913 г., № I, стр. 57), гдѣ мы сообщаемъ, что названное постановленіе касается помѣщеннаго въ листѣ 17-мъ „Смѣси“ письма В. М., съ рѣзкимъ отзывомъ о духовенствѣ.

4 апрѣля 1771 г.): „Съ представленнаго отъ купца Михайлы Сѣдельникова и впредь представляемаго отъ него ежемѣсячнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Демокритъ“ печатать по триста экземпляровъ на такой бумагѣ, на какой онъ похочетъ; за напечатаніе коихъ брать съ него, Сѣдельникова, деньги по факторскому счету напередъ и отдавать въ экономическую сумму комисару Панкратьеву, а экземпляры ему, Сѣдельникову. Цензуру сего сочиненія поручить переводчику Полѣнову и для того фактору Лыкову накрѣпко приказать, чтобъ онъ безъ подписанія его, Полѣнова, отнюдь онаго сочиненія не печаталъ“ [1]). Однако, несмотря на сдѣланное постановленіе, „Демокритъ“ въ свѣтъ не появился. Несомнѣнно, это былъ журналъ сатирическій — на что указываетъ самое заглавіе [2]). Повидимому, сатирическій элементъ сталъ изгоняться цензурою изъ нашей журналистики: вмѣсто „Демокрита“ иждивеніемъ того же Сѣдельникова съ августа 1771 г. сталъ печататься „Трудолюбивый Муравей“, журналъ очень безцвѣтный. Въ постановленіи Академической Коммиссіи о „Муравьѣ“ было предписано печатать этотъ журналъ „по освидѣтельствованіи отъ цензора и что имъ изъ онаго будетъ подписано къ печати“ [3]).

Въ 1772 году директоръ Академіи Ржевскій рѣшилъ взять въ свои руки цензуру всѣхъ вообще мелкихъ сочиненій, о чемъ и было сдѣлано постановленіе Академической Комиссіей 28 сентября 1772 года [4]).

Въ томъ же 1772 году въ журналѣ Академической Коммиссіи было записано такое постановленіе: „Представленное для освидѣтельствованія отъ вольнаго переплетчика Іогана Христофора Белке нѣкоторое періодическое сочиненіе, писанное отчасти на нѣмецкомъ, отчасти на французскомъ, также нѣсколько и на россійскомъ языкѣ, которое, по объявленію его, Белке, имѣетъ быть печатано въ вольной Гартунговой типографіи, отослать для онаго освидѣтельствованія, въ сходственность состоявшагося о таковыхъ сочиненіяхъ въ прошломъ 1771 году Правительствующаго Сената опредѣленія, къ г. статскому совѣтнику Штелину, и апробацію сего сочиненія, можно ли оное допустить въ печать или нѣтъ, поручить на разсмотрѣніе его же г. статскаго совѣтника Штелина“ [5]).

Въ постановленіи не указано названія журнала, но почти несомнѣнно, что дѣло идетъ о ничтожномъ журнальчикѣ „Мѣшенина катоноскарроническая“, выпущенномъ въ 1773 году, въ январѣ, и продававшемся у переплетчиковъ Белке, Вебера и Шеля.

Таковы тѣ немногія данныя о цензурѣ журналовъ, которыя встрѣтились намъ въ академическихъ дѣлахъ.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы перейдемъ къ изложенію свѣдѣній объ отдѣльныхъ журналахъ.

При этомъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не будемъ останавливаться на тѣхъ вопросахъ, которые уже въ достаточной степени вы-

---

[1]) Журналы Академ. Коммиссіи 1771 г., запись за № 180.

[2]) Съ названіемъ „Демокритъ“ соединялось въ то время понятіе о сатирическомъ характерѣ произведенія. Такъ, въ „Трутнѣ“ Новикова были помѣщены сатирическія статьи, подъ названіемъ „Смѣющійся Демокритъ“; позднѣе, въ 1815 г., въ Харьковѣ выпускался журналъ „Демокритъ“, также имѣвшій претензіи быть сатирическимъ.

[3]) Журналы Академ. Коммиссіи 1771 г., запись подъ № 503.

[4]) Журналы Академ. Коммиссіи 1772 г., запись подъ № 554.

[5]) Журналы Академ. Коммиссіи 1772 г., № 723, отъ 12 декабря. Упоминаемое въ постановленіяхъ выраженіе „въ сходственность состоявшагося о таковыхъ сочиненіяхъ“ опредѣленія мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что опредѣленіе это касается сочиненій, печатающихся въ вольныхъ типографіяхъ.

яснены, но сосредоточимъ свое вниманіе, преимущественно, на тѣхъ фактахъ, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, оставались не разсмотрѣнными [1]).

„ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА".

Первый сатирическій журналъ 1769 года „Всякая Всячина", издававшійся по желанію и подъ руководствомъ Императрицы Екатерины II, естественно, привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей. Но, несмотря на это, вопросъ объ организаціи изданія не принадлежитъ къ числу успѣшно рѣшенныхъ, равно какъ не выяснена точно та роль, которую играла въ журналѣ Императрица.

Единственное современное свидѣтельство объ издателѣ „Всякой Всячины" оставилъ, какъ извѣстно, Новиковъ, въ своемъ „Словарѣ писателей". Здѣсь, при имени Г. В. Козицкаго, говорится: „Слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ; по сему то нѣкоторые и заключаютъ, что «Всякая Всячина», еженедѣльное сочиненіе 1769 года, пріобрѣтшее толикую похвалу, есть произведеніе его пера".

Обыкновенно полагаютъ, что роль Козицкаго заключалась только въ редактированіи журнала, а изъ статей перу Козицкаго приписываютъ лишь нѣкоторые переводы съ древнихъ языковъ. На нашъ взглядъ, показаніе Новикова, какъ одного изъ литературныхъ дѣятелей того времени, и человѣка во время составленія словаря писателей и изданія „Живописца" находившагося въ личныхъ сношеніяхъ съ Козицкимъ, должно бы заслуживать большаго вниманія. По нашему мнѣнію, та неопредѣленная форма, въ которую облекъ свое указаніе Новиковъ, объясняется не тѣмъ, что онъ не былъ увѣренъ въ сообщаемомъ фактѣ, а вызвана, въ дѣйствительности, тою причиною, что составитель словаря не имѣлъ никакого права положительно и отъ своего имени раскрыть литературную тайну, каковою являлся вопросъ объ издателѣ „Всякой Всячины". Къ тому же Новикову приходилось считаться съ тѣмъ, что Козицкій былъ лицомъ, близкимъ къ Императрицѣ, и что сама она, несомнѣнно, руководила направленіемъ журнала.

Какъ бы то ни было, если довѣриться показанію Новикова, то вмѣстѣ съ тѣмъ придется нѣсколько умалить роль въ авторствѣ статей самой Императрицы, которой нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ чуть ли не всѣ статьи, написанныя отъ лица издателя. Такъ, по мнѣнію Е. С. Шумигорскаго [2]), которое редакторъ академическаго изданія сочиненій Екатерины II — А. Н. Пыпинъ, считалъ „весьма вѣроятнымъ", всѣ редакціонныя статьи журнала, „если не писаны Императрицей, то, несомнѣнно, внушены ею, какъ главнымъ редакторомъ". Съ мнѣніемъ о томъ, что хотя не всѣ, но главнѣйшія статьи „внушены" Императрицей, то есть написаны въ соотвѣтствіи съ ея мыслями и идеями, можно согласиться; даже допустимо расширить это предположеніе, распространивъ его и на нѣкоторыя „письма къ изда-

[1]) Журналовъ „Адская, Почта", „Парнасскій Щепетильникъ" „Вечера" и „Мѣшанина" мы вовсе не касаемся въ нашихъ разысканіяхъ, не располагая относительно ихъ какими-либо новыми данными.

[2]) „Государыня-публицистъ", статья въ „Русскомъ Архивѣ", 1890 г., кн. 1-ая, стр. 5—52.

телю", гдѣ письмо — лишь форма статьи, излюбленная, какъ нашими журналами, такъ и ихъ западно-европейскими образцами. Но, собственно, для рѣшенія вопроса о томъ, какія именно статьи не внушены, а, дѣйствительно, написаны самой Императрицей, не имѣется никакихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя были сообщены Пекарскимъ, впервые установившимъ участіе въ журналѣ Екатерины II [1]).

Сталкиваясь съ невозможностью выяснить этотъ вопросъ, мы перейдемъ къ изложенію соображеній о нѣкоторыхъ другихъ участникахъ „Всякой Всячины".

Довольно значительную роль играютъ въ журналѣ передѣлки изъ „Спектатора", наличіе которыхъ было установлено извѣстной статьей В. Ѳ. Солнцева [2]). Кѣмъ дѣлались эти переводы и передѣлки? В. Солнцевъ, ссылаясь на общій серьезный характеръ трудовъ Г. В. Козицкаго, предполагаетъ, что не на немъ, а на комъ-либо другомъ, лежала обязанность „перекрапывать на свой салтыкъ" (по выраженію „Трутня"), статьи англійскаго журнала. Изъ числа другихъ писателей В. Солнцевъ останавливается на И. П. Елагинѣ, предполагая, что передѣлкой статей занимался именно онъ. Предположеніе это, собственно говоря, основывается только на томъ, что Елагинъ и ранѣе занимался передѣлкой статей иностранныхъ журналовъ для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій" и былъ вообще лицомъ, близкимъ къ Императрицѣ. Касаясь вопроса о томъ, съ какого именно языка дѣлались передѣлки, В. Солнцевъ приходитъ къ заключенію, что составитель „Всякой Всячины" пользовался не англійскимъ текстомъ, а французскимъ переводомъ. Заключеніе это основывается прежде всего на малой распространенности у насъ въ то время англійскаго языка, которымъ изъ переводчиковъ владѣлъ будто бы только жившій въ Англіи М. Пермскій; далѣе В. Солнцевъ ссылается на то, что ни Козицкій, ни предполагаемый передѣлыватель статей Елагинъ не знали англійскаго языка и затѣмъ вскользь упоминаетъ, что непосредственное знакомство съ французскимъ переводомъ также убѣждаетъ въ томъ, что именно съ него дѣлались передѣлки [3]).

Такимъ образомъ, получается впечатлѣніе, что въ выводѣ В. Ѳ. Солнцева о томъ, что передѣлки дѣлались съ французскаго, а не съ англійскаго языка, едва ли не главную роль играло отсутствіе среди писателей того времени такого лица, которое могло бы дѣлать передѣлки съ англійскаго

---

[1]) Въ недавно вышедшей работѣ Н. П. Автономова — „«Всякая Всячина» (Сатирико-нравоучительный журналъ 1769 — 1770 г.). Опытъ изслѣдованія. Москва, 1913 г., (Оттискъ изъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ»" высказаны нѣкоторыя соображенія о статьяхъ Екатерины II; но въ концѣ концовъ г. Автономовъ признаетъ, что „выяснить вполнѣ дѣятельность Екатерины II во «Всякой Всячинѣ», пока нѣтъ возможности".

[2]) „«Всякая Всячина» и «Спектаторъ», Къ исторіи русской сатирической журналистики XVIII вѣка" („Журн. Мин. Нар. Просв.", 1892 г., январь, стр. 125 — 156).

[3]) Въ доказательство незнакомства издателей „Всякой Всячины" съ англійскими журналами, В. Ѳ. Солнцевъ ссылается на то, что извѣстный „Guardian" упоминается во „Всячинѣ" подъ французскимъ названіемъ „Новаго Ментора". Здѣсь В. Солнцевъ, несомнѣнно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ „Всякой Всячины": „Былъ я вчерась вмѣстѣ съ Н***, у котораго хозяинъ спросилъ, читалъ ли онъ Всякую Всячину? Чтобъ я сталъ читать такой вздоръ, который, какъ я думаю, ни что иное какъ повтореніе Зрителей, Новыхъ Менторовъ, Мисантроповъ (*); я и самихъ образцовъ не читывалъ" („Всякая Всячина", стр. 103). Въ выноскѣ къ названіямъ журналовъ сдѣлано примѣчаніе: „Англійскіе и Французскіе періодическіе листы". — Изъ этого мѣста никакъ нельзя заключить, чтобы издатели не были знакомы съ англійскими журналами; наоборотъ, въ выноскѣ сдѣлано объясненіе, что рѣчь идетъ объ англійскихъ и французскихъ изданіяхъ.

языка [1]). Поэтому мы хотимъ обратить вниманіе на одного тогдашняго литературнаго дѣятеля, который, во-первыхъ, зналъ англійскій языкъ, во-вторыхъ былъ извѣстенъ Императрицѣ, въ-третьихъ, участвовалъ совмѣстно съ Козицкимъ въ переводѣ одного труда и, наконецъ, — самое важное — занимался переводомъ одного сборника статей изъ „Спектатора“ и другихъ англійскихъ журналовъ всего за два года до изданія „Всякой Всячины“. Лицо это — Лука Ивановичъ Сичкаревъ. Что онъ зналъ англійскій языкъ, доказывается нѣсколькими его напечатанными переводами. Изъ нихъ обратимъ вниманіе на переводъ книги „Нынѣшній способъ прививать оспу“ сочиненіе барона Димсдаля, изданное въ Петербургѣ въ 1770 году. Указанная книга была переведена по собственному выбору Императрицы и ей же посвящена переводчикомъ; слѣдовательно, Екатерина II знала Сичкарева. Но гораздо важнѣе то, что сотрудникомъ Л. И. Сичкарева по этому переводу, производившемуся въ одно время съ изданіемъ „Всякой Всячины“, былъ ея редакторъ Г. В. Козицкій. Дѣйствительно — Сичкаревъ перевелъ основной текстъ, а Козицкій — „прибавленія“, описывающія прививаніе оспы Императрицѣ, наслѣднику и проч. [2]).

Если является доказаннымъ фактъ совмѣстнаго труда Козицкаго и Сичкарева какъ разъ во время изданія „Всякой Всячины“, то вполнѣ допустимо предположеніе: не могъ ли Л. Сичкаревъ, какъ знающій англійскій языкъ, помогать Козицкому и въ другомъ трудѣ, именно — при переводѣ статей для „Всякой Всячины“?

Только что высказанное предположеніе пріобрѣтаетъ особенное значеніе именно потому, что Сичкаревъ за два года до изданія „Всякой Всячины“ выступилъ въ литературѣ, какъ переводчикъ одного англійскаго сборника изъ сатирическихъ журналовъ Аддисона, Свифта, Стиля и друг. Сборникъ этотъ былъ изданъ въ Спб. въ 1766 году подъ названіемъ „Забавный философъ“, причемъ книга была переведена съ англійскаго подлинника и посвящена графу Вл. Григ. Орлову. Сборникъ этотъ былъ составленъ изъ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ указанныхъ авторовъ; переводъ Сичкарева былъ черезъ нѣсколько лѣтъ изданъ вторично, причемъ здѣсь въ предисловіи Сичкаревъ прямо ссылается на изданія — Spectator, Guardian, World, Gentelman's Magazin, Adventurer, Rambler [3]).

Весьма замѣчательно то, что Сичкаревъ не довольствовался переводомъ англійскихъ статей, но принаравливалъ ихъ къ условіямъ русской жизни, какъ это дѣлалось и во „Всякой Всячинѣ“. По этому поводу въ предувѣдомленіи къ „Забавному философу“ Сичкаревъ говоритъ: „Разсуждая

---

[1]) Полагаемъ, что вопросъ о томъ, съ какого языка дѣлались передѣлки, въ виду недостаточнаго обоснованія доводовъ В. Ѳ. Солнцева, нуждается въ пересмотрѣ, въ основу котораго должно быть положено прежде всего сличеніе русскаго перевода съ англійскимъ текстомъ и съ французскимъ переводомъ. Можно думать, что этотъ вопросъ выяснитъ г. В. Лазурскій, авторъ изслѣдованія „Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона“. (Одесса, 1909 г.); въ предисловіи къ вышедшему пока первому тому указывается, что въ слѣдующемъ томѣ авторъ будетъ говорить „объ отношеніи англійскаго источника къ сатирическому теченію въ русской журналистикѣ XVIII вѣка“.

[2]) См. нашу работу „Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ“, стр. 38. — Хотя основной текстъ переведенъ Сичкаревымъ съ англійскаго, но съ какого языка переведено прибавленіе — не указано. Новиковъ, въ словарѣ писателей, перечисляя всѣ языки которыми владѣлъ Козицкій, не указываетъ англійскаго; поэтому, мы полагаемъ, что переводъ прибавленія сдѣланъ съ французскаго, которымъ владѣлъ Димсдаль.

[3]) „Забавный философъ“ былъ переизданъ въ дополненномъ видѣ подъ названіемъ „Зритель міра и дѣяній человѣческихъ“ въ 1784 г., въ СПБ.

о главномъ намѣреніи перевода, то есть о долженствующей произойти изъ того пользѣ тому народу, на котораго языкъ оной прелагается, перемѣнялъ я въ нихъ (статьяхъ) все то, что было съ нашими обыкновеніями несходно, или заключало въ себѣ исправленіе такихъ пороковъ, которые здѣсь или вовсе неизвѣстны, или очень рѣдки. Я, представляя на мѣсто оныхъ другія въ обхожденіи и поступкахъ нашихъ примѣчаемыя непристойности, предлагалъ потомъ и способствующія къ отвращенію оныхъ средства, ибо въ противномъ случаѣ переводъ мой служилъ бы развѣ для однихъ Аглинскіе нравы и обыкновенія знающихъ людей". Такимъ образомъ, Сичкаревъ производилъ такую же работу, какая дѣлалась и во „Всякой Всячинѣ".

Итакъ, если бы было доказано, что переводы для „Всякой Всячины" дѣлались съ англійскаго, то весьма вѣроятно, что эта роль могла лежать на Л. И. Сичкаревѣ. Прибавимъ кстати, что во „Всякой Всячинѣ" участвовалъ другой Сичкаревъ — Иванъ, вѣроятно братъ Луки Ивановича (см. ниже) [1]). Наконецъ, если даже наше предположеніе объ участіи Л. Сичкарева въ журналѣ несправедливо, то все-таки указанный переводъ Сичкарева нельзя не признать отчасти прообразомъ „Всякой Всячины".

Но, несмотря на всю важность для журнала нѣкоторыхъ изъ переводныхъ статей, нельзя упускать изъ вида того, что количественно тѣ статьи, на которыя указалъ В. Ѳ. Солнцевъ, не занимаютъ въ журналѣ преобладающаго мѣста; по нашему подсчету, такія передѣлки составляютъ одну шестую часть журнала 1769 года (не считая „Барышка Всякой Всячины").

Довѣряясь показанію Новикова, придется считать, что среди статей журнала многое принадлежитъ Г. В. Козицкому. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о статьяхъ его, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ числѣ различныхъ псевдонимовъ, которыми подписаны статьи (письма къ издателю) мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія имена — Герасимъ Куриловъ (статья № 86), Галактіонъ Какорѣковъ (№ 104), Гервасій Колдоваловъ (№ 110), Гурій Короткоумовъ (№ 168), Гамаліилъ Коснодумовъ (№ 173). Во всѣхъ этихъ псевдонимахъ начальныя буквы имени и фамиліи — Г. К., т. е. иниціалы Г. Козицкаго. Не думаемъ, чтобы это чередованіе буквъ Г. К. было случайнымъ. Обращаясь къ содержанію нѣкоторыхъ изъ статей, подписанныхъ указанными псевдонимами, мы въ нихъ находимъ черты, характерныя для Г. В. Козицкаго.

Такъ, Галактіонъ Какорѣковъ желаетъ, чтобы издатель „Всякой Всячины" далъ наставленія для тѣхъ „кои не зная Омира, Пиндара, Софокла, Виргилія и прочихъ изящныхъ писателей, съ презрѣніемъ объ нихъ раздобариваютъ". Авторъ письма высказываетъ мысль, что въ Россіи, какъ и во всей Европѣ, „чрезъ прилежное древнихъ греческихъ, латинскихъ и имъ подобныхъ новѣйшихъ образцовъ чтеніе и подражаніе надлежитъ распространяться наукамъ". Эти мысли характерны для Козицкаго, который былъ знатокомъ классическаго міра и древнихъ языковъ. Въ статьѣ, подписанной Гервасій Колдоваловъ, авторъ проситъ издателя журнала дать наставленіе нашимъ писателямъ и высказываетъ мысль, сходную съ тою, которая была изложена Галактіономъ Какорѣковымъ. „Скажите, говоритъ Колдоваловъ издателю про современныхъ писателей, чтобы они учились прилежно древнимъ тѣмъ языкамъ, чрезъ которые всѣ просвѣщенные народы почерпнули

[1]) Л. И. Сичкаревъ въ 70-хъ годахъ состоялъ при Потемкинѣ, затѣмъ завѣдывалъ также, уже въ 80-хъ годахъ, его походной типографіей, а послѣ смерти Потемкина, былъ директоромъ московской синодальной конторы.

премудрость, а при томъ бы и свой природный языкъ любили и въ великомъ имѣли почтеніи"; затѣмъ авторъ даетъ рядъ совѣтовъ, какъ слѣдуетъ упражняться въ изученіи отечественнаго языка и вновь указываетъ на необходимость знанія древнихъ писателей, обращая „ихъ чтеніе, такъ сказать, въ сокъ и въ кровь себѣ". Далѣе идетъ цѣлый рядъ наставленій для писателей. Все это очень типично именно для Козицкаго, который былъ не только поклонниковъ классической литературы, но и тонкимъ знатокомъ русскаго языка; авторитетъ Козицкаго въ этомъ отношеніи признавался даже Сумароковымъ. Наконецъ, псевдонимъ Гамаліилъ Коснодумовъ тоже можетъ принадлежать Козицкому, такъ какъ при письмѣ Коснодумова приложенъ переводъ изъ Анакреона, а Козицкій пользовался извѣстностью, какъ переводчикъ древнихъ писателей.

Косвеннымъ доказательствомъ того, что Г. Какорѣковъ, Г. Колдоваловъ и Г. Коснодумовъ — одно лицо, можетъ служить также характерное обозначеніе даты подъ статьями, подписанными этими псевдонимами: въ первомъ случаѣ — „Мѣсяца Липца 20 числа въ самое куроглашеніе"; во-второмъ — „Мѣсяца Серпня 1 дня" и въ третьемъ — „1770 года мѣсяца Лютаго 12 дня". Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что указанные три псевдонима — шуточныя подписи Г. В. Козицкаго. По сходству псевдонимовъ и иниціаловъ имени и фамиліи вѣроятно также, что онъ скрылся и подъ псевдонимами Герасима Курилова и Гурія Короткоумова. Первый пишетъ письмо нравоучительнаго характера противъ сочинителей, вмѣсто полезныхъ поученій, разсѣвающихъ „плевелы"; второй сообщаетъ какіе-то стихи. Отмѣтимъ также, что и неподписанное письмо, подъ № 90, вѣроятно, принадлежитъ ему же; письмо наполнено разными именами изъ миѳологіи, то есть, вполнѣ подходитъ къ перу Козицкаго, кстати сказать, въ „Трудолюбивой Пчелѣ" помѣстившаго статью „О пользѣ миѳологіи".

Все это, конечно, только случайныя указанія на статьи Козицкаго; всѣхъ его статей опредѣлить невозможно. Но, что Козицкому принадлежитъ много статей характера сатирико-нравоучительнаго, вполнѣ вѣроятно.

Перейдемъ теперь къ вопросу о другихъ сотрудникахъ „Всякой Всячины". Всѣ свѣдѣнія по этому поводу вращаются, преимущественно, въ области догадокъ и предположеній. Сдѣлаемъ кое-какія замѣчанія объ авторахъ нѣсколькихъ помѣщенныхъ во „Всякой Всячинѣ" статей. Обыкновенно указываютъ (въ томъ числѣ и Неустроевъ), что помѣщенная въ этомъ журналѣ при письмѣ „Надпись къ статуѣ государя Петра Великаго" (на стр. 138) принадлежитъ А. П. Сумарокову. Это невѣрно. Надпись, дѣйствительно, была включена въ 1-ое изданіе сочиненій Сумарокова, но во 2-омъ изданіи, въ концѣ части X-ой (М. 1787 г., стр. 279-ая) находится слѣдующее извѣстіе: „Къ читателю. Въ первомъ изданіи сочиненій Г. Сумарокова ошибкою внесено было въ IX часть Письмо къ Господамъ Издателямъ Всякія Всячины, съ пріобщеніемъ Надписи къ статуѣ Петра Великаго, которая сочинена не имъ, но неизвѣстнымъ сочинителемъ, почему оныя въ нынѣшнемъ изданіи и выключены". Однако, Сумароковъ все-таки участвовалъ въ „Всякой Всячинѣ": г. Автономовъ въ своей упомянутой уже работѣ сообщаетъ, что Сумарокову принадлежитъ еще басня (стр. 33), затрагивающая тяжелое положеніе крестьянъ. Г. Автономовъ предполагаетъ, что и другое, помѣщенное рядомъ, стихотвореніе принадлежитъ Сумарокову; къ этому мнѣнію можно вполнѣ присоединиться, въ особенности потому, что оба стихотворенія были напечатаны не въ очередь и по словамъ издателя „обходятъ дюжинки полторы

писемъ", ранѣе полученныхъ. Ясно, что такое предпочтеніе было сдѣлано изъ уваженія къ знаменитому писателю. Возможно, что Сумарокову и еще кое-что принадлежитъ въ журналѣ [1]).

Укажемъ на участіе въ журналѣ еще одного лица; это Иванъ (Ивановичъ?) Сичкаревъ. Въ „Барышкѣ Всякой Всячины" весь предпослѣдній и почти весь послѣдній полулисты (стр. 537 — 550) заняты переводомъ „Еліана различныхъ повѣстей". Переводъ этотъ, напечатанный анонимно, принадлежитъ И. Сичкареву. Въ 1773 году, въ СПБ., была издана книга „Еліана различныя повѣсти. Съ Еллиногреческаго на Россійскій языкъ перевелъ Иванъ Сичкаревъ", часть I. Часть II-ая была издана гораздо позднѣе, именно въ 1787 году въ Москвѣ, когда была перепечатана также и часть I-ая. Сравнивая этотъ переводъ съ помѣщенными во „Всякой Всячинѣ" отрывками тѣхъ же повѣстей, находимъ, что переводъ послѣднихъ сходенъ съ изданіемъ 1773 года и, слѣдовательно, принадлежитъ И. Сичкареву. Большая часть отрывковъ воспроизведена слово въ слово въ изданіи 1773 и 1787 года, и лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ есть незначительные варіанты въ словахъ. Во „Всякой Всячинѣ" помѣщены отрывки изъ слѣдующихъ книгъ повѣстей Эліана: кн. II, гл. 24, 28 — 29, 33, 35 — 37, 39; кн. III, гл. 11, 13, 16, 25, 27 — 90; кн. VI, гл. 1 — 8; кн. VIII, гл. 4; кн. IX, гл. 12; кн. XI, гл. 1 — 7. Надо замѣтить, что во II-ой части, въ отдѣльномъ изданіи, глава 12 книга IX-ой пропущена (вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ — въ виду упоминанія о „многихъ и безмѣстныхъ сладострастіяхъ").

Разъ фактъ сотрудничества И. Сичкарева во „Всякой Всячинѣ" дѣлается доказаннымъ, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ думать, что тому же лицу принадлежитъ еще въ этомъ журналѣ одно письмо къ сочинителю „Всякой Всячины", подписанное иниціалами И. С.; письмо это помѣщено на стр. 313 — 315 журнала и начинается слѣдующей фразой: „Кто бы вы таковы ни были, но достойны моего, а кажется и всеобщаго почтенія, о которомъ я въ двухъ письмахъ подъ литерами И. С. довольно уже изъяснилъ, но не знаю чѣмъ показалось вамъ послѣднее мое, прошедшаго Іюня отъ 15 дня, письмо недостойнымъ во Всякую Всячину и признано за цѣль на особы...". Относительно этого письма, дѣйствительно, имѣется на стр. 200 журнала слѣдующее увѣдомленіе: „Письма, одно господина І. С., отъ 15 дня Іюня, другое письмо господина Начертая Предмѣтова не будутъ напечатаны для того, что въ обоихъ видно стремленіе цѣлить на особы".

Ранѣе этого иниціаловъ И. С. (или І. С.) въ журналѣ не встрѣчается. Но на стр. 375 — 376 снова есть тѣ же иниціалы: подъ № 140 помѣщено слѣдующее сообщеніе „Господину І. С., описавшему въ письмѣ къ намъ отъ 4 дня Ноября крестины и бесѣду подъяческую, во удовольствіе, по прошенію его, предлагаемъ здѣсь, хотя и не самыми крупными регистраторскими, какъ онъ желалъ, словами Нравоучительныя заповѣди подъячимъ". Далѣе слѣдуютъ 12 заповѣдей, какъ можно думать принадлежащихъ тому же І. С.,

---

[1]) Обратимъ, напримѣръ, вниманіе на помѣщенное на стр. 350 — 352, № 132, письмо отъ „Стоикова", который возражаетъ на находящееся во „Всякой Всячинѣ" письмо нѣкоего „Примѣчаева" о томъ, что худые нравы и обычаи мы заимствовали отъ Татаръ. Стоиковъ защищаетъ и хвалитъ Татаръ, находя, что худые обычаи и нравы у насъ отъ Сарматовъ, съ которыми смѣшались Славяне. — Точно такая же мысль высказывается и по поводу письма того же „Примѣчаева" въ статьѣ, достовѣрно принадлежащей Сумарокову — „Противорѣчіе г. Примѣчаеву", въ журналѣ „И то и се", недѣля 6-ая (Сравни ниже при обозрѣніи этого журнала).

то есть Сичкареву; описаніе же крестинъ и бесѣда подъяческая не были напечатаны.

Разыскивая сотрудниковъ „Всякой Всячины“, можно съ большимъ основаніемъ руководиться предположеніемъ, что нѣкоторые изъ нихъ были близки ко Двору Императрицы, по желанію которой издавался журналъ. Въ этомъ направленіи сдѣлаемъ еще двѣ догадки. Во „Всякой Всячинѣ“ встрѣчаемъ подпись „Аришлай Шуши“ (стр. 38), затѣмъ есть стихи съ подписью А. Ш. (стр. 461 — 462, „Елегія“). Начальныя буквы шуточнаго псевдонима заставляютъ насъ вспомнить графа Андрея Петровича Шувалова, участника литературныхъ предпріятій Императрицы. Шуваловъ участвовалъ въ переводѣ „Велисарія“ во время путешествія Императрицы по Волгѣ, а въ 1768 г. былъ назначенъ вмѣстѣ съ Г. В. Козицкимъ и гр. В. Г. Орловымъ однимъ изъ руководителей учрежденнаго Екатериной „Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ“. Поэтому можно бы думать, что онъ участвовалъ и въ журналѣ Екатерины. Въ такомъ случаѣ весьма возможно, что и упомянутый псевдонимъ и иниціалы А. Ш. подъ стихами (А. П. Шуваловъ извѣстенъ, какъ стихотворецъ) принадлежатъ гр. А. П. Шувалову, участіе котораго въ журналѣ могло быть и болѣе широкимъ.

Затѣмъ еще Буличъ указалъ, что письмо о комедіи В. И. Лукина, написанное отъ имени какой-то дѣвицы, принадлежитъ А. В. Храповицкому. Неустроевъ не принялъ этого во вниманіе, на что было указано Л. Н. Майковымъ [1]). Между тѣмъ, фактъ помѣщенія даннымъ авторомъ хотя бы одного незначительнаго письма важенъ потому, что на этомъ основаніи можно уже предполагать и болѣе значительное сотрудничество, которое вслѣдствіе анонимности статей, остается неизвѣстнымъ.

Въ „Словарѣ“ Новикова про Храповицкаго сказано, что онъ „издалъ въ свѣтъ много разныхъ стихотвореній и сатирическихъ писемъ въ еженедѣльныхъ изданіяхъ, напечатанныхъ 1769 года“. На основаніи этого показанія можно думать, что участіе Храповицкаго во „Всячинѣ“ не ограничилось помѣщеніемъ одного письма, тѣмъ болѣе, что Храповицкій позднѣе сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ литературныхъ предпріятій Екатерины и былъ извѣстенъ ей еще и ранѣе 1769 года [2]). Въ частности, наше вниманіе обращаетъ имѣющійся подъ двумя письмами во „Всячинѣ“ шуточный псевдонимъ: „Агафья Хрипухина“. Тожественность начальныхъ буквъ имени и фамиліи Храповицкаго съ соотвѣтственными буквами псевдонима, а также и сходство его съ фамиліей Храповицкаго, позволяютъ предположить, что онъ и былъ авторомъ писемъ, подписанныхъ упомянутымъ псевдонимомъ (на стр. 14—15 и 46—47). Послѣднее письмо напечатано рядомъ съ письмомъ, несомнѣнно принадлежащимъ Храповицкому (о комедіи Лукина; стр. 43 — 45). Какъ въ послѣднемъ письмѣ, такъ и въ указываемыхъ нами, рѣчь идетъ отъ имени какой-то женщины; это только подтверждаетъ, что „Агафья Хрипухина“ — псевдонимъ А. В. Храповицкаго. Если же предположеніе справедливо, то тому же автору должно принадлежать и письмо въ „Барышкѣ Всякой Всячины“ (стр. 450—451)

---

[1]) „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“ (въ „Очеркахъ изъ исторіи русск. литературы XVII и XVIII стол.“), стр. 399.

[2]) Что Храповицкій былъ уже извѣстенъ Императрицѣ ранѣе этого времени видно изъ того, что еще въ 1762 г. онъ посвятилъ ей свой переводъ — „Похожденіе Неоптолема“ (Спб., 1762); этотъ переводъ былъ поднесенъ Императрицѣ, какъ это видно изъ посвященія, еще въ рукописи, которая была напечатана по „апробаціи“ самой Государыни.

за подписью „Агаѳья Станостроева“; изъ текста ясно, что авторъ тотъ же. Весьма возможно, что нѣкоторыя письма и съ другими шуточными псевдонимами принадлежатъ Храповицкому. Таковы, напримѣръ, письма, подписанныя такими юмористическими псевдонимами: Василиса Топтоногова, Н. Пѣтухова, Олимпіада Сердцекрадова, Акилина Трещоткина и т. п.

Догадываться по иниціаламъ объ именахъ авторовъ статей, имѣетъ, на нашъ взглядъ, значеніе и смыслъ только въ томъ случаѣ, когда, кромѣ иниціаловъ, существуютъ какія-либо другія данныя, указывающія на возможную близость того или другого писателя къ данному журналу. Мы потому высказали догадки относительно гр. А. П. Шувалова и А. В. Храповицкаго, что эти лица принадлежали къ литературному кружку Императрицы, а о Храповицкомъ, кромѣ того, извѣстно, что онъ писалъ во „Всячинѣ“; такимъ образомъ, кромѣ тожественности иниціаловъ, имѣлось и другое подтвержденіе возможности нашего предположенія объ авторствѣ этихъ лицъ. Догадки же основанныя только на иниціалахъ едва ли не въ большей степени способствуютъ запутыванію вопроса, чѣмъ могутъ служить къ его разрѣшенію. Такъ, Буличъ говоритъ, что имѣющіеся во „Всякой Всячинѣ“ иниціалы А. Л. можно отнести Аѳанасію Лобысевичу, только потому, что послѣдній печаталъ переводы въ журналѣ Сумарокова; по мнѣнію Л. Н. Майкова, иниціалы П. Ф. Б. принадлежатъ или Петру Федоровичу Богдановичу или П. Ф. Бергу, который въ 70-ыхъ годахъ писалъ въ изданіяхъ Вольнаго Экономическаго Общества и переводилъ Фильдинга. Эти предположенія основаны только на иниціалахъ, а потому не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Въ частности, относительно предположенія, что иниціалы П. Ф. Б. означаютъ Петра Богдановича замѣтимъ, что это невѣрно: П. Богдановича звали не Петръ Ѳедоровичъ, а Петръ Ивановичъ.

„И ТО И СЕ“.

Вторымъ сатирическимъ журналомъ, начавшимъ выходить также съ самаго начала 1769 года, было „И то и се“, издававшееся М. Д. Чулковымъ [1]). Почти весь текстъ журнала принадлежитъ перу самого издателя, что видно изъ собственныхъ его словъ: „во всемъ моемъ изданіи трудился я одинъ безъ всякой себѣ помощи, выключая нѣкоторое весьма малое, которое и по слогу узнаетъ читатель, что оно не мое, а принесено ко мнѣ рокомъ“ [2]). Дѣйствительно, слогъ Чулкова очень характеренъ, равно какъ и орѳографія издателя. Кромѣ прозаическихъ статей сатирическаго характера, Чулкову принадлежатъ также помѣщенныя въ журналѣ стихотворенія „На качели“ (напечатанное въ листахъ 16—18) и на „На семикъ“ (въ листѣ 22-мъ); оба стихотворенія въ журналѣ помѣщены безъ заглавія. Вообще Чулковъ, хотя и писалъ стихотворенія, но только сатирическаго или полемическаго характера; лирика же не была удѣломъ Чулкова, такъ что даже въ его комедіи „Какъ хочешь назови“ пѣсенки сочинены не самимъ Чулковымъ, а М. Поповымъ.

---

[1]) Самъ Чулковъ придерживался такого правописанія названія своего журнала: сперва (первые пять недѣльныхъ выпусковъ) — „И то и сїо“, а въ остальныхъ выпускахъ — „И то и сьо“.

[2]) „И то и се“, декабрь, недѣли 51 и 52.

Извѣстны два сотрудника Чулкова по журналу „И то и се“; это М. И. Поповъ и А. П. Сумароковъ. Поповъ и Чулковъ работали вмѣстѣ и въ другихъ литературныхъ своихъ трудахъ; возможно, что дружба этихъ двухъ писателей объясняется ихъ совмѣстной службой въ театрѣ, ибо М. И. Поповъ подобно Чулкову былъ ранѣе придворнымъ актеромъ, а потомъ, какъ и Чулковъ, перешелъ на канцелярскую службу. Поповъ помѣщалъ въ журналѣ „И то и се“ различныя свои стихотворенія. Въ то же время Поповъ сотрудничалъ, притомъ болѣе дѣятельно, въ „Трутнѣ“ Новикова, литературнаго противника Чулкова.

Гораздо болѣе значительнымъ фактомъ для журнала „И то и се“ было участіе въ немъ Сумарокова. Весьма замѣчательно, что первый тогдашній писатель принялъ участіе именно въ журналѣ Чулкова. Изъ другихъ сатирическихъ журналовъ Сумароковъ писалъ кое-что только во „Всякой Всячинѣ“, что объясняется близостью его къ Г. В. Козицкому. Принявъ участіе въ журналѣ „И то и се“, Сумароковъ тѣмъ самымъ показывалъ свое сочувствіе направленію журнала Чулкова; несомнѣнно, что и литературные взгляды знаменитаго въ то время писателя и его высокій литературный авторитетъ должны были извѣстнымъ образомъ отразиться на журналѣ молодого писателя Чулкова, къ тому же и по общественному положенію стоявшаго неизмѣримо ниже Сумарокова. Фактъ участія Сумарокова мы считаемъ важнымъ, а потому остановимся на немъ, тѣмъ болѣе, что на него не обращено надлежащаго вниманія историками журналистики, а Неустроевъ даже и совсѣмъ не упоминаетъ помѣщенныхъ въ „И то и се“ статей Сумарокова.

Прежде всего является вопросъ, чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что Сумароковъ принялъ участіе именно въ журналѣ Чулкова. По этому поводу можно привести свѣдѣнія, указывающія на существовавшія личныя отношенія Сумарокова и Чулкова. Это видно изъ опубликованныхъ въ „Библіографическихъ запискахъ“ писемъ Сумарокова. Такъ, въ письмѣ къ Г. В. Козицкому, отъ 14 августа 1768 г., Сумароковъ упоминаетъ о Чулковѣ: „Была ошибка и нѣчто пропущено въ копіи моего перевода, такъ ради того замедлилъ прислать къ вамъ оную, дожидаяся Чулкова, чтобы съ нимъ купно просмотрѣть“ [1]). Неизвѣстно, о чемъ именно здѣсь идетъ рѣчь, но фактъ какихъ-то личныхъ отношеній отсюда виденъ. Замѣтимъ также и то, что Чулковъ, бывшій актеръ, могъ имѣть отношенія къ Сумарокову и по театру; сохранилась даже эпиграмма, которая касается какъ разъ игры Чулкова въ Сумароковской трагедіи „Синавъ и Труворъ“. Приведемъ эту эпиграмму:

„Восплачь, Чулковъ! твое вчерашне представленье
У зрителей ввело тебя во омерзенье,
О смерти „Трувора“ ты очень гнусно вылъ;
Достоинъ твоего герой сей плача былъ,
Играніемъ твоимъ покойникъ остыдился,
Но болѣе его псаломщикъ осрамился“ [2]).

Отношеніе Сумарокова къ журналу Чулкова объясняетъ и нѣкоторые другіе вопросы. Такъ, является возможность предположить, почему „И то и се“

[1]) „Библіографическія записки“ 1858, г., стр. 421, статья П. Лебедева „Новые матеріалы для біографіи А. П. Сумарокова“. Правда, здѣсь не упомянуто имени Чулкова, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ о Михаилѣ Дмитріевичѣ, такъ какъ письмо касается какого-то литературнаго дѣла.

[2]) „Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія“, статья А. Н. Аѳанасьева въ „Библіографическихъ запискахъ“ 1859 г., № 17, стр. 522.

БИБЛИОТЕКА
Литературного музея
им. А. М. Горького

появилось одновременно со „Всякой Всячиной“ и, какимъ образомъ Чулковъ могъ быть вызванъ на журнальное поприще. Сумароковъ и завѣдывавшій изданіемъ „Всякой Всячины“ Козицкій находились въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ, причемъ Козицкій былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Сумарокова по „Трудолюбивой Пчелѣ“. Близость къ журналу „И то и се“ Сумарокова указываетъ на то, что, вѣроятно, черезъ него Чулковъ могъ быть освѣдомленъ о намѣреніи Императрицы издавать журналъ и о ея желаніи видѣть появленіе другихъ подобныхъ изданій. Вполнѣ понятно и то, почему „Всякая Всячина“ знала, что у нея будетъ потомство, въ видѣ другихъ журналовъ.

Черезъ того же Сумарокова Чулковъ, очевидно, зналъ и объ участіи Императрицы во „Всякой Всячинѣ“. Нападая чуть не на всѣ современные журналы, Чулковъ, однако, болѣе чѣмъ съ уваженіемъ относится ко „Всякой Всячинѣ“. Уже въ началѣ своего изданія, въ недѣлѣ 3-ей, Чулковъ обѣщаетъ слѣдовать „Всякой Всячинѣ“ въ такихъ словахъ „... я слѣдовалъ тебѣ и слѣдовать буду, за что, я чаю, гнѣваться ты на меня не будешь, и сіе мое усердіе сочтешь знакомъ моей къ тебѣ преданности, которая останется во мнѣ до конца моей жизни“.

Переходя къ вопросу объ участіи Сумарокова въ журналѣ Чулкова, мы находимъ здѣсь, какъ это было указано еще А. Н. Аѳанасьевымъ и Л. Н. Майковымъ [1]), три статьи несомнѣнно принадлежащія перу Сумарокова. Таковы:

1) въ недѣлѣ 5-ой — письмо къ А. В. (Храповицкому); здѣсь Сумароковъ хвалитъ письмо Храповицкаго, помѣщенное во „Всякой Всячинѣ“, возражаетъ на мнѣніе этого журнала, будто „легче критиковать, нежели сочинять“, и находитъ, что мнѣніе, будто „у насъ наука въ худомъ еще положеніи“, не основательно. Затѣмъ Сумароковъ говоритъ о крупныхъ и непростительныхъ погрѣшностяхъ комедіи Софьи Менандровны (Лукина) и высказываетъ пожеланіе, чтобы такихъ начинающихъ писателей (какъ Храповицкій) было больше, а такихъ комедій было бы меньше.

2) въ недѣлѣ 6-ой — „Противорѣчіе г. Примѣчаеву“ по поводу напечатанной имъ во „Всякой Всячинѣ“ статьи, гдѣ сказано, „что все то, что доброе въ нравахъ нашихъ, есть наслѣдіе отъ предковъ намъ, а худое все отъ татаръ“. Сумароковъ возражаетъ на это, говоря: „Татары не только благородные, но и остатки нижайшихъ ихъ отраслей суть люди добрыя, а народы ихъ въ добродѣтели всегда были отличны; и тако нравы ихъ не могли насъ никакимъ заразить худомъ. Худые нравы отъ худыхъ сердецъ и отъ малаго просвѣщенія происходятъ, да есть и остатки худобы въ нашемъ народѣ отъ Сарматовъ, смѣсившихся со Славянами, когда Славяне ихъ завоевали и покорили“. Затѣмъ авторъ сравниваетъ Татаръ и Французовъ, причемъ это сравненіе не въ пользу Французовъ. „Лютый Татаринъ, говоритъ Сумароковъ, огрызается, лаетъ и кусаетъ; изгнаный изъ своего отечества Французъ ластится, ласкаетъ и кусаетъ; но тотъ, песъ который ластяся кусаетъ, опаснѣе. Предки наши никогда лаянію Татаръ не подражали, а подражали только ихъ истиннолюбію и геройству, которымъ они и сами не меньше ихъ исполнены были, а подражая еще умножали свое любочестіе“. Далѣе авторъ разсуждаетъ: „Истинная наука приводитъ къ познанію божества и человѣчества, а суетное и обремененное мудрованіе приводитъ къ заблужденію, суевѣрію и безбожію. Татары имѣли основаніе на мужествѣ и истиннѣ и насъ никогда

[1]) Аѳанасьевъ, „Русскіе сатирич. журналы“, стр. 8, и Майковъ, „Нѣсколько данныхъ для исторіи рус. журналистики XVII и XVIII стол.“ („Очерки изъ исторіи рус. литер.“, стр. 400).

не портили, а портятъ благородное россійское юношество французскіе худонравные учители, отъ учениковъ ихъ портятся слуги, а отъ слугъ развращаются поселяне. Вотъ причина нашего развращенія, а не Татары". Въ заключеніе своей статьи Сумароковъ высказываетъ мысль: „Добрый и отличный человѣкъ достоинъ почтенія, безъ различія Россіянинъ ли онъ, Французъ ли, или Татаринъ, а клопъ французской передъ клопомъ татарскимъ никакова не имѣетъ преимущества". — Вообще статья эта, хотя и не сатирическая, одна изъ замѣчательныхъ въ журналѣ Чулкова.

3) въ недѣлѣ 6-ой — „О всегдашней равности въ продажѣ товаровъ". Въ этой статьѣ Сумароковъ высказываетъ мысль о томъ, что цѣны на продаваемые товары должны быть постоянно одинаковы, „хотя много, хотя мало вывезено товаровъ, или сжато хлѣба". Затѣмъ Сумароковъ говоритъ: „Благополучіе Государства не въ нѣкоторыхъ членахъ, но во всѣхъ состоитъ. Тѣ, которые подымаютъ товаровъ своихъ цѣну, для единаго недостатка товаровъ, суть злѣйшіе грабители, подобные ворамъ, которые на пожарахъ крадутъ, и людямъ разоряемымъ разореніе усугубляютъ". Попутно Сумароковъ высказываетъ мысль о томъ, что послѣдствія отъ недородовъ хлѣба въ Россіи можно отвратить устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Кромѣ означенныхъ трехъ статей въ „И то и се" помѣщены стихотворенія Сумарокова, именно притчи — „Змѣя ползла" и „Герой отъ кореня преславна", эпиграмма („Младенецъ молоко у матери сосетъ...") и три загадки — все это въ выпускѣ 6-омъ (6-ая недѣля). На принадлежность Сумарокову эпиграммы и загадокъ указалъ Л. Н. Майковъ, почему-то однако не отмѣтившій, что и притчи принадлежатъ тому же автору. Притчи эти помѣщены въ „Полномъ собраніи сочиненій" Сумарокова, изд. 1781 г., часть IX, стр. 354 — 356, рядомъ съ другими стихотвореніями и статьями Сумарокова изъ журнала „И то и се". Такимъ образомъ, весь шестой выпускъ журнала занятъ исключительно произведеніями Сумарокова.

Статьи Сумарокова находятся только въ первыхъ выпускахъ журнала; это можно объяснить тѣмъ, что въ мартѣ 1769 г. Сумароковъ переселился въ Москву, вслѣдствіе чего могло прерваться и участіе его въ „И то и се".

Кромѣ статей, принадлежащихъ Сумарокову, въ „И то и се" можно найти хотя и не его собственныя произведенія, но такъ или иначе отражающія взгляды и мнѣнія знаменитаго писателя. Такъ, мы находимъ здѣсь цѣлый словарикъ употреблявшихся тогда иностранныхъ словъ съ соотвѣтствующими имъ русскими словами (въ недѣлѣ 26-ой). При этомъ составитель словаря указываетъ, что напрасно стараются вводить иностранныя слова въ русскій языкъ „ибо нашъ языкъ и безъ оныхъ преизобиленъ". Одинъ изъ первыхъ ревнителей чистоты русскаго языка, Чулковъ въ этомъ отношеніи прямо шелъ по стопамъ Сумарокова, въ своей „Трудолюбовой Пчелѣ "помѣстившаго статью „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка", съ краткимъ перечнемъ словъ. Можно бы думать, что и напечатанный въ „И то и се" словарикъ составленъ Сумароковымъ, но различіе въ истолкованіи нѣкоторыхъ словъ, сдѣланное въ этомъ журналѣ и въ Сумароковской „Пчелѣ", говоритъ противъ такого предположенія.

Вообще Чулковъ недоволенъ изданіями 1769 года и считаетъ образцомъ Сумароковскій журналъ: „По моему мнѣнію Пчела и ежемѣсячныя академическія изданія несравненно сихъ лучше", говорится въ недѣлѣ 24-ой.

Въ литературныхъ отношеніяхъ Чулкова есть также общее съ Сумароковымъ. Непримиримый врагъ послѣдняго Эминъ — былъ главнымъ врагомъ и

Чулкова. Издатель журнала „И то и се“ высмѣивалъ Эмина въ поэмѣ „Плачевное паденіе стихотворцевъ“, вышедшей въ видѣ приложенія къ „И то и се“. Сумароковъ же вывелъ Эмина въ своей комедіи „Ядовитый“ подъ именемъ Герострата. Сравнивая насмѣшки и нападенія Сумарокова и Чулкова, мы найдемъ въ нихъ много общаго.

Доля участія въ „И то и се“ другого сотрудника М. И. Попова до сихъ поръ не опредѣлена. Потому мы, сличивъ изданіе „Досуги, или собраніе сочиненій и переводовъ Михайла Попова“ (Спб., 1772 г., 2 части) съ текстомъ журнала, указываемъ (въ выноскѣ) всѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ Попову [1]). Возможно, что, кромѣ стихотвореній, Попову также принадлежатъ нѣкоторые мелкіе переводы. Вѣроятно также, что въ собраніе вошли не всѣ стихотворенія, а потому доля участія Попова въ журналѣ можетъ быть еще увеличена. Отмѣтимъ, что въ „И то и се“ есть нѣсколько недѣльныхъ выпусковъ, сплошь наполненныхъ произведеніями Попова; таковы недѣли — 19, 20, и почти вся 12-ая.

Коснемся еще одного вопроса, касающагося Чулкова и его журнала, именно отношеній этого писателя къ Новикову. Н. С. Тихонравовъ однажды высказалъ предположеніе, что Новиковъ былъ близокъ съ Чулковымъ [2]). Въ недавно вышедшемъ I-омъ томѣ „Сочиненій Михаила Дмитріевича Чулкова“, изданіе Имп. Академіи Наукъ, во вступительной замѣткѣ, касающейся этого изданія, мы снова встрѣчаемъ подобное, утвержденіе; здѣсь упоминается, что Чулковъ вышелъ изъ петербургскаго кружка Новикова и даже былъ его другомъ [3]).

Въ дѣйствительности, какъ предположеніе Тихонравова, такъ и другое упомянутое подобное же утвержденіе, не могутъ считаться справедливыми: Чулковъ не только не былъ другомъ Новикова или просто близкимъ къ нему человѣкомъ, а былъ литературнымъ противникомъ издателя „Трутня“. Въ доказательство этого нашего утвержденія можно привести цѣлый рядъ выписокъ изъ журналовъ „И то и се“ и „Трутня“, но мы ограничимся только слѣдующими примѣрами. Вотъ хотя бы такой отзывъ о Новиковѣ изъ Чулковскаго журнала:

„Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе Господина Трутня. Сей человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ себя непріятелемъ рода человѣческаго. Тутъ, кромѣ язвительныхъ браней и ругательства, я не нашолъ ничево доброва; для чево послалъ я къ одному моему пріятелю попросить еще нѣсколько листковъ ево же журнала: но что я увидѣлъ? тутъ грубость и зло-

---

[1]) Попову принадлежатъ въ журналѣ „И то и се“ слѣдующія стихотворенія: недѣля 7 — эпиграммы (три); недѣля 12 — напечатанные при письмѣ: сонетъ („О небо для чего“), мадригалъ („Во всякомъ званіи“), элегія („Едва тебя мой свѣтъ“), загадки (три), эпиграмы (тринадцать — всѣ, кромѣ первой, начинающейся „Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ“), и эпитафіи (двѣ); недѣля 18, 19, 20 — обширная басня, напечатанная при письмѣ, которое, слѣдовательно, тоже принадлежитъ Попову (басня начинается „Всякъ житьемъ своимъ скучаетъ“, въ собраніи помѣщена подъ названіемъ „Пень“); кромѣ того въ недѣлѣ 20-ой — стих. „Еротъ побѣдитель“ (переводъ изъ Логенстейна), элегія („Прешли ласканія“) и эпиграмма (первая); недѣля 21 — эпиграммы (всѣ двѣнадцать); недѣля 31 — элегія („Увы! едва я мысль...“).

[2]) „ Сочиненія“, томъ III, стр. 242. Это была догадка Тихонравова, высказанная по поводу одного полемическаго стихотворенія писателя Ѳ. Я. Козельскаго, который вывелъ въ этомъ стихотвореніи Новикова и какого-то его ближайшаго сотрудника. Тихонравовъ предполагалъ, что это былъ Чулковъ. Нижеприводимыя данныя доказываютъ ошибочность этого заключенія. Наши предположенія о томъ, кого именно вывелъ Козельскій, будутъ высказаны ниже при обозрѣніи „Трутня“.

[3]) „Сочиненія Михаила Дмитріевича Чулкова“. Томъ I. Спб. 1913, стр. V.

нравіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; ево вѣдомости соплетены были изъ ругательства и поношенія ближнимъ, и естьлибъ ему вѣрить, то бы надлежало возъимѣть совершенное отъ всѣхъ людей отвращеніе; но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что можетъ быть пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны; и какъ онъ описалъ себя весьма праздным, то сіе наипаче утвердило меня въ семъ мнѣніи, поколику праздность есть кормилица пороковъ, въ нѣжныхъ которой объятіяхъ созрѣваютъ сіи благословенные плоды весма поспѣшнѣй, нежели подъ терніемъ трудолюбія; то сіе разсужденіе принудило меня возъимѣть противное мыслямъ ево о немъ заключеніе“ [1]).

Такъ относился журналъ Чулкова къ Новикову, а вотъ какъ относился Новиковскій журналъ къ Чулкову.

Въ „Трутнѣ“ есть нѣсколько нападеній на этого писателя. Такъ, напримѣръ, въ „Трутнѣ“ была напечатана „задача“, въ которой есть такой вопросъ:

„Кто отъ роду не бывъ со музами знакомъ
Дерзаетъ воспѣвать качели съ семикомъ [2])
Умень или дуракъ“?

Въ „Трутнѣ“ же, въ томъ же номерѣ, было помѣщено и рѣшеніе задачи, въ которомъ было сказано:

„Возможно ль чтобы тотъ разумно написалъ,
Кто вмѣстѣ съ молокомъ невѣжество сосалъ,
И кто въ поэзіи аза въ глаза не знаетъ,
Уже поэмы вдругъ писати начинаетъ.
По мнѣнью моему писатель сей таковъ,
Какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ, не вздѣвъ сперва чулковъ;
И есть ли это такъ
Конечно онъ дуракъ“ [3]).

Полагаемъ, что приведенные примѣры въ достаточной степени ясно характеризуютъ отношенія Новикова и Чулкова, и что сказаннаго довольно для подтвержденія нашего заключенія о томъ, что эти два писателя были литературными противниками, а не друзьями.

„ПОЛЕЗНОЕ СЪ ПРІЯТНЫМЪ“.

Журналъ „Полезное съ пріятнымъ“ принадлежитъ къ поколѣнію изданій 1769 года; выходилъ онъ первое время два раза въ мѣсяцъ, а затѣмъ сталъ появляться еженедѣльно. Журналъ печатался „При Императорскомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ“. Ни объ издателяхъ, ни о сотрудникахъ этого журнала ничего неизвѣстно; только Буличъ высказалъ единственную догадку, что помѣщенные въ журналѣ переводы съ англійскаго могутъ принадлежать двумъ учителямъ англійскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ Л. Сичкареву и М. Пермскому. Л. Н. Майковъ присоединился къ этой догадкѣ [4]).

[1]) „И то и се“, недѣля 28-ая.
[2]) Намекъ на сочиненныя Чулковымъ „Стихи на семикъ“ и „Стихи на качели“.
[3]) „Трутень“, 1769 г., листъ XIV, стр. 111 — 112.
[4]) Буличъ, „Сумароковъ и современная ему критика“ (стр. 251) и Майковъ, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол., стр. 401 (въ статьѣ „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“).

Преобладающее направленіе журнала дидактическое. БуличЪ говоритЪ: „Это единственный журналЪ 1769 года, вЪ которомЪ замѣтно теоретическое направленіе, полезное для современнаго общества. И надобно отдать справедливость издателямЪ: статьи, напечатанныя ими, всѣ имѣютЪ достоинство, отличаются особенною ясностію и благородствомЪ языка. Прекрасное направленіе дѣлаетЪ ихЪ еще болѣе замѣчательными“ [1]). Но, несмотря на общее дидактическое направленіе, вЪ журналѣ имѣется и сатирическій элементЪ; особеннаго вниманія вЪ этомЪ отношеніи заслуживаетЪ любопытное письмо Ѳомы Стародурова, вЪ № 2-омЪ.

Сухопутный кадетскій корпусЪ вЪ теченіе XVIII-го столѣтія былЪ однимЪ изЪ русскихЪ литературныхЪ центровЪ. Отсюда вышли СумароковЪ, ХерасковЪ, ЕлагинЪ, позднѣе ОзеровЪ; здѣсь учили ЭминЪ, КняжнинЪ; здѣсь зародился русскій театрЪ и отсюда же появился первый частный журналЪ „Праздное время вЪ пользу употребленное“ (1759 — 1760 г.г.). Сухопутный корпусЪ не оказался чуждымЪ и оживленія русской журналистики вЪ 1769 году: вЪ этомЪ году вЪ кадетскомЪ корпусѣ издавался интересующій насЪ журналЪ „Полезное сЪ пріятнымЪ“.

ВЪ Архивѣ I кадетскаго (прежде — Сухопутнаго Шляхетнаго) корпуса намЪ удалось разыскать нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся двухЪ вышедшихЪ изЪ корпуса журналовЪ. О первомЪ журналѣ „Праздное время“ мы будемЪ говорить вЪ отдѣльной статьѣ, вЪ связи сЪ разсмотрѣніемЪ всей вообще очень оживленной литературной жизни корпуса вЪ концѣ 50-хЪ и вЪ началѣ 60-хЪ годовЪ XVIII столѣтія; на настоящихЪ же страницахЪ сообщимЪ свѣдѣнія о журналѣ „Полезное сЪ пріятнымЪ“.

ИзЪ найденнаго нами вЪ дѣлахЪ типографіи корпуса документа опредѣляется, что журналЪ этотЪ печатался на счетЪ двухЪ преподавателей корпуса—Игнатія Антоновича де Тейльса и Ивана Федоровича Румянцова.

Приводимъ полностью сЪ копіи этотЪ документЪ, устанавливающій имена издателей.

„ВЪ Императорскій сухопутный шляхетной кадетскій корпусЪ · Представленіе.

Нынѣшняго 1769 году февраля 13 дня зачатЪ былЪ вЪ типографіи онаго корпуса печатать еженедѣльной журналЪ подЪ заглавіемЪ Полезное сЪ пріятнымЪ и продолжался по 25 число іюня мѣсяца. А какЪ оной журналЪ печатанЪ былЪ на счетЪ покойнаго ротмистра Румянцова обще со мною, и вся оная книга стала вЪ двѣсти двадцать шесть рублевЪ восемьдесять копѣекЪ, а именно: за наборЪ за двадцать четыре листа литерами цицеро вѣдомостными вЪ октаву, за каждой листЪ по 3 рубля — семьдесятЪ два рубли, за тисненіе на коментарной бумагѣ за девять недѣль вЪ 600 экземпляровЪ за 5400 листовЪ, сЪ листа по 1 коп. — пятьдесятЪ четыре рубли, а остальныхЪ пятнадцать недѣль — по 500 экземпляровЪ за 7500 листовЪ, такожЪ по 1 коп. сЪ листа — семьдесять пять рублевЪ, заработныхЪ сЪ 12900, сЪ каждыхЪ 10-ти тиснутыхЪ листовЪ по 2 коп. — двадцать пять рублевЪ восемьдесять копѣекЪ, — то я, не находясь теперь вЪ состояніи взнести оную сумму вЪ типографію онаго корпуса, нижайше прошу Императорской сухопутной шляхетной кадетской корпусЪ за оную сумму двѣсти двадцать шесть рублевЪ восемьдесять копѣекЪ взять вЪ казенную продажу остальное число экземпляровЪ онаго журнала, а именно 334; а чтобы казна могла получить деньги свои скорѣе, то сЪ сего журнала сбавляю двадцать копѣекЪ цѣны и вЪ оную

[1]) Буличъ, стр. 251.

продажу отдаю оставшіе 300 экземпляровъ собственной моей книги подъ заглавіемъ Исторія о славномъ рыцарѣ Донъ Кихотѣ Ламанхскомъ [1]) съ тѣмъ, что (бы) мнѣ до тѣхъ поръ не получить какъ онаго журнала, такъ и сей послѣдней книги, пока оная сумма 226 рублей 80 коп. въ казну не соберется или мной не уплатится. О чемъ Императорскому сухопутному шляхетному кадетскому корпусу нижайше представя, ожидаю резолюціи

(Подписалъ) Капитанъ Игнатій Тейльсъ.

Декабря 9 дня 1769 году" [2]).

Итакъ, изъ этого документа видно, что журналъ печатался на счетъ И. А. Тейльса и И. Ф. Румянцова. Несомнѣнно, этихъ лицъ мы можемъ считать и „издателями" (то есть составителями, редакторами) журнала, такъ какъ и Тейльсъ и Румянцовъ были прикосновенны къ литературѣ. Оба издателя были въ 1769 году преподавателями корпуса: Тейльсъ — нѣмецкаго языка, Румянцовъ — фортификаціи. Румянцовъ въ то же время завѣдывалъ корпусной типографіей, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, то, что онъ взялся за изданіе журнала. И. Румянцовъ упоминается въ библіографіи, какъ переводчикъ на русскій языкъ „Жизни шведской графини", сочин. Геллерта (1766—68 г.г.), а также книжки „Гномоники, или науки о солнечныхъ часахъ, начальныя основанія", переводъ съ нѣмецкаго, 1768 г.

Во всякомъ случаѣ Румянцовъ, скончавшійся въ 1769 г. (8 августа), не зарекомендовалъ себя настолько въ литературѣ, чтобы мы могли приписать ему преобладающее участіе въ изданіи „Полезнаго съ пріятнымъ".

Игнатій Антоновичъ де Тейльсъ гораздо болѣе заслуживаетъ нашего вниманія: Тейльсъ извѣстенъ рядомъ литературныхъ трудовъ, онъ былъ близокъ къ масонству и былъ пособникомъ Новикова по его издательской дѣятельности. Остановимся на личности Тейльса, которому, несомнѣнно, принадлежала главнѣйшая роль при изданіи разсматриваемаго журнала.

И. А. Тейльсъ родился въ 1744 году; онъ былъ сыномъ Антона Тейльса, поступившаго въ 1714 г. на русскую службу. Съ 1763 года мы видимъ И. А. Тейльса въ числѣ корпусныхъ преподавателей; при корпусѣ Тейльсъ служилъ долго, и въ 70-ыхъ годахъ онъ былъ здѣсь секретаремъ совѣта (во времена Бецкаго). Новиковъ въ „Словарѣ" указываетъ, что Тейльсъ былъ сочинителемъ дирекціонной коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Въ молодые годы Тейльсъ очень усердно занимался литературой. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) Обычаи достопамятныхъ народовъ, соч. Линдингера, перев. съ нѣм. М., 1766 и 2-ое изд. — М., 1788; 2) Гуза-

---

[1]) Эта книга, указанная въ „Опытѣ Россійской библіографіи" Сопикова подъ № 4857, вышла изъ печати безъ означенія имени переводчика, которое не было разъяснено и Сопиковымъ. Новиковъ въ своемъ „Словарѣ" указалъ про Тейльса, что онъ „перевелъ нѣсколько книгъ съ немалымъ успѣхомъ". Тотъ фактъ, что эта книга издана на счетъ Тейльса, позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ считать его и переводчикомъ: просматривая дѣла, относящіяся къ типографіи корпуса, мы убѣдились, что въ то время авторы и переводчики обыкновенно печатали книги на свой счетъ. Изъ типографскихъ же дѣлъ 60-ыхъ годовъ мы получаемъ свѣдѣніе, что на счетъ того же Тейльса издана и другая книга — „Гузаратскія султанши, или сны неспящихъ людей", переводъ съ французскаго, 4 части, Спб., 1766 г. (у Сопикова, № 3065, анонимно). На томъ же самомъ основаніи приписываемъ переводъ и этой книги Тейльсу. Давая пока эти краткія указанія, подробнѣе объ изданіяхъ корпусной типографіи, а въ томъ числѣ и объ указанныхъ книгахъ Тейльса, мы будемъ говорить особо.

[2]) Архивъ I-го Кадетскаго Корпуса, дѣло 1769 года, о типографіи, за № 35, листъ 122-ой.

ратскія султанши или сны неспящихъ людей, монгольскія сказки, перев. съ франц., 4 части, Спб., 1766 г., 2-ое изд. — Спб., 1774 г., 3-ье изд. — М., 1788 г.; 3) Исторія о славномъ рыцарѣ Ламанхскомъ Донъ-Кихотѣ, соч. Серванта Саведры, перев. съ фр. — Спб., 1769 г.; 4) Слово Императрицѣ Екатеринѣ II на выздоровленіе ея отъ прививанія оспы — Спб., 1771 г.; 5) Слово похвальное графу Никитѣ Ивановичу Панину — Спб., 1771 г.; 6) Описаніе Китайской имперіи и Татаріи Китайской, соч. Дюгальда, перев. съ франц., 2 части — Спб., 1774 — 77 г.г.

Послѣдняя книга (по крайней мѣрѣ 1-ая часть) издана Новиковскимъ „Обществомъ, старающимся о напечатаніи книгъ“ [1]). Предполагаемъ, что Тейльсъ былъ членомъ этого общества и, вѣроятно благодаря посредничеству Тейльса, въ типографіи Шляхетнаго корпуса было отпечатано нѣсколько изданій общества. Повидимому, уже въ 1769 году Тейльсъ былъ въ сношеніяхъ съ Новиковымъ: въ „Трутнѣ“ помѣщено объявленіе (стр. 72-ая 1770 г.) о переведенной Тейльсомъ Исторіи Донъ-Кихота, а такія объявленія тогда помѣщались по знакомству. Достовѣрно извѣстно, что въ 80-ыхъ годахъ Тейльсъ принадлежалъ къ числу масоновъ; въ 1783 году Новиковъ рекомендовалъ принять его въ петербургскій капитулъ черезъ С. В. Перфильева: „Онъ человѣкъ, писалъ Новиковъ, по всему заслуживающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь; онъ же вамъ совершенно годится“ [2]). Въ 80-хъ годахъ Тейльсъ служилъ въ Сенатѣ и, пользуясь своимъ положеніемъ, оказывалъ услуги сообщникамъ Новикова въ дѣлѣ изданія книгъ. Въ серединѣ 80-ыхъ годовъ въ Петербургѣ организовалось „Общество друзей словесныхъ наукъ“, однимъ изъ учредителей котораго былъ М. И. Антоновскій, принадлежавшій къ числу младшихъ сотрудниковъ Новикова. Въ 1786 г. Антоновскій писалъ Г. Р. Державину: „Пустились бы можетъ быть уже и мы въ свѣтъ со своими изданіями, ежели бы сумятица, въ цѣломъ государствѣ о цензураніи книгъ отъ монаховъ происшедшая по случаю напечатанія нѣкоторыхъ у г. Новикова, высочайше замѣченныхъ вредными и раскольническими книгъ, есть ли бы, говорю, сія сумятица, поудержавъ насъ, между тѣмъ не лишила ревностнаго споспѣшествователя въ разсужденіи отпечатанія г-на Тейльса, который нынѣ выбылъ изъ Сената и Петербурга въ Новгородское, какъ я слышалъ, намѣстничество — предсѣдателемъ уголовнаго суда“ [3]). Это не совсѣмъ точно: Тейльсъ былъ переведенъ на это мѣсто въ Тверь, гдѣ сдѣлался также и директоромъ народныхъ училищъ. Затѣмъ И. А. Тейльсъ былъ вице-губернаторомъ и губернаторомъ въ Тверской губерніи. Въ 1807 году, со времени присоединенія Бѣлостокской и Тарнопольской областей къ Россіи, назначенъ былъ ихъ начальникомъ. Ему же въ 1815 году была поручена сдача уступленной обратно Австріи Тарнопольской области. Въ томъ же 1815 году И. А. Тейльсъ скончался въ Бѣлостокѣ, будучи въ то время сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ [4]).

---

[1]) Объ этомъ обществѣ см. нашу статью „Раннее издательское общество Н. И. Новикова“ въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1912 г., № V.

[2]) См. Ешевскій „Московскіе масоны“ („Русскій Вѣстникъ“, 1865 г., т. 65, стр. 31).

[3]) „Сочиненія Державина“, изд. Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. Грота, томъ V, стр. 476.

[4]) Объ И. А. Тейльсѣ см.: 1) „Сѣверная почта“, 1815 г., № 79 (некрологъ); 2) Митроп. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“ (М. 1845 г.), т. II, стр. 205; 3) Новиковъ, „Опытъ историч. словаря о россійскихъ писателяхъ“ (Спб., 1772 г., стр. 216); 4) Петровскій, С., „Изъ записокъ Тейльса“ („Историч. Вѣстн.“, 1886 г., т. XXVI, стр. 402); 5) „Словарь историческій или сокращенная библіотека“, изд. А. Свѣтушкина, 1793 г., ч. XII, стр. 350;

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, кто трудился надъ переводомъ и составленіемъ статей для журнала. Въ журналѣ нѣтъ ни одной подписи (если не считать двухъ-трехъ явно псевдонимовъ).

Въ „Предъувѣдомленіи“ къ журналу указано, что „главныя матеріи“ для него взяты изъ книги „Юношеская Библіотека“, сочиненной „однимъ славнымъ англинскимъ писателемъ“. Кромѣ того, издатели говорятъ: „Дабы и въ семъ препровожденіи времени имѣлъ разумъ отдохновеніе отъ важныхъ матерій, то въ дополненіе найдетъ благосклонный читатель разныя сочиненія и переводы, согласные съ описуемою матеріей“.

Обращаясь къ тексту журнала, мы видимъ, что существеннѣйшую его часть составляютъ статьи нравоучительнаго характера. Таковы статьи: О воспитаніи (№ 1, стр. 5 — 27); О наукахъ (№ 2, стр. 1 — 22); О обхожденіи и избраніи друзей (№ 3, стр. 5 — 13, 17 — 26; № 4, стр. 1 — 11; № 5, стр. 17 — 29; № 6, стр. 1 — 12); О одеждѣ (№ 4, стр. 17 — 30); О любви и волокитствѣ (№ 5, стр. 17 — 26); О притворствѣ (№ 7, стр. 1 — 8); О скупости (№ 7, стр. 17 — 27); О зависти (№ 8, стр. 1 — 9); О злословіи (№ 8, стр. 17 — 22); О праздности (№ 9, стр. 1 — 13); О безразсудномъ любопытствѣ (№ 9, стр. 17 — 29); О гордости (№ 10, стр. 1 — 4); О познаніи свѣта (№ 10, стр. 13 — 14), О неудовольствіи (№ 10, стр. 17 — 22); О роскоши (№ 11, стр. 1 — 9); О ревнивости (№ 11, стр. 17 — 23); О самолюбіи (№ 11, стр. 27 — 28); О благополучіи (№ 11, стр. 29 — 31); О говорливости (№ 12, 17 — 22). По всей вѣроятности, всѣ эти переводы сдѣланы однимъ лицомъ, въ пользу чего говоритъ единообразіе слога и орѳографіи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что переводы эти исполнялись однимъ изъ издателей, а не какимъ-либо другимъ лицомъ. И, конечно, вѣрнѣе всего предположеніе, что переводы дѣлались И. А. Тейльсомъ. Тейльсъ, вѣроятно, считался въ свое время, очень хорошимъ педагогомъ, ибо ему было ввѣрено Екатериной воспитаніе извѣстнаго графа Бобринскаго. Помѣщенные въ журналѣ переводы были какъ разъ въ сферѣ интересовъ Тейльса, такъ какъ переведенныя статьи предназначались именно для воспитанія юношества. Неизвѣстно, зналъ ли Тейльсъ англійскій языкъ, но если не зналъ, то мы скорѣе склонны допустить, что самые переводы дѣлались не съ подлинника, а съ нѣмецкаго или французскаго переводовъ, чѣмъ признать, что переводы эти принадлежатъ не издателю, а какому-либо другому лицу [1]).

Оригинальныхъ прозаическихъ статей въ журналѣ очень мало. Таковы кромѣ „предъувѣдомленія“, повидимому, только: любопытное письмо Ѳомы Стародурова (№ 2, стр. 23 — 27); Объявленіе (№ 3, стр. 1 — 5); О путешествіи въ чужіе края (№ 3, стр. 13 — 16); О ревности (№ 4, стр. 13 — 16); письмо В. Развратова (№ 5, стр. 29 — 33). Всѣ эти статейки сатирическаго характера. Затѣмъ имѣются переводы: „изъ Англинскаго смотрителя“ (№ 4,

6) Ешевскій, С. В. „Сочиненія“ (М., 1870 г.), ч. 3, стр. 541 — 542 (также въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1865 г., т. 65, стр. 31); 7) „Русскій Архивъ“, 1877 г., т. II, стр. 266; 8) „Сочиненія Г. Р. Державина“, съ объяснит. примѣч. Я. К. Грота (Спб., 1869 — 71 г.) т. V, стр. 468, 476, 478, 542, 543 и т. VI, стр. 95; 9) Ровинскій Д. А. „Русскія народныя картинки“ (Спб. 1881 г.), ч. IV, стр. 346; 10) „Русскій Біографическій Словарь“, изд. Имп. Рус. Истор. Общ., томъ Суворовъ — Ткачевъ, стр. 438 — 439, замѣтка Е. К.

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что англійскій языкъ въ то время не преподавался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ; поэтому вышеуказанное предположеніе Булича о прикосновенности къ журналу преподавателей англійскаго языка не можетъ считаться правильнымъ. Упоминаемый Буличемъ Л. Сичкаревъ, хотя и служилъ въ корпусѣ, но ранѣе, а не во время изданія „Полезнаго съ пріятнымъ“, притомъ въ корпусѣ Сичкаревъ былъ преподавателемъ не англійскаго языка, а другихъ предметовъ.

стр. 30 — 32; № 5, стр. 14 — 16), изъ книги „Le filosophe ignorant“ (№ 12, стр. 1 — 16), изъ книги „Улей“ (№ 7, стр. 8 — 16; № 9, стр. 13 — 16), „изъ Французскаго смотрителя“ (№ 8, стр. 9 — 12) и еще нѣсколько мелкихъ статеекъ. Изъ числа послѣднихъ нужно выдѣлить нѣсколько помѣщенныхъ въ журналѣ басенъ въ прозѣ.

Вѣрнѣе всего, конечно, сотрудниковъ журнала искать среди лицъ, прикосновенныхъ къ корпусу. Поэтому можно высказать предположеніе, не былъ ли авторомъ этихъ басенъ В. Т. Золотницкій, долгое время служившій преподавателемъ въ корпусѣ, хотя, впрочемъ, въ 1769 г. уже не значащійся въ спискѣ чиновъ. Басни, здѣсь помѣщенныя, напоминаютъ по манерѣ изложенія изданныя басни Золотницкаго [1]). Вообще вполнѣ возможно, что этотъ писатель кое-что напечаталъ въ этомъ журналѣ, можетъ быть, напримѣръ, сатирическія статейки. По словамъ Новикова, Золотницкій писалъ „много сатирическихъ писемъ“.

Кромѣ прозаическихъ статей, въ журналѣ находятся и стихотворенія. Преимущественно, это басни, каковыхъ помѣщено десять. Затѣмъ имѣются „Духовные стихи“ (№ 6, стр. 12 — 16), стихотворенія — „Красота“ (№ 8, стр. 12), „Быль“ (№ 8, стр. 15) и эпиграммы (№ 10, стр. 15 — 16).

Мы имѣемъ основанія предполагать, что стихотворенія журнала (въ томъ числѣ, вѣроятно, и басни) принадлежатъ самому И. А. Тейльсу. Новиковъ въ „Словарѣ“ при его имени упомянулъ: „писалъ стихи, изъ коихъ нѣкоторые напечатаны въ Санктпетербургѣ 1769 года...“. Отдѣльнаго изданія стиховъ Тейльса неизвѣстно, и можно не сомнѣваться, что если бы такое изданіе существовало, хотя бы изданное анонимно, то оно было бы напечатано въ типографіи Сухопутнаго корпуса, гдѣ печатался и журналъ Тейльса. Между тѣмъ, изъ просмотрѣнныхъ нами архивныхъ дѣлъ по типографіи видно, что никакихъ стихотвореній ни въ 1769 году, ни ранѣе Тейльсъ здѣсь не печаталъ. Поэтому полагаемъ, что Новиковъ имѣлъ въ виду не отдѣльное изданіе стихотвореній, а стихи помѣщенные въ журналѣ; Новиковъ не разъ дѣлалъ такія указанія. Придя же къ этому выводу, можемъ заключить, что Тейльсу не было надобности печатать свои стихотворенія въ другомъ журналѣ, разъ онъ самъ былъ издателемъ „Полезнаго съ пріятнымъ“. Поэтому мы и предполагаемъ, что помѣщенныя въ журналѣ „Полезное съ пріятнымъ“ стихотворенія принадлежатъ перу Игн. Ант. Тейльса. Пьеса „Духовные стихи“ написана недурно и религіознымъ содержаніемъ напоминаетъ по духу стихотворенія Новиковскихъ журналовъ.

Въ заключеніе этихъ свѣдѣній о журналѣ „Полезное съ пріятнымъ“ мы хотѣли бы сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской журналистики“ В. В. Каллашъ [2]), касаясь развитія журналистики въ 1769 и началѣ 70-ыхъ г.г. говоритъ: «Налетѣла волна реформы, разбудила общественное сознаніе и въ журналахъ зазвучали другія рѣчи. Когда въ 1769 г. при шляхетномъ корпусѣ въ Петербургѣ появилось „Полезное съ пріятнымъ“, издававшееся въ духѣ прежнихъ „невинныхъ упражненій“ и „добрыхъ намѣреній“ учащейся или только что покинувшей школьныя скамейки молодежи, оно было уже анахронизмомъ, живымъ мертвецомъ „гробомъ повапленнымъ“... Такой отзывъ не кажется намъ справедливымъ. Если въ „Полезномъ съ пріятнымъ“ и не звучали тѣ рѣчи, что въ „Трутнѣ“ и другихъ журна-

[1]) „Новыя нравоучительныя басни“, Спб., 1763 г.
[2]) „Русская Мысль“, 1903 г., мартъ, стр. 110.

лахъ 1769 г., то все же мы никакъ не можемъ считать разсматриваемый журналъ явленіемъ отсталымъ. Издатель „Полезнаго съ пріятнымъ“ Тейльсъ принадлежалъ къ числу передовыхъ людей, шедшихъ вмѣстѣ съ Новиковымъ, но избравшимъ другой путь для служенія обществу: если Новиковъ дѣйствовалъ сатирой, то Тейльсъ хотѣлъ непосредственно нравственнымъ вліяніемъ служить въ пользу воспитанія нашего общества. Позднѣе и Новиковъ бросилъ сатиру, ставъ на другіе пути служенія обществу. Появились Новиковскіе журналы съ мистико-нравоучительнымъ направленіемъ, первымъ изъ которыхъ былъ „Утренній Свѣтъ“. Направленіе „Полезнаго съ пріятнымъ“ имѣетъ точки соприкосновенія съ этими журналами; въ этомъ отношеніи разсматриваемый нами журналъ, хотя, правда, и не имѣвшій успѣха въ обществѣ, можно считать не лишеннымъ нѣкотораго значенія въ исторіи развитія нашей журналистики, въ которой Новиковъ въ 80-ыхъ годахъ культивировалъ то же нравоучительное направленіе, которое съ большою послѣдовательностью проведено въ журналѣ „Полезное съ пріятнымъ“.

„СМѢСЬ“.

Вопросъ объ издателѣ журнала „Смѣсь“ представляетъ одну изъ историко-литературныхъ загадокъ, для разрѣшенія которой не было сдѣлано даже какихъ-либо болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Журналъ этотъ приписывали Новикову, еще при жизни его [1]); митрополитъ Евгеній въ своемъ „Словарѣ“ также относитъ „Смѣсь“ къ числу изданій Новикова. Буличъ и Аѳанасьевъ сдѣлали противъ этого нѣкоторыя возраженія; къ ихъ доводамъ можно прибавить еще одинъ. Именно — послѣ изслѣдованія В. Ѳ. Солнцева, доказавшаго большую зависимость „Смѣси“ отъ иностранныхъ образцовъ [2]), можно считать несомнѣннымъ, что журналъ этотъ составлялся лицомъ, отлично знакомымъ съ соотвѣтственной западно-европейской литературой, а этого совершенно нельзя сказать о Н. И. Новиковѣ.

Но тѣмъ не менѣе преданіе о томъ, что издателемъ „Смѣси“ былъ Новиковъ, могло имѣть свои основанія. Прежде всего въ пользу этого могла говорить идейная близость „Трутня“ и „Смѣси“; еще Буличъ указалъ, что „въ ихъ направленіяхъ, въ ихъ взглядѣ на жизнь и сатиру есть что-то родственное“ [3]). Но мало этого. Л. Н. Майковъ доказываетъ, что Новиковъ помѣстилъ въ „Смѣси“ два письма и эпиграмму [4]). Важно, конечно, не то, что

[1]) Журналъ „Московскій зритель“ 1805 г., апрѣль, стр. 5—6. См. статью В. В. Каллаша „Къ исторіи нашей старинной журналистики“ („Литературн. Вѣстникъ“ 1902 г., кн. 8).

[2]) „«Смѣсь» сатирическій журналъ 1769 года“. Изданіе журн. „Библіографъ“, Спб., 1894 г., 40 стр.

[3]) Н. Н. Буличъ. „Сумароковъ и современная ему критика“ (Спб., 1854 г.), стр. 244.

[4]) Л. Н. Майковъ, „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“ (въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтія“, Спб., 1889 г.). По поводу участія въ „Смѣси“ Новикова Майковъ говоритъ слѣдующее: „На стр. 131 — 134 «Смѣси» помѣщено письмо и эпиграмма за подписью Н. Н., причемъ то и другая направлены противъ извѣстнаго лирика В. П. Петрова; если мы сравнимъ сужденіе Н. Н. съ отзывомъ о Петровѣ въ «Словарѣ» Новикова, то по сходству ихъ увидимъ, что корреспондентъ «Смѣси» не кто иной, какъ авторъ «Словаря» — Николай Новиковъ. Другое письмо, присланное къ издателю «Смѣси», за подписью «Вашъ Слуга ***» направлено противъ драматурга В. И. Лукина и также весьма сходно съ сужденіемъ о немъ «Словаря»; а потому несомнѣннымъ кажется, что и оно вышло изъ подъ пера Новикова“. — Сличеніе обоихъ писемъ съ отзывами „Словаря“ Новикова сдѣлано Майковымъ въ разборѣ изданія П. А. Ефремова „Матеріалы для исторіи русской литературы“, въ „Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщ.“ 1868 г., ч. CXXXV.

данная эпиграмма или какое-либо письмо принадлежатъ Новикову; гораздо значительнѣе вытекающее изъ этого факта указаніе на близость Новикова къ журналу „Смѣсь“. Въ пользу такой близости говоритъ также то, что, послѣ прекращенія этого журнала, издатель его сообщилъ въ „Трутень“ присланное къ издателю „Смѣси“ письмо отъ неизвѣстной ему особы; въ томъ же „Трутнѣ“ былъ помѣщенъ и отвѣтъ издателя „Смѣси“ своей корреспонденткѣ [1]).

Переходя къ вопросу о томъ, кто могъ быть издателемъ „Смѣси“, мы прежде всего можемъ высказать, что едва ли это было лицо, случайное въ литературѣ, ничѣмъ ни ранѣе, ни послѣ себя не зарекомендовавшее. Самая рѣдкость писательскаго дара въ то время наводитъ скорѣе на предположеніе, что издателя „Смѣси“ нужно искать въ числѣ болѣе извѣстныхъ, даже болѣе талантливыхъ, писателей того времени; притомъ лицо, издававшее „Смѣсь“, должно было быть хорошо знакомымъ съ соотвѣтствующей западно-европейской литературой.

„Смѣсь“ печаталась въ типографіи Академіи Наукъ, но архивные документы не дали намъ ключа къ опредѣленію имени издателя. Правда, сохранилось его прошеніе, но оно писано писарской рукой, причемъ подъ прошеніемъ стоитъ подпись: „Anonime“. (Прошеніе подано 27 марта 1769 г.) [2]). Болѣе никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ 1769 года не оказалось. Но въ 1771 году было предпринято 2-ое изданіе „Смѣси“, и въ журналахъ Академической Коммиссіи этого года нашлось слѣдующее постановленіе, сдѣланное 22 апрѣля, за № 235: „...Купцу Ареѳью Круглову съ представленнаго имъ перваго листа ко второму изданію напечатаннаго ему еженедѣльнаго сочиненія подъ именемъ „Смѣси“, по освидѣтельствованіи онаго листа отъ цензора, напечатать двѣсти экземпляровъ на собственной же его, Круглова, бумагѣ“... Мы подчеркиваемъ: „напечатаннаго ему“, ибо изъ этихъ словъ явствуетъ, что первое изданіе также печаталось на счетъ купца Круглова, занимавшагося въ то время книгоиздательствомъ. Другими словами — журналъ „Смѣсь“ печатался не на средства „издателя“ (составителя) [3]).

---

[1]) Письмо бывшаго издателя „Смѣси“, съ приложеніемъ письма къ нему отъ нѣкоей „Любоправдовой“ помѣщено въ „Трутнѣ“ 1770 г., листъ XI, стр. 87 — 88. Въ листѣ XII, стр. 89 — 90, помѣщенъ „Отвѣтъ Г. Издателя «Смѣси» Госпожѣ Любоправдовой“.

[2]) Приводимъ здѣсь текстъ этого прошенія:

„Въ учрежденную при Императорской Академіи Наукъ Коммиссію Покорнѣйшее Доношеніе.

Желаю я издавать еженедѣльно журналъ подъ титуломъ Смесь по полулисту каждой недѣли; того ради Академіи Наукъ Коммиссію покорно прошу, чтобъ благоволено было по приложенному при семъ оригиналу на первую недѣлю гдѣ надлежитъ приказать напечатать на мой счетъ шестьсотъ экземпляровъ; что слѣдовать будетъ за наборъ и печатаніе онаго журнала денегъ, то ихъ, по напечатаніи каждой недѣли, во что станетъ взносить имѣю. Anonime“. Рукою писаря; подпись — „Anonime“ другою рукою. На прошеніи помѣта — Марта 27 дня 1769 г. — Постановленіе Академической Коммиссіи о печатаніи представленнаго и впредь представляемаго еженедѣльнаго сочиненія — „Смѣсь“ сдѣлано 27 марта 1769 г., за № 225, причемъ цензура поручена переводчику Башилову. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, дѣла 1769 г., кн. 318, листъ 80).

[3]) Здѣсь необходимо указать, что, кромѣ только что приведеннаго постановленія, въ журналахъ Академической Коммиссіи значится еще слѣдующее, отъ 23 сентября 1771 года, за № 579. „... — Внесенныя факторомъ Лыковымъ двѣнадцать рублей семьдесять пять копѣекъ за напечатаніе купцу Михайлѣ Сѣдельникову трехсотъ экземпляровъ перваго листа къ еженедѣльному сочиненію, называемому Смѣсь, да росписи продающимся у него, Сѣдельникова, книгамъ .... отдать въ приходъ комисару Панкратьеву“. Изъ этого видно, что хотя постановленіе, отъ 22 апрѣля, говоритъ о напечатаніи журнала для купца Круглова, но, на самомъ дѣлѣ, первый листъ (2-го изданія) былъ напечатанъ купцу Сѣдельникову,

Этотъ фактъ важенъ: онъ подтверждаетъ то, что составителя „Смѣси“ нужно искать среди лицъ, одной изъ профессій которыхъ была литература, ибо едва ли бы новичекъ въ литературѣ, или человѣкъ въ ней случайный, могъ найти лицо, которое пожелало бы печатать на свой счетъ его сочиненія.

Въ текстѣ „Смѣси“ нѣтъ почти никакихъ данныхъ для опредѣленія литературныхъ отношеній ея издателя. Можно отмѣтить только, что „Трутень“ пользуется полнымъ сочувствіемъ издателя; наоборотъ, журналъ Рубана „Ни то, не се“ высмѣивается. Есть ожесточенныя нападки на Петрова, Лукина; встрѣчаются нападенія на „Всякую Всячину“. Отмѣтимъ еще два мелкихъ факта. Въ „Смѣси“ (стр. 129) находимъ письмо издателя „Адской Почты“ Эмина, который, наполняя журналъ только своими сочиненіями, переслалъ полученное имъ письмо отъ нѣкоего В. М. къ издателю „Смѣси“ для напечатанія. Наконецъ, укажемъ, что въ „Смѣси“ имѣется одно объявленіе о новой книгѣ, именно — о Россійской Исторіи того же Эмина [1]) (стр. 304). На такія объявленія надо обращать вниманіе: они, конечно, помѣщались по знакомству и могутъ дать извѣстный штрихъ для характеристики литературныхъ отношеній издателя.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ данныхъ, извлекаемыхъ нами изъ тѣхъ полемическихъ произведеній, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ сатирическими журналами.

На первомъ мѣстѣ поставимъ мы поэму Чулкова „Плачевное паденіе стихотворцевъ“ [2]). Въ поэмѣ этой есть одно мѣсто, направленное противъ „Смѣси“. Про героя своей поэмы Чулковъ говоритъ:

Однако думаетъ, что дѣлаетъ обиды,
Испорчены, кричитъ, на русскомъ Енеиды,
И нынь Анакреонтъ Украенецъ, не Грекъ.
Но сей премудрый мужъ, ученой человѣкъ,
Не только Енеидъ, не смыслитъ и Евдона [3])
Понеже онъ у насъ похуже и Прадона,
Хотя и говоритъ, что онъ съ Мосохомъ жилъ
И будто у него гофмейстеромъ служилъ,
Такую правду мы всѣ въ свѣтѣ презираемъ
И путешествія его мы не читаемъ... [4])

также, какъ и Кругловъ, занимавшемуся книгоиздательствомъ. Это можно объяснить тѣмъ, что Кругловъ, по какимъ-либо причинамъ, уступилъ право на изданіе Сѣдельникову. Но можетъ быть также, что въ журналѣ Академич. Коммиссіи ошибка въ фамиліи. Тотъ фактъ, что первое изданіе „Смѣси“ печаталось именно для Круглова подтверждается еще косвенно тѣмъ, что факторъ Лыковъ деньги за печатаніе „Смѣси“ (1-го изданія) внесъ въ Коммиссію одновременно съ деньгами за напечатаніе Круглову изданнаго имъ сборника пѣсенъ. (По этому поводу резолюція въ журналахъ Академич. Коммиссіи, отъ марта 17 дня 1770 г.). Замѣтимъ кстати, что въ типографіи Академіи Наукъ былъ напечатанъ только одинъ первый листъ 2-го изданія „Смѣси“.

[1]) Хотя фамилія Эмина и не означена, но несомнѣнно, что говорится объ его исторіи, третій и послѣдній томъ которой вышелъ въ 1769 году; въ объявленіи же упоминается про два ранѣе вышедшихъ тома и про 3-ій, „вновь вышедшій“.

[2]) Поэма „Плачевное паденіе стихотворцевъ“ стоитъ въ тѣсной связи съ сатирическими журналами 1769 года; она прилагалась къ журналу Чулкова „И то и се“. О томъ, что Чулковъ предпринялъ сочинить эту поэму, онъ упоминаетъ въ листѣ 41 своего журнала „И то и се“. Въ послѣднее время поэма перепечатана въ „Русской поэзіи“, С. А. Венгерова (вып. V, стр. 874 — 880). Здѣсь также перепечатаны примыкающіе къ поэмѣ „Стихи на качели“, и „Стихи на семикъ“ (стр. 880 — 886).

[3]) „Евдонъ и Берта“ — популярный въ XVIII вѣкѣ романъ, распространявшійся въ рукописи.

[4]) Венгеровъ, „Русская поэзія“, стр. 879.

Эти стихи Чулкова направлены, несомнѣнно, противъ журнала „Смѣсь“, что указано еще А. Н. Аѳанасьевымъ [1]); стихи касаются слѣдующаго мѣста, находящагося на стр. 189.

„Я знаю многихъ такихъ самохваловъ: одинъ переломавъ Виргиліеву Энеиду и испортя прекрасный слогъ сего писателя, думаетъ, что заслужилъ безсмертную славу. Другой изъ нѣжнаго Овидія сдѣлалъ несноснаго враля Третій превратилъ Анакреонта въ глупаго Украинца. Четвертый, видя, что дѣлаютъ пьяные на улицахъ, воспѣлъ сіе мерзкими стихами и равняетъ себя съ Виргиліемъ и Гомеромъ“ [2]).

Полагаемъ, можно считать безспорнымъ, что именно противъ приведеннаго мѣста направлены стихи Чулкова. Но какого же писателя касаются эти стихи? Почти вся поэма Чулкова имѣетъ цѣлью осмѣяніе одного писателя — Ѳ. А. Эмина; можетъ показаться страннымъ, какъ онъ попалъ въ число стихотворцевъ, но ниже мы этому дадимъ объясненіе. Эминъ былъ также выведенъ Сумароковымъ въ его комедіи „Ядовитый“ подъ именемъ Герострата [3]). Въ насмѣшкахъ Сумарокова и Чулкова много общаго. Что, въ частности, и приведенные выше стихи поэмы Чулкова направлены противъ Эмина доказывается упоминаніемъ о Мосохѣ; Сумароковъ также касается этого Мосоха, выводя Эмина подъ видомъ Герострата. Послѣдній, по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ названной комедіи, такъ ясно и точно разсказываетъ исторію о Мосохѣ, будто былъ у него „наперсникомъ“ [4]) (у Чулкова — „гофмейстеромъ“). Почему и Чулковъ и Сумароковъ упоминаютъ о Мосохѣ въ связи съ именемъ Эмина мы объясняемъ слѣдующимъ: Эминъ въ своей Россійской Исторіи, слѣдуя лѣтописнымъ извѣстіямъ, говорилъ, что славяне произошли отъ Мосоха [5]); теорія эта показалась совсѣмъ неправдоподобной и дала поводъ для вышеуказанныхъ насмѣшекъ.

---

[1]) Аѳанасьевъ, „Русскіе сатирическіе журналы“, стр. 80.

[2]) Въ этомъ отрывкѣ упоминается, по нашему мнѣнію, о слѣдующихъ переводчикахъ. Переводчикъ Виргилія — В. П. Петровъ, на котораго, по поводу его перевода Энеиды, направлено было въ сатирическихъ журналахъ много насмѣшекъ. I-ая пѣснь перевода Петрова вышла безъ означенія года, но, какъ будетъ указано ниже, или въ самомъ началѣ 1770 г. или въ самомъ концѣ 1769 г.; но современнымъ литераторамъ еще въ 1769 г. былъ извѣстенъ этотъ трудъ Петрова, на который сыпались насмѣшки еще до появленія въ печати. По поводу этихъ насмѣшекъ Петровъ много говоритъ въ предисловіи къ своему переводу (см. ниже). Правда, въ 1769 г. былъ изданъ другой переводъ Энеиды — В. Д. Санковскаго, но, основываясь на другихъ нападкахъ на Петрова и собственныхъ его указаніяхъ въ упомянутомъ предисловіи, мы полагаемъ все-таки, что противъ него направленъ и указанный выпадъ. Переводчикъ Овидія, вѣроятно, А. Тинковъ, издавшій въ 1768 году „Элегіи“ и другіе переводы изъ Овидія, или В. Г. Рубанъ, переводчикъ Ars amandi (какъ предполагаетъ В. Ѳ. Солнцевъ), а не В. И. Майковъ; о какомъ переводчикѣ Анакреона упоминаетъ авторъ, мы не знаемъ (по предположенію В. Ѳ. Солнцева — о В. Г. Рубанѣ). Четвертый же, равняющій себя съ Виргиліемъ и Гомеромъ, вѣроятно, М. Д. Чулковъ.

[3]) В. Стоюнинъ въ своемъ сочиненіи „Александръ Петровичъ Сумароковъ“ (Спб., 1856 г.), на стр. 149 — 151 говоритъ „подъ именемъ Герострата Сумароковъ, кажется, не хотѣлъ представить какую-нибудь опредѣленную личность, потому что лицо это напоминаетъ намъ нѣсколькихъ разныхъ личностей“. Стоюнинъ указываетъ, что въ одномъ мѣстѣ Сумароковъ выводитъ Эмина. „Вслѣдъ затѣмъ, говоритъ Стоюнинъ, тотъ же самый Геростратъ представляетъ намъ Баркова, который пародировалъ Сумарокова въ самыхъ циническихъ стихахъ“... Геростратъ говоритъ, что онъ авторъ „сатиръ, комедій и пародій“. Мы полагаемъ, однако, что въ комедіи Сумарокова выведенъ одинъ Эминъ: подобно Баркову, онъ также писалъ сатиры на Сумарокова, причемъ одна изъ нихъ, грубо задѣвающая семейную его жизнь, напечатана въ „Библіографическихъ Запискахъ“, 1859 г. № 17, стр. 516, въ статьѣ А. Н. Аѳанасьева „Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія“.

[4]) „Полное собраніе сочиненій Сумарокова“, изд. Новикова, т. 5, ком. „Ядовитый“, явл. VII.

[5]) „Россійская исторія жизни всѣхъ древнихъ отъ самаго начала Россіи государей“, сочиненная Ѳедоромъ Эминымъ (Спб. 1767 г.), стр. XXI и слѣд.

Такимъ образомъ, сатирическій выпадъ Чулкова направленъ на Эмина, которому, слѣдовательно, и принадлежитъ статья въ „Смѣси“ съ вышеуказанными рѣзкими отзывами [1]). Повторяемъ, для насъ важно не то, что данная статья принадлежитъ Эмину; мы гораздо болѣе придаемъ значенія вытекающему отсюда факту, что Эминъ участвовалъ въ „Смѣси“, тѣмъ болѣе, что степень этого участія можетъ быть очень расширена. Является даже вопросъ, могъ ли знать Чулковъ автора данной статьи; не по адресу ли издателя журнала дѣлаетъ онъ сатирическій выпадъ по поводу помѣщенной въ этомъ журналѣ и задѣвшей Чулкова статьи? А если этотъ выпадъ дѣлается по адресу издателя, то мы можемъ отсюда имѣть косвенный намекъ: не Эминъ ли былъ издателемъ „Смѣси“?

Въ той же поэмѣ Чулкова, въ связи съ именемъ героя (Эмина) упоминается о „великомъ Моголѣ“ [2]). Сумароковъ въ комедіи „Ядовитый“ подъ именемъ Геростратa также выводитъ Эмина; въ XI явленіи Геростратъ доказываетъ почему онъ можетъ быть писателемъ, говоря: „Кто знаетъ языковъ цѣлую дюжину, кажется, тому писать можно“. Въ числѣ другихъ доводовъ, представляющихъ сплошь намеки на Эмина, есть и такой: (кажется, тому писать можно) „Кто былъ лейбмедикомъ у великаго Могола, оберштальмейстеромъ у Богдыхана и оберкригскомиссаромъ у Кутухты“ [3]). Очевидно, съ именемъ Эмина связывался какой-либо хорошо извѣстный въ то время анекдотъ, гдѣ фигурировалъ „великій Моголъ“, о которомъ, повидимому, Эминъ любилъ упоминать.

Мы хотѣли бы отмѣтить, что и въ „Смѣси“ имѣется упоминаніе о „великомъ Моголѣ“. Такъ, на стр. 95-ой „Смѣси“ находится письмо Н. Замиряева къ сочинителю „Смѣси“; въ письмѣ говорится, что „Всякая Всячина разгласила, будто въ ея собраніи „многіе знатные господа находятся“. Дальше слѣдуетъ: .... „Если и великій Моголъ напишетъ, что снѣгъ черенъ, а уголь бѣлъ, то я тому не повѣрю“.

Мы сочли нелишнимъ упомянуть и объ этомъ мелкомъ фактѣ въ пользу участія въ „Смѣси“ Эмина.

Перейдемъ теперь къ другому автору, вступившему въ полемику съ сатирическими журналами, именно къ В. П. Петрову. „Смѣсь“ и „Трутень“ рѣзко и ожесточенно на него нападали. Въ началѣ 1770 или въ самомъ концѣ 1769 года Петровъ издалъ первую пѣснь своего перевода Энеиды Виргилія (подъ названіемъ „Эней“) [4]), причемъ въ предисловіи переводчикъ

---

[1]) Намъ придется здѣсь упомянуть о томъ, что Л. Н. Майковъ въ своей статьѣ „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“ („Очерки изъ исторіи русск. литературы XVII и XVIII стол.“, стр. 402 — 403) приписываетъ эту статью В. Т. Золотницкому. Основанія этого такія: „Въ извѣстной поэмѣ Чулкова «Плачевное паденіе стихотворцевъ» упоминается между прочимъ нѣкій авторъ, порицающій русскихъ переводчиковъ Анакреона и Овидія, а самъ сочинившій книгу „Путешествіе въ другой свѣтъ“; такая книга дѣйствительно была издана Золотницкимъ (Спб., 1766 г.), а въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Смѣси», находится выходка противъ авторовъ, которые — одинъ «изъ нѣжнаго Овидія» сдѣлалъ «несноснаго враля», а другой превратилъ Анакреона въ «глупаго Украинца»“.

Въ этомъ замѣчаніи Майкова есть неточность: названія книги „Путешествіе въ другой свѣтъ“ въ поэмѣ Чулкова не упоминается, хотя вообще отдѣльно говорится о героѣ поэмы, какъ авторѣ какого-то путешествія; вѣрнѣе всего, что это намекъ на путешествія самого Эмина или на необыкновенныя странствованія героевъ его романовъ. Такимъ образомъ, указанное соображеніе Майкова основано на недоразумѣніи.

[2]) Венгеровъ, „Русская поэзія“, стр. 880.

[3]) „Полное собраніе сочиненій Сумарокова“, изд. I-ое, т. V, стр. 184.

[4]) О времени выхода въ свѣтъ этого перевода, изданнаго безъ означенія года печатанія, будетъ сказано ниже.

отозвался на нападки журналовъ. Петровъ говоритъ о томъ, что его трудъ „никому не обиденъ“ и затѣмъ касается возставшихъ на него журналистовъ въ слѣдующихъ словахъ:

„И, мнѣ кажется, тѣ, которые желаютъ свѣту доказать свои въ наукахъ успѣхи больше бы сдѣлали и обществу пользы и самимъ себѣ чести, ежели бы въ таковыхъ или подобныхъ симъ благородныхъ трудахъ упражнялись вмѣсто того, что они, принимая на себя ненавистный долгъ нескромныхъ сатириковъ, учатся нападать на всѣхъ безъ разбору, чтобы со временемъ придти въ мѣру возраста прямыхъ Алжирцовъ, которые отнюдь не терпятъ, чтобы тотъ на морѣ ученія явился, кто съ ними не въ союзѣ. То ли плодъ просвѣщенныхъ науками мыслей наполненные ядомъ лоскутки бумаги, которые мы во вредъ ближнимъ по свѣту разсѣваемъ? То ли потребной къ критикѣ запасъ злость, перо и чернила?...“.

Къ слову „Алжирцовъ“, заключающемуся въ этомъ отрывкѣ, Петровъ дѣлаетъ въ выноскѣ такое примѣчаніе.

„Вольтеръ малой руки критиковъ, которые цѣпляются за слова, называетъ челядинцами, кои въ ученомъ обществѣ навозъ роютъ. Клерикъ въ „наукѣ о критикѣ“ большихъ озорниковъ, кои съ остервѣненіемъ пишутъ противъ другого, сравниваетъ съ ловчими, рогатиною прободающими звѣря. Всего приличнѣе сихъ послѣднихъ уподобить Янычарамъ, кои прошлаго лѣта съ великимъ остервененіемъ нападали на Россовъ, но бѣдные! сколь безуспѣшно свѣтъ видѣлъ, и впредь еще больше увидитъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы осквернить перо свое подлостьми, свойственными злому сердцу, недостойными нынѣшняго вѣка, надобно напередъ нѣсколько времени побыть въ училищѣ Магомеда въ казармѣ Янычаровъ“ [1]).

Изъ приведенныхъ выдержекъ достаточно ясно видно, на кого, главнымъ образомъ, въ нихъ мѣтитъ Петровъ: двукратное упоминаніе „янычаровъ“, „училища Магомеда“, также „алжирцовъ“ — все выпады противъ Ѳ. А. Эмина, который во время своихъ странствованій принялъ магометанскую вѣру, былъ нѣсколько лѣтъ янычаромъ, а также, по другимъ біографическимъ извѣстіямъ, жилъ въ Алжирѣ, гдѣ будто бы отецъ Эмина былъ даже главнокомандующимъ алжирскихъ войскъ. Не одного Эмина имѣетъ въ виду Петровъ въ приведенныхъ словахъ, но и его единомышленниковъ, цѣлую партію лицъ, нападающихъ на тѣхъ, „кто съ ними не въ союзѣ“.

Изъ словъ Петрова выясняется и причина его раздраженія, именно то, что его противники нападаютъ „на всѣхъ безъ разбору“ и „цѣпляются за слова“.

Итакъ, несомнѣнно, что нападки Петрова направлены на Эмина и его единомышленниковъ. Для насъ теперь очень важно выяснить, изъ какихъ именно журналовъ исходили нападенія на Петрова, такъ его раздражившія.

Аѳанасьевъ, внимательно изслѣдовавшій литературную полемику журналовъ, обратилъ вниманіе на то, что надъ переводчикомъ Энеиды [2]) смѣялись „Трутень“ и „Смѣсь“. Въ „Трутнѣ“ были помѣщены эпиграммы на переводчика Энеиды, гдѣ высмѣивалось его выраженіе „рыгать“. „Смѣсь“, говоритъ Аѳанасьевъ, смѣялась и надъ другими странными выраженіями и непра-

[1]) „Еней. Героическая поема Публія Виргилія Марона. Переведена съ Латинскаго Васильемъ Петровымъ“ (4^0, 4 нен. + 14 нен. + 42 стр.). 14 ненумерованныхъ страницъ заключаютъ „предувѣдомленіе“, на страницѣ 11-ой котораго находятся приведенныя мѣста.

[2]) Афанасьевъ только ошибочно предполагаетъ, что нападки журналовъ направлены на Санковскаго.

вильными оборотами, допущенными переводчикомъ Энеиды. Она напечатала двѣ, направленныя противъ него статьи, наполненныя разными нелитературными намеками [1]). Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что статьи, авторы которыхъ нападаютъ на Петрова, находятся, главнымъ образомъ, въ „Смѣси“ и затѣмъ въ „Трутнѣ“.

Тотъ фактъ, что Петровъ въ своемъ предисловіи къ „Энею“ негодуетъ именно на „Смѣсь“ и „Трутень“ (а не на какіе-либо другіе журналы) указывается также и слѣдующимъ современнымъ свидѣтельствомъ. Въ послѣднемъ номерѣ „Трутня“ 1770 г. находится письмо къ издателю, касающееся вышеупомянутаго предисловія Петрова [2]). Корреспондентъ пишетъ издателю „Трутня“: „Я и многія со мною имѣемъ справедливую причину на тебя, да еще на г. издателя „Смѣси“ жаловаться. Вы своими шутками причиняете намъ убытокъ“. Далѣе авторъ письма высказываетъ свою жалобу: „Вы [3]) критиковали какого-то стихотворца: можетъ быть и весьма справедливо; да дѣло то въ томъ состоитъ, что вы его, какъ говорится, задѣли за живое. Онъ на васъ разгнѣвался, какъ раздраженный стихотворецъ, пылалъ яростію и желалъ отмстить свою обиду. По нещастію, общему всѣхъ читателей, это случилося въ то самое время, когда сей стихотворецъ издавалъ въ печать книжку своего перевода. Тутъ то онъ себя удовлетворилъ: ибо въ книжкѣ, состоящей менѣе трехъ листовъ, написалъ на четырехъ листахъ предисловіе, въ которомъ пространно утверждалъ, что критикующіе — люди злые, а критики ихъ неосновательныя, что они, въ силу указовъ дарованную вольность умамъ, употребляютъ во зло, осмѣлясь критиковать человѣка, достоинства свои совершенно знающаго“. Далѣе говорится, что этотъ стихотворецъ „забывшись написалъ цѣлыя четыре страницы, наполня ихъ изъ предсердія его исходящимъ ругательствомъ, не позабывъ потомъ прикрыть сіе завѣсою благочинія. А все это почти за одно словцо: рыгать. Вамъ шутки, а намъ убытокъ: ибо за двадцатипятикопѣшную книжку принуждены мы платить по пятидесяти копѣекъ“.

Въ этомъ письмѣ, такимъ образомъ, указывается, что Петровъ въ своей отповѣди вооружился противъ издателей „Трутня“ и „Смѣси“.

Мы, съ своей стороны, покажемъ, что Петровъ негодуетъ именно на „Смѣсь“. Обращаясь къ „Трутню“, мы видимъ, что тамъ находится указанная Аѳанасьевымъ эпиграмма, съ насмѣшкой надъ словомъ „рыгать“, которое любилъ употреблять Петровъ. Но эпиграмма эта помѣщена уже въ „Трутнѣ“ 1770 года, притомъ въ листѣ (XIII-омъ), отъ марта 30-го. Петровъ же подъ стихотворнымъ посвященіемъ „Энея“ великому князю Павлу Петровичу поставилъ дату „Генваря 1-го 1770 г.“, и уже въ „предувѣдомленіи“ къ этому переводу помѣстилъ вышеуказанныя жалобы. Сдѣланныя нами архивныя справки также указываютъ на то, что переводъ Петрова вышелъ не позднѣе января 1770 года [4]). Слѣдовательно,

---

[1]) Аѳанасьевъ, „Русскіе сатирическіе журналы“, стр. 82 — 83.

[2]) Хотя имя Петрова въ письмѣ и не названо, но сопоставленіе намековъ изъ письма съ текстомъ предисловія къ переводу „Энея“ дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ заключеніе, что указываемое письмо касается именно Петрова.

[3]) То есть издатели „Трутня“ и „Смѣси“.

[4]) Переводъ Петрова, вышедшій подъ названіемъ „Еней. Героическая поема Публія Виргилія Марона“ былъ изданъ безъ означенія года печати. Печаталась эта книга въ типографіи Академіи Наукъ, причемъ постановленіе Академической Коммиссіи о напечатаніи было сдѣлано 14 декабря 1769 года (Архивъ Конфер. Имп. Акад. Наукъ, журналы Акад. Коммиссіи 1769 г., за № 871). — 18-го января 1770 года

чисто по хронологическимъ основаніямъ, Петровъ въ вышеприведенныхъ словахъ его изъ „предувѣдомленія“ къ „Энею“ не могъ имѣть въ виду упомянутую эпиграмму „Трутня“, помѣщенную въ листѣ, вышедшемъ 30 марта; другихъ же статей въ журналѣ, съ высмѣиваніемъ выраженій переводчика Энеиды, въ „Трутнѣ“ ранѣе не встрѣчается. Совсѣмъ другое дѣло въ этомъ отношеніи представляетъ „Смѣсь“. Здѣсь мы находимъ въ 1769 году двѣ статьи, направленныя противъ Петрова и именно характерныя тѣмъ, что авторъ ихъ „цѣпляется за слова“ (какъ жаловался Петровъ) [1]). Потому то мы и заключаемъ, что гнѣвъ Петрова, выразившійся въ упомянутомъ „предувѣдомленіи“, направленъ именно на „Смѣсь“. Но помѣщенное письмо въ „Трутнѣ“ указываетъ, что Петровъ негодовалъ на издателей журналовъ. Что Петровъ негодовалъ именно на издателя журнала, а не на какого-либо изъ сотрудниковъ, видно также изъ того, что статья, въ которой находятся наиболѣе рѣзкія нападки на Петрова, не присланная къ издателю, а исходящая отъ него самого. Слѣдовательно, прежде всего, въ указанномъ „предувѣдомленіи“ Петрова имѣется въ виду издатель „Смѣси“.

Но съ другой стороны мы пришли къ несомнѣнному заключенію, что негодованіе Петрова въ этомъ „предувѣдомленіи“ было направлено прежде всего на Эмина. Сопоставляя эти два вывода, мы вновь приходимъ къ заключенію, что издателемъ „Смѣси“, вѣроятно, былъ Ѳ. А. Эминъ.

Мы привели нѣсколько данныхъ, указывающихъ на участіе Эмина въ „Смѣси“ и дающихъ возможность даже предполагать, что Эминъ былъ издателемъ этого журнала. Правда, все это данныя косвенныя, все только намеки. Сила этихъ косвенныхъ данныхъ можетъ заключаться только въ ихъ совокупности; тогда и мелкіе на первый взглядъ указанія пріобрѣтаютъ значеніе, подкрѣпляя и связывая другъ друга.

Разсмотримъ теперь, въ какой степени личность, литературная дѣятельность и литературныя отношенія Эмина могутъ удовлетворять тѣмъ условіямъ, которыя были нами поставлены выше для издателя „Смѣси“.

Прежде всего — Ѳ. А. Эминъ единомышленникъ и, вѣроятно, даже личный другъ Новикова [2]). При такомъ положеніи вполнѣ понятна идейная

въ журналѣ Акад. Ком. мы находимъ уже слѣдующее постановленіе: „Взнесенныя титулярнымъ совѣтникомъ Петровымъ деньги сто девяносто девять рублей десять копѣекъ за напечатанные ему тысячу двѣсти десять экземпляровъ переведенной имъ на Россійской языкъ первой книги Виргиліевой Энеиды отдать для записки въ приходъ къ комисару Зоромирскому“. (Постановленіе Акад. Ком., за № 37). Итакъ, что для насъ очень важно, опредѣляется, что переводъ напечатанъ не позже 18 января 1770 года; но вѣрнѣе всего даже, что книга была напечатана уже къ 1-му января (какъ на это указываетъ вышеупомянутая дата посвященія), но постановленіе о внесеніи денегъ нѣсколько запоздало.

[1]) Вотъ напримѣръ, выдержка изъ одной статьи, помѣщенной въ „Смѣси“ (листъ 15) и заключающей нападки на Петрова: „Клеонъ, превознесенный хвалами, думаетъ о себѣ, что онъ превосходитъ Пиндара за тѣмъ, что обучался риторикѣ въ какомъ-то монастырѣ и вытвердилъ наизустъ Виргилія. Но не думай того, читатель, чтобы онъ писалъ согласно съ здравымъ разсудкомъ; онъ столько гордъ, что и разсудокъ презираетъ; ему нѣтъ до него нужды, а надобны только стопы и риѳмы, ибо въ его стихахъ: музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ духъ; въ предсердіи кипитъ кровь; герои всѣ локтьми сверкаютъ, челомъ махаютъ, и духъ его героямъ плещетъ; надъ мыслей дѣюща понятность и прочее сему подобное“ Авторъ статьи, какъ видимъ, усердно „цѣпляется за слова“, которыя, дѣйствительно взяты изъ стихотвореній Петрова, но въ намѣренно искаженномъ видѣ (что указано В. Ѳ. Солнцевымъ по Майкову — Н. И. Новикова), который еще усугубилъ насмѣшки надъ Петровымъ. Настоящая статья въ «Смѣси» — редакціонная; она вызвала письмо къ издателю Н. Н.

[2]) Обратимъ вниманіе на то, что въ „Трутнѣ“ (1770 г., листъ XVI) были помѣщены „Стихи на смерть Ѳедора Александровича Эмина, Россійской Исторіи писателя, послѣдо-

близость „Трутня“ и „Смѣси“, вполнѣ ясно, почему Новиковъ писалъ въ „Смѣси“, а издатель ея обращался, по окончаніи журнала, именно къ издателю „Трутня“. Петровъ указываетъ на писателей, которые не терпятъ, чтобы „тотъ на морѣ ученія явился, кто съ ними не въ союзѣ“. Новиковъ и Эминъ и есть именно эти союзники.

Затѣмъ Ѳ. А. Эминъ — писатель отлично знакомый съ западноевропейской литературой. Новиковъ говоритъ про Эмина: „Онъ былъ человѣкъ остраго и проницательнаго разума, чтеніемъ наилучшихъ древнихъ и новыхъ авторовъ, на разныхъ языкахъ, пріобрѣлъ онъ великое просвѣщеніе; имѣлъ отъ природы критическій духъ и веселый нравъ“ [1]). Отлично знакомый со многими европейскими языками, Эминъ вполнѣ удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ освѣдомленности въ этомъ отношеніи.

Отмѣтимъ также, что В. Ѳ. Солнцевъ въ своей упоминавшейся уже работѣ о „Смѣси“ говоритъ, что издатель ея имѣлъ въ своемъ распоряженіи большое число иностранныхъ, именно французскихъ пособій, „онъ пользовался не только французскими журналами, но и отдѣльными книжками и брошюрами на французскомъ языкѣ, наводнявшими собою въ XVIII вѣкѣ Францію и Голландію“ [2]). Такая освѣдомленность вполнѣ соотвѣтствуетъ личности Эмина, имѣвшаго, конечно, возможность во время своихъ путешествій ознакомиться со всей такой литературой. Солнцевъ указываетъ еще одну черту, характеризующую лицо, исполнявшее для журнала переводы (что, собственно, и составляетъ существенную часть „Смѣси“). Основываясь на томъ, что переводчикъ, въ одну взятую отъ Вольтера статью („Утѣшеніе въ печали“, листъ II, стр. 9) включилъ множество собственныхъ примѣровъ, преимущественно изъ древней исторіи, Солнцевъ говоритъ: „Эти добавленія обличаютъ въ немъ (переводчикѣ) человѣка начитаннаго, хорошо знакомаго съ исторіею, если не политическою, то анекдотическою (Анна де Буленъ, Зиновія, Пальмирская царица, Клеопатра Египетская, Статира, дочь Дарія, Ифигенія, Андромаха, Кассандра, Поликсена)“ [3]). Такая начитанность также характерна для Эмина, какъ это видно и изъ отзыва о немъ Новикова.

Мы указывали, что издатель „Смѣси“ не могъ быть лицомъ случайнымъ въ литературѣ, а скорѣе человѣкомъ, занимавшимся литературой, какъ профессіей. Этому требованію вполнѣ удовлетворяетъ Эминъ, который самъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ: „Я сіе пишу для препровожденія времени и для пропитанія, которое единственно отъ пера, а часто и несчастнаго, имѣю“ [4]).

На предположеніе о томъ, что Эминъ былъ издателемъ „Смѣси“ можно возразить, что въ томъ же 1769 г. Эминъ издавалъ „Адскую Почту“. Но въ этомъ мы не видимъ ничего, ослабляющаго наши доводы: Эминъ былъ исключительно плодовитымъ писателемъ. И вполнѣ понятно, что онъ воспользовался временемъ и не ограничился „Адской Почтой“, изданіемъ, къ тому

вавшую въ Санктпетербургѣ 18 Апрѣля 1770 года, писанные къ его другу“. Не Новиковъ ли и былъ этимъ другомъ? Въ пользу такого предположенія говоритъ также то, что и въ своемъ „Словарѣ“ Новиковъ, при имени Эмина, помѣстилъ другіе стихи, „писанные его другомъ“, начинающіеся словами: „Что слышу? Эминъ мертвъ и друга я лишенъ!...“ Наконецъ, въ пользу того же мнѣнія говоритъ очень лестный отзывъ, данный въ „Словарѣ“ Новиковымъ объ Эминѣ.

[1]) „Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ“ (въ „Матеріалахъ для исторіи Русской литературы“, изд. П. А. Ефремова, стр. 124).

[2]) В. Ѳ. Солнцевъ, „Смѣсь“, стр. 23.

[3]) Тамъ же, стр. 30.

[4]) „Адская почта“, стр. 336.

же, ежемѣсячнымъ и не вступавшимъ въ бойкую полемику съ другими писателями.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Эминъ и до 1769 года писалъ разныя сатиры, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Сумароковъ вывелъ Эмина въ комедіи „Ядовитый", подъ именемъ Герострата. Одинъ изъ героевъ комедіи спрашиваетъ его: „А вы, сударь, не піитъ?" Геростратъ отвѣчаетъ: „Какъ же не піитъ, когда я авторъ сатиръ, комедій и пародій. Комедіи мои на кабакахъ читаются, трагическія сцены, представляемыя при дворѣ, я въ сквернословіе и въ ругательство автора превращаю, а сатиры мои прибиваются на заборахъ" [1]). По этой причинѣ и Чулковъ выводитъ Эмина, какъ стихотворца, въ своей вышеупоминавшейся поэмѣ. Эминъ въ оправданіе рѣзкости своихъ сатирическихъ выпадовъ любилъ ссылаться на западно-европейскихъ сатириковъ. Это отмѣтилъ и Сумароковъ въ комедіи „Ядовитый", гдѣ Геростратъ — Эминъ, на упрекъ въ томъ, что онъ „ругаетъ" людей, ссылается на Боало и Мольера, говоря: „Во Франціи были два автора Боало и Мольеръ: такъ тѣ и не такъ людей ругали" [2]). Въ „Адской Почтѣ" Эмина мы находимъ такія же ссылки; напримѣръ, Эминъ говоритъ: „что жъ нѣкоторые писцы (писатели), точнаго понятія о вещахъ не имѣющіе, сатиру производятъ отъ злобы сердца авторовой, (то) происходитъ отъ ихъ невѣжества. Горацій, Ювеналъ, Персей и Боало у людей просвѣщенныхъ всегда въ вѣчномъ пребудутъ почтеніи, а въ посмѣяніи тѣ, кои ихъ не разумѣя критикуютъ" [3]). Эту же мысль, съ такими же буквально ссылками, находимъ и въ „Смѣси" въ статьѣ *написанной издателемъ*. Въ листѣ 15-омъ онъ разсказываетъ про одного изъ своихъ знакомыхъ, который „основательную критику и хорошую сатиру называетъ бранью, и по его мнѣнію Горацій, Ювеналъ и Боало подобны забіякамъ, произносящимъ ругательныя слова. Имъ бы надлежало быть скромными и осторожными въ разсужденіи людскихъ пороковъ". Всѣ эти доводы чрезвычайно характерны для Эмина, соотвѣтствуютъ его собственнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ въ „Адской Почтѣ", и отзывамъ Сумарокова и Чулкова.

Такимъ образомъ, литературныя отношенія и характеръ дѣятельности Эмина могутъ еще болѣе укрѣпить сдѣланныя выше заключенія, что издателемъ „Смѣси" былъ Эминъ. Скажемъ болѣе: въ то время не было другого писателя, который бы въ такой степени соотвѣтствовалъ „Смѣси", какъ Эминъ.

Доказывая, что Эминъ былъ „издателемъ" „Смѣси", мы, отнюдь, не хотимъ сказать, что всѣ статьи журнала принадлежатъ Эмину. Конечно, ему принадлежитъ преобладающая часть журнала, но, несомнѣнно, у него могли быть и сотрудники. Кромѣ Новикова, вѣроятно кое-что помѣстившаго въ „Смѣси", въ журналѣ могъ участвовать, напримѣръ, В. И. Майковъ. Чулковъ, въ указывавшихся выше полемическихъ стихотвореніяхъ, одновременно съ Эминымъ

---

[1]) „Полное собраніе сочин. Сумарокова", томъ V стр. 187. Сатиры Эмина, очевидно, распространялись въ рукописяхъ, изъ которыхъ напечатана вышеуказанная сатира на Сумарокова, въ стихахъ (въ „Библіографич. Запискахъ 1859 г., № 17). Затѣмъ Л. Н. Майковъ напечаталъ прозаическую сатиру Эмина въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол"., стр. 323—341). Сатира называется: „Сонъ, видѣнный въ 1765 году генваря 1-го".

[2]) „Полное собраніе сочиненій Сумарокова", изд. V, стр. 172.

[3]) „Адская Почта", стр. 375 и слѣд. Подобныя же мысли и на стр. 73.

высмѣиваетъ и Майкова [1]). По свидѣтельству самого Эмина въ его „Адской Почтѣ“, у насъ уже тогда существовали литературныя партіи, безъ которыхъ, по ироническому замѣчанію Эмина, „нынѣ въ свѣтѣ разумнымъ быть не можно“. Новиковъ и Эминъ были лицами изъ одной партіи; къ нимъ примыкалъ и Майковъ; общимъ врагомъ этихъ писателей былъ Чулковъ, осмѣивавшій своихъ противниковъ.

Въ частности, отмѣтимъ, что въ „Смѣси“ есть письмо, подписанное иниціалами В. М., съ рѣзкой критикой нравовъ тогдашняго духовенства. Основываясь на принадлежности Майкова къ кружку Новикова и Эмина, можно думать, что авторъ этого любопытнаго письма — Майковъ [2]). Отмѣтимъ еще одну деталь въ пользу участія въ журналѣ этого писателя. Въ „Смѣси“ (стр. 222) мы находимъ статейку о трехъ картинахъ художника Лосенка въ недавно открытой Академіи Художествъ, причемъ авторъ обращается съ такими словами къ поклонникамъ иностранцевъ: „Стыдитесь несмысленные почитатели иностранныхъ, смотря сего художника: никто вамъ не повѣритъ, что въ Россіи не могутъ родиться великіе люди“. Думаемъ, что эта замѣтка можетъ принадлежать Майкову, который любилъ искусство и былъ почитателемъ и другомъ этого даровитаго художника, на смерть котораго даже написалъ стихотвореніе [3]). Отмѣтимъ также и то, что Майковъ, какъ и авторъ этой статьи, былъ врагомъ поклоненія иностранцамъ и въ своихъ сочиненіяхъ стремился къ народности.

Послѣ всего сказаннаго можно объяснить, почему „Смѣсь“ долго приписывалась Новикову: хотя Новиковъ и не былъ издателемъ, но онъ принадлежалъ къ той самой партіи, къ тому кружку писателей, литературныя симпатіи которыхъ выражала „Смѣсь“.

ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА — „ТРУТЕНЬ“, „ЖИВОПИСЕЦЪ“ И „КОШЕЛЕКЪ“.

При разсмотрѣніи сатирическихъ журналовъ Новикова первымъ дѣломъ встаетъ вопросъ о томъ, какую роль игралъ самъ Новиковъ въ этихъ изданіяхъ, то есть былъ ли онъ только составителемъ, редакторомъ, или же являлся и авторомъ тѣхъ статей, которыя составляютъ наиболѣе существенную часть его журналовъ.

Разъясненіе вопроса объ авторствѣ Новикова ставилъ себѣ цѣлью Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ; другіе же изслѣдователи, вѣроятно по недостатку данныхъ, касались этого вопроса только очень поверхностно и не приводили существенныхъ доводовъ въ пользу того или иного разрѣшенія этого вопроса. Поэтому мы коснемся здѣсь только вывода Незеленова, какъ болѣе обоснованнаго. Незеленовъ приходитъ къ заключенію, что обычно распространенное мнѣніе, будто Новиковъ ничего или почти ничего не писалъ „совершенно невѣрно“, и при помощи нѣсколькихъ доказательствъ за-

[1]) Въ „Стихахъ на качели“, напечатанныхъ (безъ указаннаго заглавія) въ журналѣ Чулкова „И то и се“ (недѣли 16 — 18); Эмина же Чулковъ осмѣиваетъ въ поэмѣ „Плачевное паденіе стихотворцевъ“, вышедшей въ приложеніи къ журналу „И то и се“.

[2]) Это предполагаетъ также Л. Н. Майковъ въ статьѣ „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“ („Очерки изъ исторіи рус. литературы XVII и XVIII ст.“, стр. 402).

[3]) См. статью Л. Н. Майкова — „Василій Ивановичъ Майковъ“ („Очерки изъ исторіи рус. литературы XVII и XVIII стол.“ стр. 271).

ключаетъ, что должно разсѣяться „всякое сомнѣніе въ принадлежности перу Новикова статей его сатирическихъ журналовъ“. Находя доводы Незеленова не вполнѣ вѣрными [1]), мы попробуемъ самостоятельно разобраться въ вопросѣ о томъ, можно ли считать сатирическіе журналы Новикова въ существенной части своей принадлежащими перу ихъ „издателя“. Подъ „существенной“ частью мы разумѣемъ, прежде всего, не количественое преобладаніе; для насъ важно выяснить, кѣмъ написано самое ядро журналовъ, то есть такія статьи, какъ знаменитыя „вѣдомости“, рецепты, опытъ моднаго словаря и вообще все то, что создало Новиковскимъ журналамъ ихъ славу.

Обращаемся прежде всего къ собственнымъ словамъ Новикова.

Въ упоминавшемся уже выше предисловіи къ „Трутню“ Новиковъ говоритъ: „Думалъ иногда услужить какимъ-нибудь полезнымъ сочиненіемъ, но воспитаніе мое и душевныя дарованія положили къ тому непреоборимыя препоны. Наконецъ, вспало на умъ, чтобы хотя изданіемъ чужихъ трудовъ принесть пользу моимъ согражданамъ“. Далѣе Новиковъ сообщаетъ: „самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало, а буду издавать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма, сочиненія и переводы въ прозѣ и въ стихахъ, а особливо сатирическія, критическія и протчія ко исправленію нравовъ служащія“. Мы не можемъ не придавать значенія этимъ словамъ только потому, что предисловіе написано вообще въ шуточномъ тонѣ. Въ другихъ мѣстахъ „Трутня“ мы встрѣчаемъ еще указанія, подтверждающія вполнѣ серьезный характеръ указаннаго сообщенія Новикова. Такъ, въ листѣ VII-омъ, отвѣчая на выходки „Всякой Всячины“ по поводу письма сотрудника „Трутня“ „Правдулюбова“, Новиковъ говоритъ, что „издалека и съ улыбкою взираетъ онъ на брань Всякой Всячины, относящуюся къ лицу Г. Правдулюбова, ибо сіе до него, какъ до чужихъ трудовъ издателя, ни почему не принадлежитъ“.

Въ листѣ IV-омъ Новиковъ высказываетъ, что съ того времени, какъ онъ издаетъ журналъ, онъ получаетъ множество писемъ и сочиненій въ

---

[1]) Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу тѣхъ доводовъ, которые выставляетъ Незеленовъ для доказательства своего мнѣнія (См. Незеленова — „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769 — 1785 г.г.“, Спб. 1875 г., страницы 144 — 147.).

Прежде всего Незеленовъ указываетъ, что собственныя слова Новикова въ предисловіи къ „Трутню“ — „самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало“ еще ничего не доказываютъ; предисловіе, по словамъ Незеленова, написано не серьезнымъ тономъ, и слова Новикова о томъ, что ему пришло на умъ „хотя изданіемъ чужихъ трудовъ“ принести пользу согражданамъ, по мнѣнію Незеленова, носятъ характеръ шутки. — Хотя предисловіе написано, дѣйствительно, шуточнымъ тономъ, но это не мѣшаетъ Новикову высказывать тамъ вполнѣ серьезныя мысли, такъ что даже самъ Незеленовъ на предыдущей (144-ой) страницѣ своего изслѣдованія цитируетъ предисловіе Новикова въ доказательство того, какъ серьезно смотрѣлъ онъ на литературу. Почему же, полагаясь на предисловіе въ одномъ случаѣ, въ другомъ Незеленовъ смотритъ на слова предисловія какъ на какую-то шутку?

Затѣмъ Незеленовъ, основываясь на томъ, что въ Словарѣ писателей Новиковъ не назвалъ сотрудниковъ „Трутня“, говоритъ, что такое скрываніе было совсѣмъ не въ духѣ Новикова, а потому и склоненъ заключить, что такихъ сотрудниковъ не было, а слѣдовательно все въ журналѣ написано Новиковымъ. По этому поводу замѣтимъ, что скрываніе именъ было въ духѣ не только самого Новикова, но и всѣхъ журналистовъ того времени; приводимые же Незеленовымъ примѣры только частный случай. Достаточно сказать, что ни на одномъ изъ сатирическихъ журналовъ разсматриваемаго времени не указаны имена издателей и почти никогда не имѣется подписей подъ статьями.

Далѣе Незеленовъ неточно истолковываетъ слово „издатель“ въ смыслѣ „авторъ“, а потому и впадаетъ въ ошибку. Какъ мы говорили выше, понятіе „издатель“ можно толковать не только въ смыслѣ авторъ, но также — составитель, редакторъ.

стихахъ и прозѣ. „Трудъ мой въ томъ только состоитъ, говоритъ Новиковъ, чтобы избирать изъ нихъ лутчія и сообщать публикѣ".

Итакъ, изъ этихъ выдержекъ мы видимъ, что Новиковъ не разъ указывалъ, что самъ онъ только издаетъ чужія, присылаемыя къ нему, сочиненія.

Предыдущія выдержки сдѣланы изъ „Трутня". Совсѣмъ другое получается впечатлѣніе, если мы обратимся къ „Живописцу" — второму журналу Новикова. Разсматривая этотъ журналъ, мы замѣчаемъ, что здѣсь нигдѣ Новиковъ не выставляетъ на видъ того, что онъ только издатель чужихъ трудовъ; наоборотъ, видно, что Новиковъ считаетъ себя авторомъ журнала. Въ первой же статьѣ, имѣющей характеръ предисловія, подъ названіемъ „Авторъ къ самому себѣ", Новиковъ говоритъ себѣ: „Ты дѣлаешься авторомъ; ты принимаешь названіе Живописца, но не такого, который пишетъ кистью, а Живописца, перомъ изображающаго наисокровеннѣйшіе въ сердцахъ человѣческихъ пороки". Обращаясь къ самому себѣ, авторъ задаетъ рядъ вопросовъ: „Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? Вѣдаешь ли совершенно какой предлежитъ тебѣ трудъ?... Ты молчишь: бѣдной человѣкъ! ты столько же порабощенъ страстямъ своимъ, какъ и тѣ, которыхъ исправлять намѣряешься! — Слышу твое возраженіе: какъ оно слабо и смѣшно. Ты говоришь, вить другія пишутъ, не больше моего имѣя способностей; для чего же не писать и мнѣ, имѣвши столько же къ писанію охоты, какъ и они, да еще и тогда, какъ всѣ мои пріятели увѣряютъ, что я къ писанію способенъ; ты одинъ только упорствуешь и никогда на ихъ не хочешь согласиться мнѣніе". Въ слѣдующемъ, 3-емъ листѣ, Новиковъ говоритъ: „Принявъ названіе Живописца и сдѣлавшись авторомъ еженедѣльныхъ листовъ, нечувствительно сдѣлался я должникомъ всѣхъ моихъ читателей. Они безъ сомнѣнія потребуютъ въ каждую недѣлю полулиста моего сочиненія".

Изъ этихъ выдержекъ совершенно ясно видно, что лицо, отъ имени котораго идетъ рѣчь въ журналѣ (издатель), приняло названіе „Живописца" и сдѣлалось авторомъ. Новиковъ неоднократно называетъ себя авторомъ и далѣе сочинителемъ и нигдѣ не указываетъ на то, что онъ является только „издателемъ чужихъ трудовъ".

Конечно, если Новиковъ называлъ себя „сочинителемъ" или „авторомъ", то изъ этого еще не слѣдуетъ, что все въ журналѣ имъ написано, но это значитъ, что принадлежатъ ему тѣ статьи, которыя явнымъ образомъ исходятъ отъ лица издателя. Къ этому вопросу мы еще вернемся, а пока подчеркнемъ противорѣчіе въ собственныхъ словахъ Новикова: въ „Трутнѣ" онъ называетъ себя только издателемъ чужихъ трудовъ, въ „Живописцѣ" же вездѣ — авторомъ, сочинителемъ. Едва ли возможно предположить, что Новиковъ только въ „Живописцѣ" сталъ писать, въ „Трутнѣ" же ограничивался скромной ролью издателя чужихъ произведеній. Нѣкоторыя статьи обоихъ журналовъ, притомъ статьи очень важныя, сходствомъ темы и изложенія явно указываютъ, что и въ томъ и въ другомъ журналѣ онѣ писаны однимъ лицомъ. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, примирить противорѣчіе въ собственныхъ показаніяхъ Новикова, чему вѣрить: издатель ли онъ, или и авторъ?

На нашъ взглядъ это можно объяснить такимъ образомъ.

Приступая къ изданію „Трутня" и желая вести его въ опредѣленномъ направленіи, Новиковъ, конечно, сознавалъ, что нѣкоторыя статьи его журнала

могутъ вызвать неудовольствіе во вліятельныхъ кругахъ общества. Но, какъ человѣкъ осторожный, Новиковъ, естественно, хотѣлъ бы избѣгнуть этого. Потому-то въ глазахъ общества Новиковъ желалъ быть только издателемъ ч у ж и х ъ трудовъ и все время подчеркивалъ именно такую свою роль въ журналѣ. Такимъ образомъ, отвѣтственность за статьи Новиковъ какъ бы перекладывалъ съ себя на неизвѣстныхъ и анонимныхъ сотрудниковъ журнала. Это было возможно въ то время, когда никакихъ законовъ о печати не существовало и когда издатель, конечно, могъ и не знать именъ своихъ случайныхъ сотрудниковъ.

Намъ кажется — это была уловка, „тонкость“ (употребляя выраженіе Екатерины II въ найденномъ Пекарскимъ письмѣ ея къ одному изъ издателей). Однако, не всѣ вѣрили Новикову, что онъ только издатель чужихъ трудовъ. Въ листѣ VIII-мъ „Трутня“ нѣкій Чистосердовъ, благожелатель Новикова, сообщаетъ ему о томъ, что нѣкоторые знатныя лица принимаютъ насмѣшки „Трутня“ на свой счетъ. „И хотя вы въ предисловіи своемъ, говоритъ Чистосердовъ, и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемыя къ вамъ сочиненія, однакожъ злостію напоившія свои сердца люди ставятъ это на вашъ щетъ. Вотъ что худо то! Мнѣ очень будетъ прискорбно, ежели кто на васъ за то будетъ досадывать; а каково имѣть дѣло съ худыми людьми и знатными боярами, я уже искусился“. Далѣе авторъ письма передаетъ, что недавно одинъ „придворный господчикъ“ говорилъ объ издателѣ Трутня: „Знать, что де онъ не слыхивалъ, что были на Руси сатирики и не въ его пору, но и тѣмъ рога посломали; а это де одни п у с т ы е р о с к а з ы, что онъ печатаетъ только присыльныя піесы. Нынче де знаютъ и малые робята этотъ щетъ, что дважды два будетъ вѣрно четыре“. — Изъ этого видно, что Новикову не вѣрили, будто не онъ авторъ статей; изъ приведенной выдержки можно вывести также то, что по понятіямъ времени, когда издавались сатирическіе журналы, „издатель“ (составитель) журнала не былъ отвѣтственъ за печатаемыя статьи, а вина, наказуемая, впрочемъ, только неудовольствіемъ тѣхъ или иныхъ лицъ, ложилась на автора. Именно этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, и далъ Новикову поводъ объявлять себя лишь „издателемъ“, чтобы, такимъ образомъ, защититься отъ возможныхъ непріятностей. Новикову всегда было непріятно, что неудовольствіе обращается на него лично. Это видно хотя бы изъ его примѣчанія въ листѣ XV „Трутня“ 1770 года, гдѣ онъ говоритъ, что въ журналахъ „И то и се“ и „Всякой Всячинѣ“ „брани мнѣ (т. е. Новикову) написано очень много. Во Всякой Всячинѣ, правда, что она относится къ лицу г. Правдулюбова; но въ И то и се, безъ разсужденія и безъ причины, прямо на мое лице, что хотя и походитъ на П... но я...“ (?).

Теперь мы приходимъ къ вопросу: почему Новиковъ въ „Трутнѣ“ всячески скрывалъ свое авторство, всячески умалялъ свою роль, тогда какъ въ „Живописцѣ“ прямо назвалъ себя авторомъ? Для рѣшенія этого вопроса мы должны вспомнить, что за два года, протекшіе отъ окончанія „Трутня“ до начала изданія „Живописца“, общественное положеніе Новикова очень измѣнилось.

Когда Новиковъ принимался за изданіе „Живописца“, онъ былъ уже хорошо извѣстенъ Императрицѣ: она сумѣла оцѣнить дарованія и благородныя убѣжденія своего прежняго литературнаго противника, и только довѣріемъ къ его личности справедливо объясняютъ то, что Новикову было разрѣшено выступить съ новымъ сатирическимъ журналомъ черезъ два года послѣ того,

какъ сатирическія изданія 1769 года должны были или прекратиться, или вполнѣ обезцвѣтиться. Сама Екатерина сотрудничала въ „Живописцѣ"; несомнѣнно, у Новикова явились теперь сильные покровители, зародились связи съ придворными сферами, отчасти отражающіяся и въ „Живописцѣ". Совсѣмъ не то было, когда Новиковъ сталъ издавать „Трутень": тогда онъ былъ только оставнымъ и незнатнымъ поручикомъ арміи, ничѣмъ въ литературѣ себя не зарекомендовавшимъ и едва ли имѣвшимъ какія-либо связи въ придворныхъ кругахъ.

Теперь, издавая „Живописецъ", Новиковъ могъ менѣе опасаться враждебныхъ ему толковъ и потому онъ смѣло объявилъ себя авторомъ журнала, принимая этимъ всю отвѣтственность на себя. Кромѣ того, теперь Новиковъ, если бы даже и хотѣлъ этого, не могъ выдавать себя только за издателя чужихъ трудовъ: авторство его стало явнымъ фактомъ, извѣстнымъ всѣмъ, и прежде всего Императрицѣ.

Этимъ мы и объясняемъ то разнорѣчіе, которое наблюдалось въ собственныхъ показаніяхъ Новикова по вопросу о томъ, былъ ли онъ авторомъ, или только издателемъ.

Отлагая пока болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о статьяхъ самого Новикова, мы считаемъ необходимымъ ранѣе разсмотрѣть вопросъ о сотрудникахъ Новикова, послѣ чего облегчится и рѣшеніе вопроса о томъ, что именно въ журналахъ написано самимъ ихъ издателемъ.

Сотрудники журналовъ Новикова.

Вопросъ о сотрудникахъ сатирическихъ журналовъ Новикова не принадлежитъ къ числу успѣшно разрѣшенныхъ, несмотря на тщательныя разысканія изслѣдователей. Извѣстны имена нѣсколькихъ лицъ, помѣстившихъ свои произведенія въ Новиковскихъ журналахъ, но въ точности не выяснены писатели, бывшіе ближайшими сотрудниками Новикова. Съ цѣлью разъясненія этого вопроса обратимся къ одному изъ полемическихъ произведеній того времени, написанному стихотворцемъ Ѳ. Я. Козельскимъ.

Ѳ. Козельскій былъ въ числѣ литераторовъ, на которыхъ особенно рѣзко нападалъ „Трутень". Недовольный нападками Новикова и отзывами его „Словаря", Козельскій излилъ свои мысли по этому поводу въ одномъ изъ стихотвореній, названномъ „Размышленіе о зависти" [1]). Это стихотвореніе мы и имѣемъ въ виду.

Козельскій говоритъ о двухъ критикахъ „что въ вѣкъ стрѣляютъ въ цѣль и въ вѣкъ не попадутъ". О критикахъ этихъ Козельскій отзывается въ такихъ словахъ.

Сихъ пара мудрецовъ искусныхъ, особливыхъ,
Не зрящихъ на лице, въ судѣ своемъ правдивыхъ,
Ольховые листки даетъ намъ за кинсонъ [2]).
Всѣ вписаны творцы въ ихъ славный лексиконъ.
Въ животной книгѣ сей отъ вѣка начертанны
Всѣ праведны, скопцы и мужіе избранны.
Но горе тѣмъ, чьи въ нихъ написаны грѣхи!

---

[1]) «Сочиненія Ѳедора Козельскаго», Спб. 1778 г., часть I, стр. 172. Это — второе изданіе «Сочиненій Ѳ. Козельскаго" (первое было по указанію Сопикова, въ 1769 — 71 г.г.).

[2]) По объясненію „Словаря Россійской Академіи", (часть III, Спб. 1792 г., стр. 530) слово „кинсонъ" означаетъ „дань денежная".

Ихъ будутъ ноги вверхъ во адѣ, внизъ верхи!
Чѣмъ въ большихъ кто чинахъ, тотъ въ ней стоитъ умнѣе,
Убогъ ли кто изъ насъ, написанъ тотъ глупѣе.
Писатель сихъ имянъ проворенъ и досужъ,
Кто знатенъ, онъ тому прибавилъ: острый мужъ,
За то что сей ему тузами угрожаетъ
Въ семъ важномъ словарѣ, честь быстрый умъ рождаетъ,
Гдѣ острыми творцы названны таковы,
Что круглой и его тупѣе головы.
Что знатныхъ, хоть тупыхъ, ты славишь острецами,
Прощаемъ мы тебѣ, напугану тузами.
Почтимъ мы и тебя, что въ грамотѣ далекъ,
Проворенъ ты, ученъ, и бѣглый человѣкъ.

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что въ этихъ стихахъ Козельскій говоритъ о Новиковѣ и его „Словарѣ“. Но для насъ въ данномъ случаѣ любопытенъ не столько этотъ отзывъ, сколько то, что Козельскій говоритъ не объ одномъ Новиковѣ, но и о какомъ-то его близкомъ сотрудникѣ. Сотрудникъ этотъ, работавшій съ Новиковымъ въ журналахъ („листкахъ“) и „Словарѣ“, обрисовывается въ слѣдующихъ стихахъ.

Другой изъ сей четы малъ плотію своею,
Но вдвое больше намъ онъ кажется душею.
Честный, великій мужъ, иль лучше мужичокъ,
Въ толь маленькомъ тѣльцѣ посильный есть душокъ.
Педантикъ, тихій онъ, подпора лексикона
Лице, какъ блѣдная раскольничья икона.
Сей малый возрасти натужится пигмей,
Завидуя другихъ великости людей:
Чахотный отъ того въ немъ образъ примѣчаемъ.
Какъ лопнетъ нашъ пузырь, мы много потеряемъ!
Союза сей четы ни адъ не разорветъ,
Отъ промысла другимъ поноснаго живетъ,
Презрѣнными отъ всѣхъ ветошками торгуетъ,
На тѣхъ кто не купилъ жестоко негодуетъ.
И какъ симъ бѣднымъ тѣхъ, хоть глупо, не бранить?
Безъ купли таковой ихъ можно уморить.
Но кто изъ васъ, скажи согласная дружина,
Дѣйствительна и кто страдательна причина?
Какіе бъ мы въ хвалу вамъ звили вѣнки!
Дороже бъ ваши всѣ купили мы листки!
Вы въ сердцѣ на другихъ свою скрывая злобу,
Единаго творца тѣлистую особу
Недавно начали заманивать въ свой скитъ...
. . . . . .
Вы скрыли имена, иль тѣмъ что подозрѣнны,
Или примѣтны всѣмъ, или отъ всѣхъ презрѣнны.
Лукавый вымыслъ сей [1]) возможенъ только вамъ,
Чтобъ больше тяжести придать своимъ листкамъ.
Довѣдаться нельзя, чьи руки мещутъ стрѣлы,
Онъ коихъ здѣсь, хвала Всевышнему, всѣ цѣлы.
Отъ острыхъ вашихъ стрѣлъ престали всѣ писать
И я отъ васъ пера не смѣю въ руки взять.

Намеки Козельскаго въ „Размышленіи о зависти“ уже обратили вниманіе Н. С. Тихонравова, который въ рецензіи на Ефремовское изданіе

[1]) „Лукавый вымыслъ“, о которомъ здѣсь говорится, повидимому, заключался именно въ томъ, что выводимыя въ этомъ стихотвореніи лица „стали заманивать въ свой скитъ“ какого-то писателя. Объ этомъ см. ниже при разсмотрѣніи вопроса о сотрудникахъ „Живописца“.

„Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новикова высказался въ томъ смыслѣ, что упоминаемымъ въ стихахъ Козельскаго сотрудникомъ Новикова былъ М. Д. Чулковъ. Приходя къ такому выводу [1]), Тихонравовъ говоритъ: „Біографамъ Новикова не безполезно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что этотъ деистъ-самоучка (Новиковъ) въ Петербургѣ былъ близокъ съ Фонвизинымъ и въ то же время съ первымъ собирателемъ народныхъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ — Чулковымъ“. Съ этимъ выводомъ Тихонравова мы никакъ не можемъ согласиться. Однимъ изъ главныхъ основаній, по которымъ Тихонравовъ видитъ здѣсь намеки на Чулкова, является то, что Козельскій выводимаго имъ пособника Новикова называетъ „мужичкомъ“. Но, съ другой стороны, нужно также взглянуть и на журнальныя отношенія Чулкова и Новикова. Сообщая свѣдѣнія о журналѣ „И то и се“, мы показали уже, что въ это время Чулковъ и Новиковъ не только не имѣли чего-либо общаго, но дѣлали другъ противъ друга столь грубые полемическіе выпады, наличіе которыхъ не можетъ допускать мысли о томъ, что Чулковъ былъ сотрудникомъ Новикова. Правда, полемика Чулкова и Новикова относится къ 1769 году, а „Размышленіе о зависти“, вѣроятно, — къ 1772 году, но нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что черезъ два-три года отношенія этихъ двухъ писателей стали дружескими. Если это наше утвержденіе можетъ оставлять еще какой-нибудь поводъ для сомнѣнія, то мы располагаемъ и еще однимъ мелкимъ, но важнымъ въ данномъ случаѣ, указаніемъ, которое окончательно отвергаетъ предположеніе о томъ, что сотрудникъ Новикова, разумѣемый въ вышеприведенныхъ стихахъ, былъ Чулковъ. Именно — Козельскій указываетъ, что этотъ сотрудникъ Новикова „малъ плотію своею“, тогда какъ въ одной изъ эпиграммъ, гдѣ выведенъ Чулковъ, противникъ его, обращаясь къ нему, говоритъ:

„Въ о г л о б л ю в ы ш и н ы, хоть ростъ ты имѣешь,
Но сколь великъ, столь глупъ, стиля не разумѣешь“... [2])

Изъ этого видно, что въ стихахъ Козельскаго выводится не Чулковъ, такъ какъ послѣдній даже внѣшнимъ видомъ своимъ представлялъ полную противоположность описанному Козельскимъ писателю, который былъ „малъ плотію своею“, „пигмей“.

Но есть другой писатель, къ которому очень подходятъ намеки Козельскаго. Это — Михаилъ Ивановичъ Поповъ. Подобно Чулкову, онъ также происходилъ изъ народа и былъ ранѣе придворнымъ актеромъ. Чтобы подкрѣпить наше предположеніе, выяснимъ отношенія Новикова и Попова. Мы имѣемъ указаніе, что уже въ 1766 г. Новиковъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Поповымъ. Новиковъ въ 1766 издалъ [3]) переведенную Поповымъ книжку „Двѣ повѣсти: Аристоноевы приключенія и рожденіе людей Промиѳеевыхъ“. Переводъ этотъ былъ снабженъ Поповымъ весьма любопытнымъ „Письмомъ къ Николаю Ивановичу Новикову“. Въ этомъ письмѣ Поповъ говоритъ: „Государь мой! Дружба ваша и пріязнь всегда для меня были драгоцѣнны, и я ихъ навсегда потщуся сберечь, онѣ однѣ сильны были произвесть въ моемъ сердцѣ вѣчную къ вамъ дружбу и почтеніе, но ваше доброе

---

[1]) Тихонравовъ, „Сочиненія“, томъ III, часть 2, стр. 66 — 67.

[2]) „Образцы литературной полемики“, статья А. Н. Аѳанасьева, въ „Библ. Зап.“ 1859 г., стр. 523.

[3]) См. нашу статью „Раннее издательское общество Н. И. Новикова“ („Русск. Библіофилъ“, 1912 г., № V, стр. 35).

сердце и похвальная склонность къ снисканію добродѣтели и ученія, которое пріобрѣтаетъ, наконецъ, человѣку незыблемую славу, прилѣпляютъ къ вамъ мою душу наиболѣе; и я вамъ равно не инымъ чѣмъ могъ понравиться, какъ этою же самою склонностью, которая восхищаетъ вашу душу; слабыя ума моего производства были причиною вашего со мною знакомства, ими пріобрѣлъ я къ себѣ вашу любовь, и вы съ тѣхъ поръ удостоили меня вашимъ дружествомъ. Всѣ мои слабыя сочиненія и переводы имѣли счастіе вамъ нравиться: этому можетъ быть не изрядство ихъ было причиною, а дружеская ваша благосклонность. Какъ бы то ни было, только обѣщалъ я сообщать вамъ всѣ мои сочиненія, какъ собственныя, такъ и преложенныя съ другихъ языковъ".

Въ слѣдующіе годы Поповъ все время былъ близокъ къ Новикову и, конечно, время сдѣлало ихъ отношенія еще болѣе тѣсными. П. А. Ефремовъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Трутню", устанавливая участіе въ журналѣ Попова, обратилъ вниманіе на часто встрѣчающіяся въ этомъ изданіи объявленія о книгахъ этого автора; по замѣчанію П. А. Ефремова, эти объявленія „отчасти подтверждаютъ мнѣніе, что Мих. Поповъ былъ однимъ изъ близкихъ лицъ къ издателю и принималъ дѣятельное участіе въ „Трутнѣ" и потомъ въ „Живописцѣ" [1]). Въ свою очередь, это наблюденіе Ефремова очень укрѣпляетъ наше мнѣніе, что въ стихахъ Козельскаго рѣчь идетъ именно о Мих. Поповѣ. Кромѣ того, отмѣтимъ, что Новиковъ всегда издавалъ литературные труды Попова, и первая книга, отданная въ печать организованнымъ въ 1773 году Новиковымъ „Обществомъ, старающимся о напечатаніи книгъ" была переводомъ Попова — „Выписки о чревовѣщателяхъ". Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Козельскій говоритъ именно о Поповѣ, какъ о ближайшемъ другѣ и дѣятельномъ сотрудникѣ Новикова.

Участіе Попова въ „Трутнѣ", какъ мы упомянули, установлено П. А. Ефремовымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію „Трутня". Въ листахъ III и IV перваго Новиковскаго журнала есть два стихотворенія, безусловно принадлежащія Попову, именно—притча „Два вора" и эпиграмма „Осьмымъ тебя, мой другъ, всѣ чудомъ почитаютъ". Фактъ принадлежности Попову притчи „Два вора" вызываетъ очень важный вопросъ о возможности приписать перу этого писателя цѣлый циклъ статей, притомъ такихъ, которыя составляютъ одно изъ украшеній Новиковскихъ журналовъ и даже сравниваются Буличемъ и Пыпинымъ съ произведеніями Фонвизина. Предположенія въ этомъ отношеніи уже высказаны П. А. Ефремовымъ; мы же, съ своей стороны, взглянемъ на степень ихъ вѣроятности.

Во II-мъ листѣ „Трутня" помѣщено прекрасное письмо отъ дяди къ племяннику („Любезной племянничекъ..."). Это письмо по характеру изложенія тѣсно связано съ нѣсколькими другими подобными письмами, несомнѣнно писанными однимъ и тѣмъ же лицомъ. Къ тексту письма сдѣлана слѣдующая приписка:

„P. S. При семъ посылаю къ тебѣ вирши, которыя писалъ на насъ прокуроръ нашъ. Прочитай ихъ и послѣ разсуди, что прибыльнѣе, вирши марать, иль деньги собирать? Онъ насъ бранитъ, а мы наживаемся и говоримъ: брань на вороту не виснетъ". Рядомъ съ этимъ стоитъ отмѣтка издателя: „Присланная ко мнѣ отъ дяди притча напечатана будетъ въ слѣдующемъ листѣ".

---

[1]) „Трутень", изд. Ефремова, стр. 353.

Въ слѣдующемъ листѣ притча и была напечатана; называется она — „Два вора“. Теперь является вопросъ: зная, что притча сочинена Поповымъ, можно ли, основываясь на приведенной припискѣ, считать, что тому же автору принадлежитъ и письмо къ племяннику? Между письмомъ и притчей имѣется связь не только въ припискѣ, но и въ самомъ текстѣ письма. Дядя пишетъ племяннику относительно прокурора и сообщаетъ, что онъ „научился дѣлать вирши, которыми думалъ насъ оплетать“. Не было бы сомнѣнія въ томъ, что авторъ притчи и письма — одно и то же лицо, если бы не тѣсныя дружескія отношенія Новикова и Попова; при такихъ условіяхъ нельзя исключить возможности коллективнаго труда, причемъ Поповъ могъ написать притчу, а Новиковъ письмо. Разсмотрѣніе другихъ сочиненій Попова не даетъ отвѣта на вопросъ, можно ли приписать Попову произведенія такого рода; въ собраніи сочиненій Попова [1]) находимъ только стихотворенія и театральныя пьесы, но это, конечно, еще не говоритъ противъ того, что Поповъ былъ и писателемъ-сатирикомъ. Что Поповъ былъ вообще человѣкъ талантливый — несомнѣнно; пѣсни его цѣнились даже Дмитріевымъ и Державинымъ.

Упомянувъ о нѣкоторомъ сомнѣніи, препятствующемъ признать указанное письмо безусловно принадлежащимъ перу Попова, мы, однако, считаемъ, что Поповъ, по указаннымъ основаніямъ, почти навѣрное былъ авторомъ этого письма.

Нельзя не согласиться съ предположеніемъ Ефремова, что тому же автору принадлежитъ и другое подобное письмо дяди (въ листѣ XV „Трутня“), а также письма родныхъ къ Ѳалалею, помѣщенныя въ „Живописцѣ“ 1772 г. Кромѣ сходства въ манерѣ изложенія, и даже въ отдѣльныхъ оборотахъ, Ефремовъ указываетъ на то, что оба письма къ племяннику Ивану (изъ „Трутня“) и письма родныхъ къ Ѳалалею (изъ „Живописца“) въ 3, 4 и 5 изданіяхъ этого послѣдняго журнала собраны особо и помѣщены рядомъ.

По нашему мнѣнію, перу автора этихъ писемъ можно бы приписать еще помѣщенныя въ „Трутнѣ“ копіи съ отписокъ и съ помѣщичьяго указа (въ листахъ XXVI и XXX). Здѣсь мы встрѣчаемъ то же превосходное знаніе деревенскаго быта дворянъ того времени, — знаніе, которое отличаетъ автора писемъ къ Ѳалалею; здѣсь, такъ же, какъ и въ этихъ письмахъ, рисуются нѣкоторыя картины, являющіяся рѣзкимъ протестомъ противъ крѣпостного права.

Теперь коснемся вопроса объ отношеніи къ „Трутню“ еще другого писателя — Ѳ. А. Эмина. Выше (при обозрѣніи журнала „Смѣсь“) мы уже говорили объ отношеніи Эмина къ Новикову. Сказанное тамъ даетъ извѣстную почву для дальнѣйшихъ нашихъ разысканій. Въ листѣ XIV „Трутня“ издатель „Адской Почты“ (Эминъ), какъ это достовѣрно извѣстно, помѣстилъ за подписью Б. К. (БѣсЪ Кривой) письмо, начинающееся словами: „Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось“. Другихъ свѣдѣній объ участіи Эмина въ „Трутнѣ“ нѣтъ; поэтому мы рѣшаемся предложить здѣсь нѣсколько догадокъ въ пользу того факта, что Эминъ болѣе дѣятельно сотрудничалъ въ журналѣ своего друга — Новикова. Прежде всего намъ придется остановиться на помѣщенномъ въ листѣ XII „Трутня“, подъ № 18, письмѣ N. N. къ издателю, начинающемся словами „Хочу васъ увѣдомить“... Послѣднее письмо вызвало большую полемику въ журналахъ, а потому тѣмъ

[1]) „Досуги или собраніе сочиненій и переводовъ Михаила Попова“, Спб. 1772 г., 2 части.

болѣе важно было бы выяснить имя его автора. Въ письмѣ дѣлается нападеніе на журналъ Чулкова. Авторъ письма говоритъ, что здѣшній воздухъ весьма противенъ англійскому и указываетъ это различіе, сравнивая, что здѣсь и что тамъ: „Здѣсь лягушка, говорится въ письмѣ, надувшись можетъ говорить слону, что онъ ростомъ весьма малъ. Подобное сему я нашелъ въ нѣкоторомъ журналѣ въ 24 и 25 недѣлѣ [1]). Въ семъ журналѣ не знаю кто-то такой сердится, что много журналовъ печатается. Видно, что соки его ума уже высохли, когда онъ басни о козленкѣ и прочія изъ италіанской Венероніевой грамматики печатаетъ; однакожъ говоритъ про другихъ, что они не зная, что писать, чужіе журналы повторяютъ. При всемъ томъ онъ на васъ гнѣваться немалую имѣетъ причину. Ваши журналы сдѣлали то, что его листочковъ теперь почти никто не покупаетъ, а ему на новый разживъ деньги надобны. Въ упомянутомъ журналѣ еще при досугѣ нѣкто бредитъ слѣдующее: отецъ многихъ имѣетъ дѣтей, однако не всѣхъ равно любитъ, и что подобнымъ образомъ и журналы публикою равно любимы быть не могутъ. Онъ отчасти сказалъ правду, узнавъ оную изъ опытовъ на свой счетъ... Теперь увидите, г. издатель, какъ за сіе письмо господа критики своими сатирами на насъ вооружатся; но я сего не опасаюсь, да и вамъ бояться не совѣтую“. Подписано: слуга вашъ N. N.

Этотъ полемическій выпадъ противъ Чулкова мы приписываемъ Ѳ. А. Эмину. Основанія нашего мнѣнія таковы. Авторъ письма предчувствуетъ, что „на насъ“, то есть на него и на Новикова, вооружатся критики. Задѣвая нѣсколькими выпадами журналъ „И то и се“, авторъ какъ бы подстрекаетъ издателя этого журнада — Чулкова на словесный бой. Конечно именно съ стороны Чулкова авторъ письма N. N. и ожидаетъ тѣхъ сатиръ, о которыхъ упоминаетъ въ послѣдней фразѣ письма. Предчувствіе N. N. оправдалось: въ слѣдующемъ (28-омъ) листѣ журнала „И то и се“ находятся, въ письмѣ нѣкоего Д. П., нападенія на „Трутень“ и „Адскую почту“, отчасти авторъ задѣваетъ и „Всякую Всячину“. Послѣ этого письма помѣщено чрезвычайно грубое стихотвореніе, съ ругательствами, направленными на Эмина (начинается словами: „Азъ не безъ глазъ“...). Въ этомъ стихотвореніи находимъ такія, напримѣръ, строки:

„Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за это проситъ,
Дуракъ.
Кто цыфровъ не училъ, но лѣтописи строитъ
И Волгою брега Санктпетербургски моитъ,
Дуракъ.
Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла
Дуракъ“.... и т. д.

Далѣе идутъ все явныя нападки на Эмина.

Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на помѣщенное въ „Трутнѣ“ письмо, Чулковъ грубо напалъ на Эмина, котораго, очевидно, считалъ за автора помѣщеннаго въ „Трутнѣ“ письма.

Затѣмъ, по нашему мнѣнію, разсматриваемое письмо стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ, помѣщеннымъ въ листѣ XIV, безспорно принадлежащимъ Эмину: въ первомъ письмѣ авторъ нападаетъ на Чулкова и предвидитъ, въ свою очередь, нападки критиковъ на него, автора, и на издателя журнала, во

[1]) Говорится объ „И то и се“.

второмъ письмѣ рѣчь идетъ уже объ этихъ осуществившихся нападкахъ, о томъ, что „пламя войны и между сочинителями возгорѣлось". Эти соображенія и даютъ намъ поводъ заключить, что авторъ указаннаго письма въ листѣ XII—Эминъ.

Замѣтимъ также, что на грубую выходку Чулкова противъ Эмина, отвѣтилъ тотъ же „Трутень", насмѣшками надъ Чулковымъ (стих. „Задача").

„Задача" эта, помѣщенная въ листѣ XIV-мъ „Трутня", является продолженіемъ той же литературной перебранки, которую началъ N. N., вызвавшій въ отвѣтъ стихотвореніе Чулкова „Азъ не безъ глазъ", направленное на Эмина.

Авторъ „Задачи" въ томъ же духѣ, въ какомъ написано указанное стихотвореніе, задаетъ задачу:

„Читатели! прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣвъ, а пишетъ на удачу
Уменъ или дуракъ?"

Далѣе идутъ все вопросы съ разными выпадами противъ Чулкова, а затѣмъ слѣдуетъ „Рѣшеніе" задачи, гдѣ указывается, что... „писатель сей таковъ, какъ вздѣлъ бы кто кафтанъ, не вздѣвъ сперва чулковъ; и естьли это такъ, конечно онъ дуракъ".

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что и это полемическое стихотвореніе принадлежитъ Эмину, такъ какъ, конечно, онъ не отказалъ бы себѣ въ удовольствіи отвѣтить на нападки Чулкова, сдѣланныя въ стихотвореніи „Азъ не безъ глазъ"; задача именно и является такимъ отвѣтомъ. Кромѣ того, грубая задача эта вполнѣ въ духѣ тѣхъ сатирическихъ нападеній, на которыя былъ такой мастеръ Эминъ, и которыя дѣлали его имя ненавистнымъ для нѣкоторыхъ писателей (Сумароковъ, Чулковъ). Не сталъ же бы самъ Новиковъ отвѣчать грубыми виршами въ отвѣтъ на выпады Чулкова противъ Эмина! Во-первыхъ, Новиковъ, сколько извѣстно, не занимался писаніемъ такихъ риѳмованныхъ „сатиръ"; во-вторыхъ, всѣ эти выходки слишкомъ грубы для Новикова, насколько мы его знаемъ. И, если Новиковъ давалъ въ своемъ журналѣ мѣсто этому выпаду противъ Чулкова, приписываемому нами Эмину, то не потому ли, что и вся эта полемика была начата N. N. — Эминымъ именно въ Новиковскомъ „Трутнѣ?"

Мы доказывали, что письмо въ листѣ XII „Трутня" („Хочу васъ увѣдомить"...), за подписью „Слуга вашъ N.N.", принадлежитъ Ѳ. А. Эмину. Признавая это, мы должны будемъ столкнуться съ другимъ вопросомъ, изъ этого заключенія вытекающимъ. Въ „Трутнѣ" 1769 года имѣется еще три письма съ подписью N.N., именно въ листахъ X и XIX (подпись „слуга вашъ N.N.") и въ листѣ XIII (подпись — „Покорный твой слуга N.N."). Если письмо въ листѣ XII, подписанное — N.N, принадлежитъ Ѳ. А. Эмину, то не онъ ли авторъ и трехъ другихъ писемъ за такою же подписью?

Прежде всего замѣтимъ, что хотя подпись N.N. и довольно вообще въ журналахъ обычная, но трудно допустить, чтобы въ одномъ и томъ же журналѣ въ теченіе короткаго промежутка времени (эту подпись встрѣчаемъ въ трехъ почти смежныхъ листахъ) однѣми и тѣми же буквами подписывались два разныхъ лица.

Обратимся къ самимъ письмамъ, прежде всего имѣя въ виду два изъ нихъ — въ листахъ X и XIII. На нашъ взглядъ, здѣсь „письмо" — только форма статьи, которая, въ сущности, представляетъ небольшое повѣство-

ваніе, съ довольно, въ обоихъ случаяхъ, замысловатымъ сюжетомъ. Не Новиковъ ли самъ авторъ этихъ писемъ? Такое предположеніе мы должны отклонить: письма написаны совершенно не манерою Новикова, который, какъ скажемъ ниже, никогда не прибѣгаетъ къ сложной фабулѣ, но, преимущественно, въ сжатыхъ, немногихъ словахъ рисуетъ извѣстные типы и сатирическіе портреты. Между тѣмъ, въ письмахъ X и XIII сюжетъ довольно сложный, и эти письма въ этомъ отношеніи стоятъ особнякомъ въ журналѣ. Въ письмѣ изъ листа X разсказываются приключенія одного червонца, начиная съ того времени, когда онъ былъ въ сокровищахъ Кира, и до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ руки автора [1]). Въ письмѣ изъ листа XIII разсказывается о томъ, какъ у судьи пропали часы, какъ обвиненъ былъ въ этомъ подрядчикъ, котораго пытали, часы же, въ дѣйствительности, похитилъ племянникъ судьи; украденные часы переходили изъ рукъ въ руки и, наконецъ, попали къ прокурору того суда, гдѣ пытали подрядчика, причемъ выяснилось, что часы укралъ племянникъ судьи; въ результатѣ, судъ вынесъ постановленіе „вора племянника, яко благороднаго человѣка, наказать дядѣ келейно, а подрядчику при выпускѣ объявить, что побои ему впредь зачтены будутъ".

На нашъ взглядъ, эти повѣствованія очень напоминаютъ по замысловатости сюжета тѣ, которыя помѣщалъ Эминъ въ своей „Адской Почтѣ", въ видѣ переписки двухъ бѣсовъ. Картина безвинно пытаемаго человѣка, съ цѣлью добиться желаемаго признанія, попалась намъ и въ „Адской Почтѣ", гдѣ помѣщикъ такимъ способомъ узнаетъ у крестьянина, гдѣ у него спрятаны деньги.

Принимая во вниманіе, что Эминъ былъ близокъ къ Новикову и участвовалъ въ „Трутнѣ" и основываясь на тожественности иниціаловъ (N.N.), а также на близости содержанія указанныхъ писемъ со статьями „Адской Почты", мы полагаемъ, что весьма возможно признать Эмина авторомъ и этихъ двухъ писемъ, равно какъ и письма въ листѣ XIX, также подписаннаго N.N. Послѣднее письмо менѣе характерно по содержанію, а потому, приписывая его Эмину, мы болѣе основываемся на сходствѣ иниціаловъ.

Замѣтимъ, что листы X, XII и XIII, гдѣ помѣщены приписываемыя нами Эмину письма, вышли въ іюнѣ и іюлѣ 1769 года; журналъ же Эмина „Адская Почта" сталъ выходить ежемѣсячно съ іюля. Слѣдовательно, указанныя письма частью были, частью могли быть написаны еще до изданія „Адской Почты". Въ „Трутнѣ" 1770 г., въ листѣ XI (за № 32) помѣщено вновь письмо за подписью N.N., которое, впрочемъ, мало характерно; основываясь на иниціалахъ, можно приписывать и это письмо Эмину, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же листѣ, рядомъ, подъ № 33, помѣщено письмо бывшаго издателя „Смѣси" (то есть, какъ мы доказывали, того же Эмина). Эминъ въ это время закончилъ изданіе „Адской Почты" и „Смѣси" и могъ снова принять болѣе дѣятельное участіе въ „Трутнѣ".

Кромѣ указанныхъ писемъ, мы съ нѣкоторою вѣроятностью можемъ приписывать Эмину также посланіе въ стихахъ „Къ г. издателю „Трутня", помѣщенное въ листѣ XVII, подъ № 28. Посланіе это написано однимъ изъ единомышленниковъ Новикова, которому авторъ совѣтуетъ не обращать вниманія на разныхъ „глупцовъ", ругающихъ издателя „Трутня". Попутно

[1]) Въ журналѣ „Свободные Часы" 1763 года, ноябрь, стр. 661—668 была помѣщена статейка подъ названіемъ „Похожденіе червонца", напоминающая по сюжету указываемое письмо изъ „Трутня". Предполагаемъ, что сюжетъ и этого письма и статьи „Свободн. Часовъ" заимствованъ изъ какого-либо иностраннаго источника.

авторъ нападаетъ на писателей Лукина и Ѳ. Козельскаго; основываясь на этихъ чисто-литературныхъ нападкахъ, трудно допустить, чтобы посланіе было написано какимъ-либо случайнымъ сотрудникомъ, чуждымъ взаимоотношеній писателей. Изъ посланія видно, что авторъ пишетъ сатиры, а Эминъ именно этимъ (непечатными сатирами) пользовался извѣстностью въ свое время. Чулковъ въ своей поэмѣ „Плачевное паденіе стихотворцевъ“ сказалъ про Эмина, что онъ „прозой нажилъ домъ“, а „сатирами купилъ карету со стекломъ“. Авторъ „Посланія“ говоритъ:

„Хотя бы на меня злость съ завистью сіяла
За то, чтобъ сатира пороковъ не являла,
И всѣ бъ напасти вдругъ стремились на меня,
Я ночи никогда не дамъ названья дня:
Ласкать чиновнымъ я и знатнымъ не умѣю,
Бездѣльство, ябеду и злость хвалить не смѣю,
И бѣлымъ черное нигдѣ не назову“.

И далѣе:

„Но спросятъ у меня зачѣмъ пишу такъ дерзко
И гдѣ я смѣлости такой примѣръ видалъ?
Горацій, Боало, Луцили, Ювеналъ
Порочныхъ согражданъ всю гнусность представляли,
И путь къ холмистому Парнасу открывали:
Они, скажу въ отвѣтъ, мнѣ подали примѣръ...“ и т. д.

Въ этихъ стихахъ очень характерна для Эмина ссылка на Буало и другихъ иностранныхъ писателей, въ оправданіе рѣзкости сатиры. Какъ мы уже упоминали, говоря о журналѣ „Смѣсь“, Эминъ постоянно съ этой цѣлью ссылался на Буало и другихъ авторовъ. Та прямота, съ которой говоритъ авторъ посланія, также характерна для Эмина, какъ объ этомъ можно судить и по отзыву о немъ Новиковскаго „Словаря“.

Всѣ приведенныя данныя расширяютъ долю сотрудничества Эмина въ „Трутнѣ“, и мы полагаемъ, что Поповъ и Эминъ были наиболѣе близкими къ Новикову въ это время лицами. Къ кружку Новикова примыкалъ также Аблесимовъ, но участіе его въ журналѣ ни въ чемъ особенно характернымъ не выразилось: Аблесимовъ помѣстилъ въ „Трутнѣ“ нѣсколько стихотвореній и два малозначительныхъ письма. Затѣмъ изъ писателей, единомышленныхъ издателю „Трутня“, можно назвать В. И. Майкова, но онъ помѣстилъ въ „Трутнѣ“ только два стихотворенія, не сдѣлавъ въ журналъ никакого существеннаго вклада.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ данныхъ укажемъ еще одного случайнаго сотрудника, литературный трудъ котораго, правда — въ очень переработанномъ видѣ, былъ помѣщенъ въ „Трутнѣ“. Это — А. Л. Леонтьевъ, трудолюбивѣйшій переводчикъ съ китайскаго языка. Въ „Трутнѣ“ 1770 г., въ листѣ VIII, помѣщена статья „Чензыя Китайскаго Философа совѣтъ, данный его Государю“. Подъ этой статьей стоитъ подпись „Перевелъ съ китайскаго языка Не знаю кто“. Среди многочисленныхъ переводовъ Леонтьева есть книга „Китайскія мысли“, первый разъ изданная въ СПБ., въ 1772 г. Здѣсь находится переводъ той же самой статьи, которая помѣщена и въ „Трутнѣ“, но самый текстъ этихъ переводовъ очень отличается одинъ отъ другого. Въ „Китайскихъ мысляхъ“ статья эта и называется нѣсколько иначе, именно „Разсужденіе учителя Чензыя о правленіи государственномъ“. Приведемъ образцы того и другого переводовъ.

„Текстъ Трутня".

Для правленія государственнаго необходимо должно знать и исполнять слѣдующее:

I.

Полезныя государству твоему учрежденія полагай твердо. Сердцу твоему и разсудку основаніемъ да будетъ истинна. Чти преданія мужей отличныхъ, какъ добродѣтелію, такъ и разумомъ. Взирай на образцы благоразумныхъ прежнихъ правителей, и несклоняясь на безпутныя предложенія, не помрачай дѣлъ твоихъ безполезными новизнами. Тщись государство твое содѣлати блаженнымъ такъ, какъ было оно во времена трехъ похвальныхъ вѣковъ. Естьли учрежденіи твои будутъ легкомысленны, и слѣдовательно не тверды, то вѣдай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будетъ. Знай, что не было отъ вѣка такого Государя, который бы не желалъ благополучія своимъ подданнымъ: но немногіе достигли до исполненія онаго... [1]) Одинъ имѣлъ желаніе подданнымъ своимъ содѣлати блаженство, но не зналъ способовъ къ исполненію своего намѣренія. Другой рачительно начиналъ, но облѣнялся оканчивать. Третій предавшись порокамъ, ни самого себя исправить, ни подданныхъ своихъ благополучными содѣлать не могъ. Иной обремененъ будучи различными предложеніями и добрыми и худыми, не зналъ и того, за которое приняться.

Текстъ „Китайскихъ" мыслей.

Всякому государю для правленія государственнаго необходимо надобно знать и исполнять слѣдующее:

I.

Полагать полезныя государству своему намѣреніи твердо, имѣя сердцу и уму своему основаніемъ истинну, принимая за правила святыхъ мужей преданіи, смотря на образцы благоразумныхъ прежнихъ правителей, не склоняясь на безпутныя новизны, не помрачаясь развратными предложеніями, помышляя такъ государство свое исправить, какъ исправлено было во времена трехъ похвальныхъ вѣковъ, вѣдая, что есть-ли намѣреніе свое положить не твердо, то не токмо цѣлаго государства, но и самого себя исправить не можешь; памятуя, что отъ вѣка не было такого государя, который бы благополучія государству своему не желалъ, но не могли многіе по желанію возстановить онаго, за тѣмъ подлинно, что не полагали добрыхъ намѣреній твердо; тотъ имѣлъ желаніе, но не зналъ какимъ поступить образомъ; сей рачительно начиналъ, но совершать облѣнялся: одинъ, углубившись въ порокахъ, не могъ поправлять и самого себя; другой, помраченъ будучи предложеніями развратными, не могъ знать и того, за что бы приняться.

Несмотря на очень большое отличіе двухъ переводовъ, отрывки изъ которыхъ приведены, мы полагаемъ все-таки, что это не два разныхъ перевода. По нашему мнѣнію, помѣщенный въ „Трутнѣ" переводъ принадлежитъ тому же Леонтьеву, что доказывается совпаденіемъ ряда отдѣльныхъ характерныхъ выраженій (нѣкоторыя изъ нихъ мы отмѣчаемъ разрядкой). Большое

[1]) Далѣе въ „Трутнѣ" слѣдуетъ фраза, въ „Китайскихъ мысляхъ" не помѣщенная. Приводимъ ее здѣсь „... А сіе ради того, что Государи часто бываютъ легковѣрны, и окружаютъ себя льстецами; слѣдовательно, такіе не могутъ знать истиннаго состоянія своихъ подданныхъ: по сему не могутъ они ни полезныхъ дѣлать учрежденій, ни искоренять злоупотребленій, ни наказывать преступниковъ, ни награждать добродѣтельныхъ для того только, что чужими смотрятъ глазами". Несомнѣнно, этотъ пропускъ въ текстѣ „Китайскихъ мыслей" объясняется цензурными условіями, ставшими тяжелѣе послѣ прекращенія сатирическихъ журналовъ 1769 г. Любопытно, что Новиковъ для того, чтобы въ его переводѣ не стали искать какихъ-либо намековъ на условія русской жизни, счелъ нужнымъ присоединить къ переводу слѣдующее примѣчаніе: „Видя благоразумное правленіе нашея Великія Государыни, Ея о подданныхъ попеченія и неусыпные труды, Ея учрежденія о вкорененіи добрыхъ нравовъ, о введеніи наукъ и художествъ, Ея прозорливое избраніе властей правительствующихъ, Ея правосудіе, Ея щедроты рѣками изобильно на всѣхъ изливаемыя и словомъ всѣ Ея безсмертныя дѣла видя, можно смѣло сказать, что когда бы китайской философъ нынѣ жилъ, то бы не написалъ сего совѣта своему государю, а совѣтовалъ бы ему въ храмѣ вѣчности итти по стопамъ Великія Екатерины".

же отличіе въ текстѣ переводовъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что издатель „Трутня“ передѣлалъ тяжелый слогъ Леонтьева въ болѣе легкій, для чего не только поставилъ другія выраженія, но измѣнилъ кое-гдѣ и самую конструкцію фразъ. Мы уже не говоримъ про то, что въ то время былъ у насъ только одинъ переводчикъ съ китайскаго — Леонтьевъ, а что переводъ сдѣланъ именно съ китайскаго (а не съ какого-либо другого иностраннаго перевода) доказывается подписью подъ статьей „Трутня“.

О томъ, что Новиковъ передѣлывалъ присылаемыя къ нему статьи, сохранилось свидѣтельство въ самомъ „Трутнѣ“. Одинъ изъ корреспондентовъ журнала въ мартѣ 1770 г. писалъ къ издателю (письмо № 39 въ листѣ XIII): „Есть люди, которые говорятъ, что Трутень 1770 года нерадивѣе Трутня 1769. Въ прошломъ годѣ онъ не только что издавалъ отборныя пьесы, но и присылаемыя къ нему исправлялъ и своимъ хорошимъ вкусомъ и остроуміемъ изъ худыхъ писателей дѣлалъ хорошихъ авторовъ“. Справедливость этой фразы доказывается вышеуказанной передѣлкой перевода Леонтьева, а потому этотъ фактъ не лишенъ значенія и для характеристики редакторскихъ пріемовъ Новикова [1]).

Сообщимъ нѣсколько замѣчаній объ авторахъ статей, помѣщенныхъ въ „Живописцѣ“. Прежде всего коснемся вопроса объ участіи въ журналѣ Императрицы Екатерины II.

Карамзинъ въ своей запискѣ о Новиковѣ, поданной Императору Александру I, свидѣтельствуетъ, что въ „Живописцѣ“ помѣщены „нѣкоторыя произведенія собственнаго пера“ Екатерины II [2]). Достовѣрно извѣстно, что Императрицѣ принадлежитъ напечатанное въ листѣ 7-мъ „Письмо къ господину Живописцу“, за подписью „Сочинитель комедіи О Время“. Какъ извѣстно, „Живописецъ“ былъ посвященъ сочинителю этой комедіи (Екатеринѣ II), причемъ Новиковъ въ посвященіи, между прочимъ, говорилъ: „Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій“. Въ отвѣтномъ письмѣ „Живописцу“ Императрица сообщила, что съ охотою впредь исполнитъ эту просьбу. Однако, никакихъ другихъ произведеній, помѣщенныхъ Екатериной въ этомъ журналѣ, болѣе не извѣстно.

Обратимъ вниманіе на одну статью „Живописца“, именно на письмо къ нему нѣкоего „Любомудрова изъ Ярославля“, помѣщенное въ листѣ 18-омъ 1773 года. Въ этомъ письмѣ авторъ извѣщаетъ издателя объ учрежденіи „Общества, старающагося о напечатаніи книгъ“ и высказываетъ свои мысли о пользѣ его, привѣтствуя учредителей; въ томъ же листѣ помѣщенъ

---

[1]) По указанію митрополита Евгенія („Словарь свѣтскихъ писателей томъ II, стр. 7) Леонтьевъ научился китайскому языку въ бытность около 8 лѣтъ при Россійской миссіи въ Пекинѣ, куда онъ, по словамъ Евгенія, былъ отправленъ въ 1768 г. Послѣдняя дата, повидимому, невѣрна, такъ какъ въ 1772 г. Леонтьевъ уже былъ въ Петербургѣ и трудился для „Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ“ (См. наше о немъ изслѣдованіе, Спб. 1913 г., стр. 42). Такимъ образомъ, если Леонтьевъ пробылъ въ Китаѣ восемь лѣтъ, то отправился туда онъ не въ 1768 г., а ранѣе. Мы, однако, не знаемъ, былъ ли Леонтьевъ во-время изданія „Трутня“ уже въ Петербургѣ, но если не былъ, то, очевидно, Новиковъ воспользовался для своей передѣлки ранѣе сдѣланнымъ переводомъ Леонтьева, почему-либо попавшимъ къ Новикову въ рукописи. Переводами съ китайскаго Леонтьевъ занимался еще въ началѣ 60-ыхъ годовъ.

[2]) Ловгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 161.

и отвѣтъ Любомудрову издателя, который указываетъ на необходимость не только печатать, но и распространять книги, особенно въ провинціи.

Всѣ изслѣдователи дѣятельности Новикова обращали вниманіе на письмо Любомудрова и на отвѣтъ Новикова, не приводя, однако, никакихъ данныхъ о томъ обществѣ, про которое говоритъ Любомудровъ. Нами доказано, что упоминаемое въ письмѣ „Общество, старающееся о напечатаніи книгъ“ представляетъ собою раннюю попытку Новикова [1]). Для характеристики отношеній Екатерины къ этому обществу важно то, что Императрица пожаловала Новиковскому обществу всѣ экземпляры отпечатаннаго въ 1773 году изданія романа Мармонтеля „Велисарій“, переведеннаго во время путешествія по Волгѣ самою Екатериной и лицами ея свиты.

Мы предполагаемъ, что подъ именемъ „Любомудрова“, привѣтствующаго учрежденіе общества, скрывается сама Императрица Екатерина [2]). Основанія этого предположенія таковы. Письмо Любомудрова помѣчено — „изъ Ярославля“. Это — обычная маскировка, къ которой прибѣгала Екатерина, обозначая на своихъ комедіяхъ, въ томъ числѣ и на „О время“, что онѣ будто бы „сочинены въ Ярославлѣ“. Такимъ образомъ, въ указанной помѣткѣ мы видимъ намекъ на автора: авторъ „изъ Ярославля“, то есть оттуда же, гдѣ будто бы сочинены и комедіи Екатерины.

Затѣмъ въ пользу нашего предположенія укажемъ еще слѣдующее: „Живописецъ“ посвященъ „неизвѣстному сочинителю комедіи „О время“, хотя Новиковъ отлично зналъ, кто сочинитель, чѣмъ объясняется и посвященіе. Такимъ образомъ, Новиковъ дѣлаетъ видъ, будто авторъ комедіи „О время“ ему неизвѣстенъ. Если „Любомудровъ изъ Ярославля“ — Екатерина, то мы видимъ, что она прибѣгаетъ къ такому же пріему и пишетъ, какъ будто не зная, что Новиковъ и есть учредитель общества; равнымъ образомъ и Новиковъ въ отвѣтѣ Любомудрову придерживается такого же тона, говоря, что планъ учрежденія этого ему неизвѣстенъ. Между тѣмъ въ это время общество, учрежденное при сочувственномъ отношеніи Императрицы Новиковымъ, уже существовало.

Отмѣтимъ также сходство мыслей въ письмѣ Любомудрова и въ одной изъ статей издававшейся при ближайшемъ участіи Екатерины — „Всякой Всячины“ [3]).

---

[1]) См. нашу статью „Раннее издательское общество Н. И. Новикова“ („Русскій Библіофилъ“, 1912 г., № V).

[2]) Эти предположенія уже были высказаны нами въ упомянутой статьѣ „Раннее издательское общество Н. И. Новикова“; здѣсь развиваемъ эти предположенія нѣсколько подробнѣе.

[3]) Любомудровъ въ такихъ словахъ говоритъ о значеніи печати: „Печатаніе книгъ, говоритъ онъ, соближая вѣки и земли, доставляя всѣмъ свѣдѣніе о изобрѣтенномъ и о происшедшемъ, есть наивеличайшее изо всѣхъ изобрѣтеній разуму человѣческому подлежащихъ. Что можетъ болѣе, коли не печатаніе книгъ, расплодить единую истинну къ забвенію бы безъ онаго опредѣленную и родить, такъ сказать, столько же прямо мыслящихъ головъ, какъ самъ изобрѣтатель той истинны, сколько есть читателей? Печатаніе соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истинны, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ; ибо я не того мнѣнія, чтобы оныя нѣкогда полезны быть могли: польза ихъ бываетъ мгновенна, но вредъ, отъ оныхъ происходящій, отрыгается, если могу такъ сказать, чрезъ цѣлые вѣки“. — Во „Всякой Всячинѣ“ находимъ такія же мысли о высокомъ значеніи печатанія: „О печать! конечно, самъ Богъ просвѣтилъ того человѣка, кто тебя выдумалъ. Тобою сохраняются описанія великихъ дѣлъ человѣческихъ; тобою летаютъ мысли человѣческія отъ Востока до Запада, отъ Полудня до Полуночи; ты истребляешь вредныя роду человѣческому предразсужденія; тобою открывается истинна; тобою изъ примѣровъ научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи разысканію правды. Колико споспѣшествуешь ты людямъ ко благополучію!...“ („Всякая Всячина“, 1769 г., стр. 117—118).

Если къ этому прибавить, что Императрица несомнѣнно сочувственно относилась къ обществу Новикова, а ему самому обѣщала сотрудничество въ „Живописцѣ“, то, на нашъ взглядъ, можно думать, что „Любомудровъ“ — псевдонимъ Екатерины II, кстати сказать, во „Всякой Всячинѣ“ писавшей подъ нѣсколько сходнымъ псевдонимомъ „Правдомыслова“. Наконецъ, отмѣтимъ еще, что въ концѣ отвѣта Любомудрову Новиковъ восхваляетъ Императрицу за учрежденіе „Собранія, старающагося о переводѣ книгъ“, что совершенно умѣстно въ словахъ, обращаемыхъ къ Императрицѣ.

Существуетъ преданіе объ участіи въ „Трутнѣ“ княгини Е. Р. Дашковой. Преданіе это оставлено, правда, совершенно недостовѣрнымъ лицомъ — М. Н. Макаровымъ [1]). Въ отношеніи „Трутня“ преданіе едва ли справедливо, но участіе Дашковой въ „Живописцѣ“ вполнѣ возможно и вѣроятно. Если принять во вниманіе, что въ журналѣ участвовала Императрица, то вполнѣ правдоподобно, что ей послѣдовала въ этомъ отношеніи и Дашкова, часто бравшая примѣръ съ Екатерины. Въ пользу такого участія можетъ говорить и идейная близость Новикова и Дашковой, въ особенности сказывавшаяся въ борьбѣ съ французоманіей. Если дѣлать предположенія въ этомъ направленіи, то мы бы указали на одно письмо къ издателю, помѣщенное въ I-ой части журнала въ листѣ 9-омъ, подъ № IX, то есть черезъ двѣ недѣли послѣ помѣщенія въ „Живописцѣ“ письма Екатерины II.

Разсматривая въ другомъ мѣстѣ [2]) журнальныя статьи Дашковой, мы приходимъ къ заключенію, что она не любила писать отъ своего имени, а то приводила выдержки изъ будто бы найденныхъ чьихъ-либо записокъ, то выражала мысли въ формѣ записной книжки и т. п. Мы замѣтили, что литературная манера Дашковой характеризуется употребленіемъ отрывочныхъ фразъ, гдѣ, въ формѣ афоризмовъ, высказываются различныя истины, часто изъ числа тѣхъ, которыя можно отнести къ „прописнымъ“. Именно этими чертами отличается указанное письмо, помѣщенное въ листѣ 9-мъ. Авторъ письма говоритъ, что онъ нашелъ послѣ дѣда записки, изъ которыхъ сообщаетъ далѣе маленькую выписку. Самое содержаніе выписки состоитъ изъ ряда нравоучительныхъ афоризмовъ, каковы, напримѣръ (приводимъ первые три): „Въ порочныхъ сердцахъ любовь порокомъ обращается; напротивъ того, въ добродѣтельныхъ душахъ сія страсть перерождается въ добродѣтель“; „Человѣкъ, не имѣющій постоянства, щастливымъ надолго быть не можетъ“; „Скажи дочери своей, чтобы она научилась быть чистоплотною прежде, нежели примется за щегольство“ и т. д.. Статья эта, по своему тяжелому нравоучительному характеру, рѣзко отличается отъ обычныхъ статей „Живописца“. Не имѣя данныхъ утверждать, что статья принадлежитъ Дашковой, мы, однако, сочли нелишнимъ высказать нѣкоторыя соображенія въ этомъ направленіи, принимая во вниманіе возможную близость Дашковой къ журналу Новикова. Изъ числа другихъ статей „Живописца“ очень напоминаетъ перо Дашковой еще письмо отъ Добромыслова, съ приложеннымъ возваніемъ къ „Любителямъ добродѣтели“ (въ листѣ 22 II-ой части „Живописца“).

Кромѣ возможнаго участія въ журналѣ Дашковой, отмѣтимъ еще фактъ сотрудничества другого лица, близкаго ко двору Екатерины, именно Павла Сергѣевича Потемкина. Л. Н. Майковъ, основываясь на инициалахъ, предположительно приписалъ этому лицу помѣщенные въ листѣ 26-мъ 1772 года

[1]) „Отечественныя записки“ 1839 г., томъ V, „Смѣсь“, стр. 31.

[2]) См. наши „Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II“, которые будутъ печататься въ приложеніи къ „Русскому Библіофилу“.

„Стихи Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на пріобрѣтеніе Бѣлыя Россіи“ [1]). Можемъ подтвердить предположеніе Майкова: стихи, дѣйствительно, принадлежатъ П. С. Потемкину; это видно изъ того, что было отдѣльное изданіе этихъ стиховъ, напечатанное въ 1772 году въ типографіи Академіи Наукъ для П. С. Потемкина [2]). Кромѣ этого стихотворенія, Потемкину принадлежитъ одно изъ помѣщенныхъ въ листѣ 24-омъ II-ой части двухъ стихотвореній на прогулку воспитанницъ Новодѣвичьяго монастыря. Имѣлось отдѣльное изданіе этихъ стихотвореній, причемъ опредѣляется, что одно изъ нихъ (вѣрнѣе, что первое, но достовѣрно это не выясняется) принадлежитъ П. С. Потемкину.

Кромѣ статей самой Екатерины, можетъ быть Дашковой, и П. С. Потемкина, въ журналѣ есть статьи, свидѣтельствующія о томъ, что Новиковъ въ это время имѣлъ соприкосновеніе съ придворными кругами. Таковы напримѣръ: письмо короля прусскаго Екатеринѣ II (часть I, листъ 22), письмо графа Солмса къ графу Панину (тамъ же), письмо короля прусскаго къ генералу Бибикову (часть II, листъ 20), также рѣчи, говоренныя Екатеринѣ II, и стихотворенія, ей посвященныя. Вѣроятно, указанныя письма короля прусскаго были получены отъ лицъ, близкихъ ко двору. Къ числу такихъ статеекъ принадлежитъ также „Письмо въ отвѣтъ къ господину генералъ-маіору и кавалеру Е. А. Щербинину, находящемуся со властію губернатора въ Слободской губерніи, о заведеніи типографіи гражданской при Харьковскихъ училищахъ“ (часть II, листъ 20). Письмо это привлекало вниманіе изслѣдователей, равно какъ и упоминавшееся письмо Любомудрова. И Лонгиновъ [3]) и Незеленовъ [4]) приписываютъ авторство этого письма самому Новикову. Въ дѣйствительности — это невѣрно. Письмо принадлежитъ епископу бѣлгородскому Самуилу (Мирославскому) и было написано имъ въ отвѣтъ на предложеніе Щербинина возбудить совмѣстное ходатайство объ учрежденіи типографіи при Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ. Переписка Щербинина съ Самуиломъ (впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ) была напечатана еще въ 1874 году въ „Курскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ (№ 1, стр. 32—42). Такимъ образомъ, всѣ дѣлаемые Незеленовымъ, на основаніи этого письма, выводы о томъ будто бы вліяніи, которымъ сталъ пользоваться Новиковъ, о чемъ говорится на стр. 198 изслѣдованія „Новиковъ — издатель журналовъ“, слѣдуетъ считать неимѣющими подъ собой почвы.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ статей „Живописца“ это — „Отрывокъ изъ путешествія въ *** И*** Т*** “ (въ листахъ 5 и 14 1772 года). Вопросъ объ авторѣ этой статьи, представляющей рѣзкое обличеніе крѣпостного права, имѣетъ свою литературу, причемъ мнѣнія изслѣдователей раздѣляются: одни, какъ Л. Н. Майковъ, на основаніи инициаловъ, приписываютъ статью И. П. Тургеневу, другіе, — Радищеву, основываясь въ этомъ предположеніи на томъ, что отрывокъ сходенъ по идеѣ, заглавію и по слогу съ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“. Несомнѣнно, послѣднее предположеніе должно заслуживать наибольшее вниманіе. Инициалы, въ сущности,

---

[1]) „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол.“ (Спб., 1889 г.), статья „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“, стр. 408.

[2]) Какъ это, такъ и нижеслѣдующее указаніе, беремъ изъ тѣхъ же нашихъ „Матеріаловъ для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II“, которые будутъ печататься въ приложеніи къ „Русскому Библіофилу“.

[3]) „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 30.

[4]) „Н. И. Новиковъ — издатель журналовъ“, стр. 198.

еще ничего не означаютъ, такъ какъ возможно, что они даже и не указываютъ на имя и фамилію автора, а имѣютъ какой-либо другой смыслъ, который нами не можетъ быть разгаданъ. Да и не въ духѣ тогдашнихъ журналовъ было обозначать имя автора въ заголовкѣ статьи.

Предположеніе объ участіи Радищева въ „Живописцѣ“ получаетъ особый вѣсъ теперь, когда выясняются личныя отношенія Новикова и Радищева въ это время. Изъ нашихъ разысканій объ упоминавшемся обществѣ Новикова видно, что это общество въ 1773 году представило для напечатанія въ академическую типографію два перевода Радищева, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ томъ же году, а другой — въ 1777-омъ. Хотя эти переводы были доставлены въ общество не самимъ Радищевымъ, а были сообщены Новикову изъ учрежденнаго Екатериной II „Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ“ [1]), тѣмъ не менѣе, конечно, фактъ личныхъ сношеній издателя (Новикова) и переводчика (Радищева) отрицать трудно. Можно даже думать, что Радищевъ былъ членомъ Новиковскаго общества.

Не дѣлая здѣсь сравненія пріемовъ изложенія вышеупомянутаго „Отрывка путешествія“ и „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, упомянемъ только объ одномъ жизненномъ явленіи того времени, изображаемомъ и въ томъ и въ другомъ сочиненіи. Рѣчь идетъ о работѣ крестьянъ въ воскресенье. Въ „Отрывкѣ изъ путешествія“ разсказывается о разговорѣ съ крестьянами путешественника: „Подите, друзья мои, сказалъ я (путешественникъ) имъ, отдыхайте: завтра воскресенье, и вы конечно на работу не пойдете, такъ мы поговоримъ побольше. — И! родимой! сказалъ крестьянинъ, какъ не работать въ воскресенье! Помолясь Богу, не што же дѣлать намъ, какъ не за работу приниматься; кабы по всѣмъ праздникамъ нашему брату гулять, такъ некогда бы и работать было.“ [2]). Въ „Путешествіи“ Радищева, въ главѣ „Любань“, описывается встрѣча съ пашущимъ крестьяниномъ, съ которымъ заговорилъ путешественникъ; это было въ воскресенье. „Ты конечно раскольникъ, обратился путешественникъ къ крестьянину, что пашешь по воскресеньямъ. Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. А Богъ милостивъ съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья. — Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самой жаръ. — Въ недѣлѣ то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину... [3])“.

Упомянувъ о такомъ сходствѣ этихъ картинъ, мы полагаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что окончательно вопросъ объ участіи Радищева въ „Живописцѣ“ слѣдуетъ разсмотрѣть изслѣдователямъ дѣятельности Радищева, тщательно сличивъ слогъ „Отрывка“ и „Путешествія“; тогда можетъ быть выяснится любопытный фактъ, что Радищевъ имѣлъ мысль объ изданіи „Путешествія“ еще за двадцать почти лѣтъ до выхода этой книги въ свѣтъ.

Предполагаютъ, что въ „Живописцѣ“ участвовалъ Сумароковъ; ему приписываютъ помѣщенные въ листѣ 24-омъ 1773 года „Стихи госпожамъ

---

[1]) См. наше изслѣдованіе „Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ“, стр. 47 и 59.

[2]) „Живописецъ“ 1772 года, изданіе I-е, листъ 14, стр. 107—108.

[3]) Радищевъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ изд. 1905 г., подъ ред. Н. К. Сильванскаго и П. Е. Щеголева, стр. 12.

дѣвицамъ перваго возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ". Это предположеніе основывается на томъ, что Сопиковъ въ „Опытѣ Россійской библіографіи", подъ № 11362, указалъ такіе стихи, съ именемъ Сумарокова. У Сопикова навѣрное ошибка: всѣ сочиненія Сумарокова печатались въ типографіи Академіи Наукъ, но такого изданія напечатано не было, какъ мы убѣдились при просмотрѣ дѣлъ Архива Конференціи Академіи. Указанные стихи, какъ мы упоминали выше, принадлежатъ, можетъ быть, П. С. Потемкину.

Что касается вообще отношенія Сумарокова къ Новикову во время изданія „Живописца", то по этому поводу мы приведемъ выдержку изъ цитированнаго уже „Размышленія о зависти" Ѳ. Козельскаго. Авторъ, говоря о „листкахъ" двухъ журналистовъ (Новикова и Попова), обращается къ нимъ съ такими словами:

„Какіе бъ мы въ хвалу вамъ завили вѣнки!
Дороже бъ ваши всѣ купили мы листки!
Вы въ сердцѣ на другихъ свою скрывая злобу,
Единаго творца тѣлистую особу,
Недавно начали заманивать въ свой скитъ.
Немного пользы вамъ, ногами онъ болитъ.
Уважте чинъ его и старость пощадите
И остротой своей степенна не пронзите.
Коль звали вы его во умыслѣ такомъ,
Отвѣтствовать и намъ вы будете хребтомъ"...

Это стихотвореніе относится ко времени изданія „Живописца". Изъ приведенной выдержки видно, что Новиковъ и его сотрудникъ стали заманивать „въ свой скитъ" какого-то писателя, стараго и съ большимъ литературнымъ положеніемъ („чинъ его", „степенный"). Вѣрнѣе всего, что это — Сумароковъ, единственный въ то время писатель, пользовавшійся высокимъ литературнымъ авторитетомъ.

Наше предположеніе подтверждается такимъ фактомъ. Козельскій говоритъ про этого писателя, что „ногами онъ болитъ". Въ письмѣ Сумарокова къ Императрицѣ Екатеринѣ, отъ 24 января 1773 года, въ самомъ началѣ говорится слѣдующее: „Будучи болѣ полугода б о л е нъ, ничего по сіе время не сочиняю и ничего не читаю, толико меня гипохондрія преодолѣла, а въ прошедшій годъ, не взирая на минувшее материнскимъ о насъ Вашего Императорскаго Величества попеченіемъ нещастіе, на продолжающуюся полгода жесточайшую мою болѣзнь, я столько много сочинилъ мѣсяца въ три, сколько и на три года довольно" [1]).

Наконецъ, отмѣтимъ, что М. И. Поповъ былъ и сотрудникомъ „Живописца"; кромѣ приписываемыхъ Попову писемъ родныхъ къ Ѳалалею, думаемъ, что автору этихъ писемъ можетъ принадлежать и статья „Слѣдствія худого воспитанія" въ листѣ 18-омъ „Живописца"; здѣсь рисуются тѣ же типы уѣздныхъ дворянъ, какъ и въ письмахъ Ѳалалею и въ помѣщичьихъ отпискахъ.

---

[1]) „Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемыя Николаемъ Тихонравовымъ", томъ III (М., 1861 г.), отдѣлъ „Смѣсь и библіографія", стр. 70.

Переходя къ вопросу о сотрудникахъ третьяго Новиковскаго журнала — „Кошелька“, мы должны будемъ остановиться на возможномъ отношеніи къ журналу княгини Е. Р. Дашковой. Преданіе о прикосновенности Дашковой къ „Кошельку“ оставилъ М. Н. Макаровъ. Макаровъ, какъ мы уже упоминали, лицо недостовѣрное, въ своихъ сообщеніяхъ о журналахъ оставившее много нелѣпыхъ свѣдѣній, часто бьющихъ въ глаза своею неправдоподобностью. Но все-таки Макаровъ не былъ сознательнымъ извратителемъ истины: онъ просто записалъ нѣкоторые дошедшіе до него слухи и преданія. Ясно, что среди этихъ преданій попалось много извращенныхъ и просто нелѣпыхъ свѣдѣній, но, конечно, могла сохраниться и доля правды. И вотъ это сообщеніе Макарова о близости Дашковой къ „Кошельку“, равно какъ и къ предшествовавшему журналу — „Живописцу“, именно и носитъ, по нашему мнѣнію, большую вѣроятность истины. Потому остановимся на словахъ Макарова.

Макаровъ говоритъ, что „журнальное дѣло Новикова („Кошелекъ“) началось при содѣйствіи княгини Дашковой и съ ея же приближенными подъ собственнымъ наблюденіемъ самой Императрицы“ [1]). Это указаніе намъ представляется очень вѣроятнымъ именно потому, что главною цѣлью „Кошелька“ была борьба съ французоманіей — что являлось излюбленною идеей и Дашковой, ратовавшей противъ подражанія французамъ въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ. Кромѣ того относительно Дашковой Макаровъ могъ быть освѣдомленъ, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, неоднократно съ ней бесѣдовалъ и даже находился съ Дашковой въ дальнемъ родствѣ [2]).

Вниманіе изслѣдователей Новиковскихъ журналовъ привлекала напечатанная въ „Кошелькѣ“ комедія „Народное игрище“. Тотъ же Макаровъ вотъ что сообщилъ по поводу этой комедіи: „Другіе говорятъ, что комедія эта (т. е. „Народное игрище“) принадлежала Шувалову и написана по задачѣ отъ Императрицы. Въ самомъ дѣлѣ, Екатеринѣ весьма желалось основать у насъ народный театръ; сама она изволила сказать, что Детушъ и Мольеръ въ округахъ нашей черни еще слишкомъ мудрены“. Едва ли преданіе объ авторствѣ Шувалова (впрочемъ, передаваемое Макаровымъ отъ имени „другихъ“) имѣетъ за собой какія либо основанія, но указаніе на то, что комедія написана „по задачѣ отъ Императрицы“, представляется намъ очень вѣроятнымъ. По крайней мѣрѣ, ссылка Макарова на слова Екатерины о Детушѣ и Мольерѣ весьма правдоподобна. Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь, что во „Всякой Всячинѣ“, журналѣ Екатерины II, есть статья, въ которой высказана мысль о національномъ театрѣ; кстати сказать, статья эта заключительная въ журналѣ, въ которой авторство Екатерины вѣроятно болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ статьяхъ „Всякой Всячины“. Въ статьѣ говорится: „Я думаю, что не въ однихъ книгахъ должно держаться сего третьяго правила, чтобъ Русскимъ представлять Русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ. Ибо маркизъ на Русскомъ театрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться!“

---

[1]) Статья „Библіографическая рѣдкость“ въ „Отечеств. Записк.“ 1839 г., томъ I, отдѣлъ VIII, стр. 28.

[2]) Макаровъ ссылается на эти бесѣды, изъ которыхъ онъ почерпалъ многое, въ своей статьѣ о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II, въ журналѣ „Репертуаръ“ 1844 г., кн. 1, стр. 175. Кромѣ того Макаровъ упоминаетъ о своихъ бесѣдахъ съ сыномъ Дашковой — кн. П. М. Дашковымъ.

Почти такая же мысль — о народномъ театрѣ (представляющемъ отрасль національнаго театра вообще) была побудительною причиною къ сочиненію „Народнаго игрища". Авторъ комедіи желалъ, какъ видно изъ передачи его словъ Новиковымъ, сочинить нѣсколько комедій для представленія „на ѳеатрѣ народномъ", такъ какъ даваемыя въ публичномъ театрѣ де Тушевы и другія комедіи онъ находитъ „для народа мало полезными".

Такимъ образомъ, представляется весьма возможнымъ, что авторъ „Народнаго игрища", сочиняя комедію, выполнялъ любимую мысль Екатерины.

Является вопросъ, кто авторъ комедіи. Указаніе Макарова на Шувалова представляется намъ маловѣроятнымъ, равно какъ и возможное предположеніе, что авторъ комедіи — самъ Новиковъ. Ни Шуваловъ, ни Новиковъ, сколько извѣстно, драматическихъ сочиненій не писали. Изъ числа близкихъ къ Новикову лицъ, по нашему мнѣнію, можно скорѣе всего авторомъ комедіи считать именно Дашкову. Извѣстно, что Дашкова писала комедіи: ей принадлежитъ написанная по желанію Екатерины II для эрмитажнаго театра комедія „Тоисіоковъ, или человѣкъ безхарактерный" (1786 г.), а также драма „Свадьба Фабіана, или алчность къ богатству наказанная". Опять таки Макаровъ оставилъ преданіе, что „по плану, задуманному государыней, въ 1772 году явилась изъ подъ пера княгини Дашковой (комедія) Г-жа Вѣстникова съ семьею". По словамъ Макарова, это сообщеніе основано на разсказахъ самой Дашковой [1]). Авторомъ „Г-жи Вѣстниковой" является, собственно, Екатерина, но, конечно, вполнѣ допустимо, что ей содѣйствовала въ этомъ и Дашкова, написавшая комедію „Тоисіоковъ" по желанію Екатерины. Такимъ образомъ, если довѣриться правдоподобному на этотъ разъ сообщенію Макарова, что „Народное игрище" написано „по задачѣ" Екатерины, то можно считать вполнѣ вѣроятнымъ, что авторомъ была Дашкова, исполнявшая позднѣе подобное же желаніе Императрицы. Опять таки очень вѣроятная близость Дашковой въ это время къ Новикову можетъ еще укрѣпить это предположеніе.

Статьи, написанныя самимъ Новиковымъ въ его журналахъ.

Возвращаемся къ вопросу о статьяхъ самого Новикова въ его журналахъ.

Мы пришли выше къ заключенію, что Новиковъ былъ не только издателемъ, но и авторомъ статей своихъ журналовъ, конечно не всѣхъ статей, но главнѣйшихъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни расширять роль въ журналахъ ихъ сотрудниковъ, несомнѣнно, что ядро журнала должно быть написано Новиковымъ. Мы видѣли, что въ „Трутнѣ" Новиковъ скрывалъ свое авторство, выдавая себя лишь за издателя; въ „Живописцѣ" же Новиковъ прямо называлъ себя авторомъ журнала.

Поэтому, переходя къ опредѣленію того, что именно написано Новиковымъ, намъ будетъ удобнѣе, отступая отъ хронологической послѣдовательности, обратиться сначала не къ „Трутню", а ко второму Новиковскому журналу—„Живописцу".

---

[1]) Статья „Екатерина Вторая, Императрица русская, на поприщѣ драматическомъ", въ „Репертуарѣ" 1844 г., книжка 1-ая, стр. 179.

Прежде всего мы замѣчаемъ, что значительная часть помѣщенныхъ въ „Живописцѣ“ статей или имѣютъ форму „писемъ къ издателю“, или же напечатаны съ такими препроводительными письмами. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что часть писемъ къ издателю сочинена или самимъ Новиковымъ, или его ближайшими сотрудниками, равно какъ такое же происхожденіе могутъ имѣть и нѣкоторыя изъ статей, напечатанныхъ при препроводительныхъ письмахъ.

Оставляя пока вопросъ о письмахъ въ сторонѣ, замѣтимъ во всякомъ случаѣ, что разъ статья написана въ формѣ письма къ издателю, или же издателемъ тѣмъ или инымъ способомъ отмѣчено, что статья къ нему прислана, мы не имѣемъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ для того, чтобы считать эту статью исходящей отъ самого издателя, то есть принадлежащей его перу. Препроводительныя письма печатались даже при статьяхъ ближайшаго сотрудника Новикова—М. И. Попова.

Изъ сказаннаго мы хотимъ сдѣлать такой выводъ: статьи, доставлявшіяся сотрудниками, сопровождались печатаніемъ писемъ, съ просьбою о помѣщеніи статьи въ журналѣ, чтобы тѣмъ показать, что такое сочиненіе не принадлежитъ издателю, отъ лица котораго идетъ рѣчь въ журналѣ.

Въ такомъ случаѣ справедливо будетъ и обратное заключеніе: статьи, напечатанныя безъ препроводительныхъ писемъ и не въ формѣ письма къ издателю, исходятъ отъ лица „Живописца“; слѣдовательно, онъ самъ является ихъ авторомъ.

Понятно, если Новиковъ не хотѣлъ почему-либо, чтобы ту или другую статью приписывали ему самому, онъ могъ при такой статьѣ напечатать препроводительное письмо, или же самую статью облечь въ форму письма къ издателю. Конечно, и въ такомъ случаѣ иногда можно, хотя бы предположительно, опредѣлить авторство издателя, по сравненію содержанія и слога со статьями, несомнѣнно принадлежащими Новикову. Но такіе признаки, какъ сходство слога, въ толкованіи которыхъ остается большой просторъ для субъективныхъ мнѣній, мы пока отбрасываемъ, обращая сначала вниманіе на вышеуказанные чисто внѣшніе признаки [1]).

Основываясь на всемъ сказанномъ, перейдемъ къ указанію тѣхъ статей „Живописца“, которыя мы приписываемъ Новикову, подкрѣпляя въ большинствѣ случаевъ нѣкоторыми дополнительными соображеніями вопросъ объ авторствѣ Новикова по отношенію къ каждой статьѣ.

1) Статья „Авторъ къ самому себѣ“ (листъ 2).

Написано Новиковымъ, такъ какъ рѣчь идетъ отъ лица автора, принявшаго названіе „Живописца“.

2) Статья, безъ названія, въ листахъ 3 и 4.

---

[1]) Къ нашему основному выводу о статьяхъ безъ препроводительныхъ писемъ, или безъ сообщенія издателя, что статья къ нему прислана, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку. Въ журналахъ есть несатирическія замѣтки (слова, рѣчи, письма), напечатанныя съ указаніемъ имени автора; такія замѣтки печатались и безъ препроводительныхъ писемъ, такъ какъ ихъ замѣняло указаніе фамиліи автора. Стихотворенія въ журналѣ въ двухъ-трехъ случаяхъ напечатаны и безъ препроводительныхъ писемъ и безъ подписи автора, но изъ этого, не слѣдуетъ, что мы и стихотворенія должны приписывать Новикову. „Живописецъ“ — журналъ сатирическій, и отъ своего лица издатель говоритъ только, какъ сатирикъ; стихотворенія же играютъ чисто случайную роль, и по самому содержанію ихъ современники не могли приписывать ихъ писателю — сатирику, да, если бы и приписывали — это для издателя было безразлично, ибо не въ стихахъ была цѣль журнала.

Написано Новиковымъ; это заключаемъ на томъ же основаніи, что и въ предыдущемъ № („Принявъ названіе „Живописца“ и сдѣлавшись авторомъ . . . я . . .“).

3) „Вѣдомости“ (въ листахъ 6 и 20).

„Вѣдомости“ — одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ для „Живописца“ статей. „Вѣдомости“ помѣщались и въ „Трутнѣ“; поэтому можно думать, что онѣ составлялись въ томъ и другомъ журналѣ однимъ лицомъ.

Такъ какъ „вѣдомости“ напечатаны безъ препроводительнаго письма, то, слѣдовательно, онѣ исходятъ отъ лица „Живописца“ и написаны имъ самимъ.

Кромѣ того, авторство Новикова подтверждается и нѣкоторыми другими соображеніями. „Вѣдомости“ представляютъ собою небольшія, въ 1—2 странички, замѣтки, помѣченныя разными городами, или даже улицами, какъ-то: изъ Москвы, изъ Твери, изъ Ярославля, изъ Миліонной и т. д. Въ нѣкоторыхъ замѣткахъ явно слышится голосъ самого Новикова. Такова, напримѣръ, замѣтка „изъ Миліонной“, гдѣ авторъ сѣтуетъ на продажу книгъ: „Здѣсь примѣчена, говоритъ авторъ, великая перемѣна въ продажѣ книгъ. Прежде жаловались, что на Россійскомъ языкѣ не было почти никакихъ полезныхъ и ко украшенію разума служащихъ книгъ, а печатались одни только романы и сказки, но однако жъ ихъ покупали очень много. Нынѣ многія наилутчія книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ и напечатаны на Россійскомъ, но ихъ и въ десятую долю противъ романовъ не покупаютъ . . . Кто бы во Франціи повѣрилъ, ежели бы сказали, что Волшебныхъ сказокъ разошлося больше сочиненій Расиновыхъ? А у насъ это сбывается: Тысяча одной ночи продано гораздо больше сочиненій г. Сумарокова. И какой бы лондонской книгопродавецъ не ужаснулся, услышавъ, что у насъ двѣсти экземпляровъ напечатанной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободряйтесь Россійскіе писатели! Сочиненія ваши скоро и совсѣмъ покупать перестанутъ“.

Эта, характерная для Новикова, печаль о маломъ распространеніи книгъ проявляется и въ другой замѣткѣ — изъ Твери, гдѣ сообщенъ способъ пріохочиванія „россійскихъ господчиковъ“ къ чтенію русскихъ книгъ; способъ заключается въ томъ, чтобы русскія книги печатать французскими буквами. Сравнимъ это съ безусловно принадлежащими Новикову словами въ отвѣтѣ его на письмо Любомудрова („Живописецъ“, часть II листъ 18, стр. 354): . . . „Просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе ко французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать Россійскихъ. Въ Россійской типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими господчиками пріемлется за посредственное, а за хорошее — почти никогда“. Мы замѣчаемъ здѣсь не только общность мысли, но и повтореніе этого характернаго выраженія — „молодые господчики“.

Характерна для Новикова и замѣтка „изъ Ярославля“. Здѣсь авторъ воздаетъ хвалу Екатеринѣ: „Ярославль, говорится тутъ, извѣстенъ былъ прежде прекраснымъ только мѣстоположеніемъ и мануфактурами, а нынѣ славится и хорошими сочиненіями. Въ нашемъ городѣ сочиненныя комедіи представляются въ Санктпетербургѣ на придворномъ Россійскомъ театрѣ, принимаются съ превеликою отъ всѣхъ похвалою и почитаются лутчими комедіями въ Россійскомъ театрѣ. И мы можемъ хвалиться, что Ярославль первый изъ городовъ Россійскихъ обогатилъ Русской театръ тремя комедіями въ нашихъ нравахъ“. Новиковъ посвятилъ своего „Живописца“ „сочи-

нителю комедіи О время“ (написанной въ Ярославлѣ, какъ указала Екатерина II), и въ этомъ посвященіи Новиковъ, также какъ въ указанной замѣткѣ, говоритъ: „Вы первой сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ“.

Всѣ приведенныя характерныя для Новикова мысли вполнѣ, на нашъ взглядъ, подтверждаютъ основанное ранѣе на внѣшнихъ признакахъ предположеніе наше, что „вѣдомости“ сочинялись Новиковымъ.

4) „Опытъ моднаго словаря щегольского нарѣчія“ (листъ 10).

Статья безъ препроводительнаго письма; слѣдовательно, отъ лица издателя. Принадлежность статьи Новикову подтверждается также тѣмъ, что насмѣшки надъ „щегольскимъ нарѣчіемъ“ находятся и въ другой статьѣ, безусловно принадлежащей Новикову, въ листахъ 3 и 4. И въ той и въ другой статьѣ заключаются насмѣшки надъ одинаковыми выраженіями и словами, каковы: „болванчикъ“, „безпримѣрно“, „дурачиться по дѣдовски“, „славно“, „посадить себѣ въ голову вздоръ“, „маханье“, „я отъ тебя падаю“, „гнилой взглядъ“, „неловко“, быть „развязану“, „перестань шутить“, и т. п. Полагаемъ, что эта общность осмѣиваемыхъ выраженій подтверждаетъ принадлежность статьи Новикову.

Въ тѣсной связи съ этимъ словаремъ стоитъ напечатанное въ предыдущемъ листѣ 9-омъ письмо къ издателю: „Mon coeur, Живописецъ“. Это явная п а р о д і я на письма „щеголихъ“; здѣсь высмѣиваются тѣ же слова и выраженія, какъ въ вышеуказанныхъ статьяхъ, причемъ „щеголиха“ проситъ „Живописца“: „Услужи, радость, мнѣ, собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ Моднаго Женскаго Словаря“. Новиковъ въ припискѣ замѣчаетъ: „Что жъ касается до собранія Словаря, то охотно бы вамъ тѣмъ услужилъ, если бы сообщили вы мнѣ всѣ слова въ вашемъ нарѣчіи употребляемыя“.

Несомнѣнно, авторъ этой пародіи тотъ же, что и словаря, то есть Новиковъ.

5) Статья „Англиская прогулка“ (въ листѣ 13-мъ).

Статья безъ препроводительнаго письма, и что она исходитъ отъ издателя, видно не только изъ этого внѣшняго признака, но и изъ текста. Авторъ разсказываетъ, что онъ встрѣтился съ однимъ человѣкомъ, который поздравилъ его съ успѣхомъ листовъ „Живописца“, увѣряя, что журналъ заслужилъ благоволеніе многихъ почтенныхъ особъ. „Я началъ было, говоритъ авторъ, благодарить за сіе для меня пріятное извѣстіе, но онъ прервавъ мои слова спрашивалъ, для чего я н е и з д а ю путешествія И*** Т***“. Изъ указанныхъ словъ и всего вообще содержанія статьи видно, что рѣчь идетъ отъ лица издателя журнала; слѣдовательно, авторъ — Новиковъ.

Таковы статьи, помѣщенныя въ „Живописцѣ“ безъ препроводительныхъ писемъ, и на этомъ основаніи, а также вслѣдствіе другихъ высказанныхъ соображеній, приписываемыя нами Новикову.

Переходимъ теперь къ остальнымъ статьямъ журнала, то есть ко всѣмъ имѣющимъ видъ присланныхъ къ издателю. Цѣль наша — выяснить, что среди этихъ писемъ принадлежитъ Новикову, что — его сотрудникамъ.

Письма къ издателю занимаютъ весьма существенную часть Новиковскихъ журналовъ. Письма эти могутъ быть двухъ родовъ: во-первыхъ, дѣйствительно п р и с л а н н ы я Новикову отъ разныхъ случайныхъ корреспондентовъ и, во-вторыхъ, сочиненныя самимъ Новиковымъ, или его ближайшими сотрудниками. Въ послѣднемъ случаѣ „письмо“ является лишь формою для обыкновенной статьи, причемъ эта форма была довольно распространенной какъ въ нашихъ, такъ и въ западно-европейскихъ сатирическихъ журналахъ.

Отличить письма, дѣйствительно полученныя, отъ писемъ, сочиненныхъ издателемъ, въ настоящее время чрезвычайно затруднительно, а иногда даже и совсѣмъ невозможно. Мы считаемъ, однако, нелишнимъ высказать нѣкоторыя соображенія относительно происхожденія писемъ къ издателю, причемъ въ нашихъ заключеніяхъ будемъ основываться на слѣдующемъ.

Во-первыхъ, мы будемъ обращать вниманіе на отношеніе корреспондента къ издателю. Мы считаемъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы самъ Новиковъ, или писатели его кружка, стали сочинять сами себѣ похвальныя письма. Это психологически не вяжется съ личностью Новикова. Несомнѣнно, что письма съ выраженіемъ сочувствія, съ нравственной поддержкой и съ похвалами (иногда слишкомъ уже преувеличенными) Новиковъ, дѣйствительно, получалъ отъ своихъ читателей — единомышленниковъ, привѣтствовавшихъ издателя, смѣло вступившаго въ борьбу со многими темными явленіями русской жизни. Такимъ образомъ, присутствіе въ письмѣ направленныхъ на издателя восхваленій мы можемъ считать указаніемъ на то, что авторъ этого письма — не самъ Новиковъ [1]).

Во-вторыхъ, мы будемъ придавать значеніе отношенію издателя къ своимъ корреспондентамъ, и вообще характеру тѣхъ отвѣтовъ, которые давалъ корреспондентамъ Новиковъ. По содержанію, по общему тону отвѣта, можно иногда судить о происхожденіи письма. Допустимо, конечно, думать что, какъ письмо, такъ и отвѣтъ на него, бывали иногда сочинены самимъ Новиковымъ, а потому въ этомъ отношеніи должна быть особая осторожность.

Руководствуясь этими соображеніями, перейдемъ къ вопросу объ авторствѣ писемъ, причемъ будемъ обращать наше вниманіе только на тѣ части письма, на тѣ фразы, которыя могутъ дать намъ указаніе въ нужномъ направленіи [2]). Откинувъ письма, безусловно непринадлежащія Новикову, или съ большими основаніями приписываемыя другимъ авторамъ, а также письма препроводительныя, мы должны будемъ имѣть дѣло со слѣдующими письмами изъ „Живописца“: въ части I-ой — №№ V, VI, (IX), XI — XIII, XIV, XVII, XIX, XXV — XXVI, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXIV, XXXV, XXXIX, XLIX, въ части II-ой — IV, X, XI, XII, XIV, XVI, XXII (XXIII — XXIV), XXV, XXVI, XXVII.

Прежде всего укажемъ письма съ выраженіями похвалы и сочувствія Новикову; такія письма, по высказаннымъ соображеніямъ, мы не можемъ считать сочиненными Новиковымъ.

Таково, во-первыхъ, письмо за № VI [3]), подписанное „Осьмидесятилѣтній старикъ“; онъ говоритъ, что „плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ“, а затѣмъ совѣтуетъ издателю писать поосторожнѣе: „любя тебя, говоритъ авторъ, я сожалѣть буду, если прервется твой журналъ“. Письмо XI — препроводительное отъ „любительницы Живописца“ М. С. [4]); при этомъ письмѣ препровождены два другія — XII и XIII.

[1]) Мы говоримъ, собственно, о тѣхъ письмахъ, гдѣ выраженіе похвалъ является довольно существенною частью содержанія письма. Наличіе же въ письмѣ брошенныхъ вскользь любезностей еще не служитъ для насъ указаніемъ, что авторъ письма — не Новиковъ.

[2]) Подъ нѣкоторыми письмами стоятъ иниціалы или шуточныя подписи. Какъ на такія подписи, такъ и на иниціалы, мы не обращаемъ вниманія и допускаемъ возможность принадлежности и этихъ писемъ Новикову.

[3]) Вездѣ, гдѣ не указано номера части, ссылка относится къ части I-ой.

[4]) П. А. Ефремовъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Живописцу“, (стр. 326), основываясь на иниціалахъ, приписываетъ письмо М. В. Сушковой (рожд. Храповицкой). Едва ли это справедливо, хотя бы потому, что 1772 году Храповицкая еще не была въ замужествѣ. Это видно изъ того, что въ „Словарѣ“ Новикова, относящемся къ 1772 г., Сушковой нѣтъ, а указана Храповицкая,

Въ XII-омъ авторъ говоритъ, что листки журнала „дурныя привычки, начинавшіяся во мнѣ вкореняться отъ частаго съ ненавистниками наукъ и съ порабощающими всю свою жизнь единой праздности обхожденія, совсѣмъ истребили". Передавая затѣмъ ходящіе о „Живописцѣ" разговоры, авторъ письма заканчиваетъ его пожеланіемъ издателю — „продолжать сей достойный васъ трудъ, за который всякъ особо вамъ и потомству вашему останется благодарнымъ". Что касается № XIII, то онъ представляетъ собою письмо не къ „Живописцу", а къ автору предыдущаго письма — М. С., можетъ быть, впрочемъ, ею же самою и написанное. Полагаемъ, что какъ письмо XII, такъ, слѣдовательно, и XIII дѣйствительно прислано Новикову.

Письмо XIX, подписанное „Прошу непогнѣваться", также, несомнѣнно, отъ какого-то доброжелателя Новикова, радующагося, что „тѣ произрастенія («благонамѣренныя сочиненія»), коими другія мѣста къ великой своей славѣ изобилуютъ", появляются и у насъ. Авторъ говоритъ здѣсь про „листочки" „Живописца" и высказываетъ затѣмъ пожеланіе: „Желалъ бы я, чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ!"; далѣе авторъ излагаетъ нѣкоторыя нравоучительныя мысли. Тому же „Прошу непогнѣваться" принадлежитъ безсодержательное письмо подъ № XXX. Что письмо XIX, а слѣдовательно, и XXX дѣйствительно прислано Новикову, видно не только изъ сочувственныхъ выраженій перваго письма, но изъ приписки издателя въ отвѣтъ на письмо второе: „Мнѣ весьма пріятно получать письма г. Прошу непогнѣваться, почему и прошу его о присылкѣ оныхъ".

Къ числу писемъ дѣйствительно присланныхъ относимъ мы и XXVIII, проникнутое серьезнымъ тономъ; авторъ письма совѣтуетъ издателю не обращать вниманія на устремляющуюся на него злобу порочныхъ людей и, находя въ журналѣ „изрядства", могущія исправлять этихъ людей, высказываетъ пожеланіе, чтобъ издателю помогали въ его добромъ намѣреніи, въ описаніи вредныхъ страстей, „добродѣтелями украшенные и знаніями одаренные люди, коихъ мы ко славѣ отечества нашего довольно уже имѣемъ". Въ этомъ пожеланіи, собственно, и заключается главная мысль письма.

Несомнѣнно, не Новикову принадлежитъ и письмо XLIX, подписанное „Дворянинъ съ одною душею". Авторъ этого любопытнаго письма, въ описываемомъ имъ разговорѣ съ какой-то деревенской барыней, разъясняетъ ей, что названіе „Живописецъ" употреблено только для заглавія книги, „а сочинитель (ея) самъ имѣетъ совсѣмъ другую фамилію, и есть не только дворянинъ, но еще ученый дворянинъ, то есть, который книги пишетъ. Я же называюсь, говорилъ авторъ письма про себя, его (то есть издателя) пріятелемъ для того, что не только читаю, хвалю и ношу съ собою его сочиненія, но хочу еще, подражая его примѣру, и самъ прославиться изданіемъ книгъ". Замѣтимъ еще, что авторъ письма въ томъ же разговорѣ называлъ „Живописца" — „Россійскимъ Рабенеромъ". Изъ всего этого видно, что письмо написано не Новиковымъ, но вѣроятно, лицомъ близкимъ къ издателю — можетъ быть, М. И. Поповымъ [1]).

Письмо въ части II, подъ № XII, подписанное „Отечеству своему всякаго блага желающій Россіянинъ", также писано не Новиковымъ, что

[1]) Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи „Н. И. Новиковъ — издатель журналовъ" предполагаетъ (стр. 192), что письмо это можетъ принадлежать Екатеринѣ II. Но, кажется, даже хотя бы вышеприведенныя выдержки, относительно того, что авторъ—пріятель издателя, говорятъ противъ этого.

видно хотя бы даже изъ самой первой фразы, гдѣ авторъ говоритъ издателю: „Сколько во Франціи почитаютъ Боало де Прея, а въ Германіи Рабнера, столько здѣсь разумныя люди похваляютъ Всякую Всячину, Трутня и вашего Живописца, ихъ потомка". Высказывая мысль, чтобы „любовь къ ближнему была самымъ первымъ основаніемъ всѣхъ нашихъ дѣлъ", авторъ въ концѣ письма проявляетъ желаніе совокупно съ издателемъ „открывать пороки согражданъ" и увѣдомлять объ этомъ въ письмахъ, которыя проситъ вносить въ журналъ. Изъ отвѣта издателя, гласящаго: „Прошу сообщать ваши примѣчанія: они мнѣ пріятны"... также видно, что письмо прислано къ Новикову. Тому же автору принадлежитъ письмо подъ № XXII (часть II), подписанное „Отечеству своему всякаго блага желающій Р . . . . . ", то есть Россіянинъ.

Письмо подъ № XXV (часть II) или прислано, или, что можетъ быть вѣрнѣе, сочинено кѣмъ-либо изъ близкихъ къ Новикову. Авторъ письма называетъ „Живописца" — „Апеллесомъ нашихъ временъ" и передаетъ разговоръ, бывшій о журналѣ въ одномъ обществѣ, гдѣ осуждали издателя; корреспондентъ сообщаетъ, какъ одинъ изъ бывшихъ тутъ его товарищей „осмѣлился въ похвалу вамъ (то есть издателю) сказать, что всего удивительнѣе то, что вы не зная ни по-французски, ни по-нѣмецки, слѣдовательно по одному природному разуму и остротѣ, не заимствуя отъ чужестранныхъ писателей, пишите такіе листочки, которые многимъ вкусъ знающимъ людямъ нравятся". Едва ли этотъ отзывъ могъ выйти изъ подъ пера самого Новикова.

Таковы письма лицъ, выражавшихъ Новикову свои похвалы и сочувствіе. Изъ числа другихъ сатирическихъ писемъ можно исключить еще нѣсколько, по разнымъ соображеніямъ не принадлежащихъ Новикову. Такъ, письмо XXXV—не оригинальное, а представляетъ собою вольный переводъ, касающійся гадалокъ на кофе; вѣроятно, это переводъ одного изъ близкихъ сотрудниковъ Новикова. Письмо № IV (въ части II-ой) представляетъ также не оригинальное сочиненіе, а передѣлку перевода изъ Кригеровыхъ сновъ. Письмо № X (въ листѣ 8 части II-ой)—переводъ, что означено и въ заголовкѣ; но, судя по упоминаніямъ о русскихъ, вѣроятно, переводъ приспособленъ къ нашимъ нравамъ. Письмо № XVI (ч. II), со странной подписью „Богодаръ Вражкани, брынской правдописецъ", явно, прислано Новикову. Это видно изъ того, что авторъ письма сообщилъ издателю два какихъ-то „сюжета", но Новиковъ изъ нихъ помѣстилъ только одинъ, сдѣлавъ примѣчаніе: „Первой сюжетъ мнѣ разсудилось оставить, а для чего это сдѣлалъ, г. сочинитель сего письма самъ можетъ догадаться".

Затѣмъ выше мы высказали вскользь предположеніе, что, если Дашкова сотрудничала въ „Живописцѣ", то ей скорѣе всего принадлежатъ здѣсь письма — IX-ое въ I части и XXIV (вмѣстѣ съ препроводительнымъ XXIII) — во II-ой. Но, если и не Дашкова авторъ этихъ писемъ, то все-таки и не Новиковъ: изъ статей, безусловно принадлежащихъ его перу, онъ рисуется намъ живымъ и бойкимъ сатирикомъ, а эти оба письма тяжелаго нравоучительнаго характера, совершенно не соотвѣтствующаго статьямъ Новикова.

Указавъ на письма, не принадлежащія, по нашему мнѣнію, Новикову, остановимся теперь на перечисленіи тѣхъ писемъ, которыя или принадлежатъ Новикову или, во всякомъ случаѣ, не присланы къ нему, а имѣютъ редакціонное происхожденіе. Это, главнымъ образомъ, письма — пародіи на посланія будто бы полученныя издателемъ отъ лицъ, одержимыхъ тѣми пороками, которые старался карать „Живописецъ". Яркимъ образцомъ такихъ

писемъ - пародій является письмо отъ щеголихи (листъ 9, № VIII), уже приписанное выше нами Новикову. Къ числу такихъ же писемъ-пародій можно отнести прежде всего XXXIX-ое. Здѣсь, по нашему мнѣнію, слышится голосъ Новикова. Въ письмѣ проводится тонкая иронія надъ человѣкомъ, которому хочется сочинять; но стиховъ онъ не пишетъ, „для того, что Русской языкъ неспособенъ къ стихотворству", поэтому хочетъ писать прозой, но не знаетъ въ какомъ родѣ начать. Наконецъ, думаетъ начать писать комедіи — „Но могу ли я писать ихъ и чего мнѣ ожидать? Всѣ похвалы, которыя бы по справедливости принадлежали только мнѣ одному, давно уже истощены не знаю какому-то сочинителю комедіи О Время, Именинъ, Вѣстниковой — сносно ли это! — Я бѣшусь и прихожу въ отчаяніе! Вотъ, сударь, до чего мы дожили, вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: Русской, Русской — какая глупость!"... И тонкій комплиментъ по адресу комедій Екатерины и иронія надъ людьми, ослѣпленными французоманіей, вполнѣ въ духѣ Новикова.

Письмо № XXXIV также является пародіей на посланіе будто бы присланное къ издателю отъ какой-то женщины, обидѣвшейся на то, что въ одномъ изъ предыдущихъ напечатанныхъ въ „Живописцѣ" писемъ дѣлается упрекъ ревнивымъ женщинамъ. По словамъ мнимой корреспондентки издателя, отъ этого порока всѣ уже избавились. „Заврался мой свѣтъ, говоритъ она, это не правда, знай, что многія жены не столько о мужьяхъ своихъ думаютъ, чтобы стали къ нимъ ревновать и только что терпятъ ихъ, а не любятъ — и какъ можно такъ любить мужа: не понятно, странно, смѣшно, уморилъ, ха! ха! ха! — ревновать къ мужу, любить его, этого я никакъ не понимаю..." Къ такому же типу писемъ принадлежитъ XI во II части. Авторомъ этого письма (за подписью „Доброхотное сердечко") опять таки будто бы является какая-то изъ женщинъ, обидѣвшаяся на то, что „Живописецъ" изображаетъ ихъ мрачными красками. Это же письмо, по странной небрежности Новикова, перепечатано съ небольшими измѣненіями и подъ № XXVI.

Письмо отъ Доброхотова съ препровожденнымъ при немъ письмомъ къ племяннику (№№ XXV — XXVI), несомнѣнно, не отъ случайнаго корреспондента, что видно изъ самаго характера сатиры письма къ племяннику (напоминаетъ письма къ Ѳалалею); но принадлежитъ ли письмо издателю, или можетъ быть М. Попову, — сказать затрудняемся. Малозначительныя письма XVII (въ части I) и XXVII (въ части II) также, судя по характеру содержанія, можно скорѣе отнести къ редакціоннымъ, тѣмъ болѣе, что эти письма были сохранены Новиковымъ, въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ, во всѣхъ изданіяхъ „Живописца".

Таковы тѣ письма, о происхожденіи которыхъ мы могли высказать нѣкоторыя соображенія. Остаются еще слѣдующія письма, относительно которыхъ высказаться мы затрудняемся: въ части I-ой №№ V (за подписью — М. М.), XIV („Пустяковтоптатель"), XXIX (за подписью 80.90), XXXI („Новоостровскій житель"), и во II-ой части № XIV („Украинскія вѣдомости", съ препроводительнымъ письмомъ Хулякова).

Почти всѣ эти статейки для журнала совершенно несущественны, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ XIV, XXXI настолько мелки, что вѣрнѣе всего ихъ приписать какимъ-либо случайнымъ корреспондентамъ. Что всѣ письма эти въ журналѣ никакой роли не играли видно изъ того, что самъ Новиковъ всѣхъ указанныхъ статеекъ *не включилъ* въ III-ье и послѣдующія изданія „Живописца", представляющія выдержанный сатирическій сборникъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ сдѣланнаго разсмотрѣнія писемъ къ издателю, мы, кромѣ писемъ, приписываемыхъ М. Попову, можемъ указать только нѣсколько номеровъ, въ которыхъ съ большею (№№ XXXIX, XXXIV), или меньшею (№№ XVII, XXV — XXVI — въ части I-ой, XI и XXVI, а также XXVII — въ части II-ой) вѣроятностью можно предполагать авторство Новикова. Письма эти мало что прибавляютъ къ тѣмъ статьямъ, которыя выше приписаны были Новикову.

Вообще надо сказать, что значительная часть указанныхъ писемъ къ издателю, равно какъ переводы и стихотворенія, не играютъ въ журналѣ замѣтной роли, почему многія статейки этого типа и были выкинуты Новиковымъ въ 3-ьемъ изданіи „Живописца".

Относительно статей Новикова въ „Кошелькѣ" мы ограничимся немногими словами. Въ журналѣ этомъ, состоящемъ всего изъ 9 номеровъ, отъ лица издателя, и, слѣдовательно, имъ самимъ, написаны статьи — безъ названія въ листѣ первомъ и „Разговоры" Россіянина съ Французомъ и Нѣмца съ Французомъ (въ листахъ 2 и 3). Находящееся въ листахъ 4—5 письмо, видимо, прислано къ издателю. Относительно комедіи „Народное игрище" (въ листахъ 6—8) мы выше высказали предположенія; 9-ый листъ весь заполненъ одой, сочиненной А. Б.

Вопросъ о томъ, какія именно статьи принадлежатъ Новикову въ „Трутнѣ" гораздо сложнѣе: здѣсь, какъ мы говорили, Новиковъ скрывалъ свое авторство. Потому-то въ „Трутнѣ" очень мало статей, написанныхъ отъ лица издателя.

Если мы откинемъ въ „Трутнѣ" сочиненія, безусловно принадлежащія другимъ авторамъ, или предположительно имъ приписываемыя, то у насъ останется рядъ статей (съ препроводительными письмами или безъ нихъ) и рядъ писемъ къ издателю.

Исчислимъ статьи:

1) „Предисловіе" (весь листъ I-ый).

2) „Вѣдомости" (въ листахъ IV, VI, IX, XVI и XVIII). Помѣщены безъ препроводительнаго письма, но съ равносильнымъ ему сообщеніемъ издателя „Слѣдующія вѣдомости получилъ я отъ неизвѣстной мнѣ особы съ обѣщаніемъ, что онъ впредь оныя ко мнѣ сообщать будетъ".

3) „Статьи изъ Русскаго словаря" (въ листѣ V). Безъ препроводительнаго письма, но съ увѣдомленіемъ издателя: „Сіи статьи продолжаться будутъ не по азбучному порядку, но какъ они ко мнѣ сообщатся".

4) „Портреты" (въ листѣ XVII части I и въ листѣ III части II); помѣщены при шуточномъ препроводительномъ письмѣ за подписью „Ужесть какъ Мила".

5) Замѣтка въ листѣ XXII, начинающаяся словами: „Несмыслу, богатому, но глупому дворянину"...

6) „Рецепты" (въ листахъ XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXXI). Помѣщены при шуточныхъ письмахъ лицъ, спрашивающихъ совѣта о леченіи болѣзни у издателя.

7) „Смѣющійся Демокритъ" (въ листахъ XXVIII и XXXIII).

8) „Разговоръ. Я и Трутень" (въ листѣ XXXII).

9) „Каковы мои читатели" (въ листахъ XXXV и XXXVI).

10) „Въ новой годъ новое щастіе" (въ листѣ I, часть II).

11) „Картины" (въ листахъ XII и XIII, часть II). Съ препроводительнымъ письмомъ отъ какой-то „молодой сочинительницы".

12) „Разставаніе или послѣднее прощаніе съ читателями“ (въ послѣднемъ XVII листѣ части II-ой).

Изъ числа этихъ статей, безусловно, написаны отъ лица издателя только „Предисловіе“ (листъ I), „Каковы мои читатели“ (листъ XXXV), статья „Въ новый годъ новое щастіе“ (въ листѣ I части II) и „Разставаніе или послѣднее прощаніе съ читателями“ (въ послѣднемъ листѣ II-ой части). Затѣмъ помѣщены безъ всякихъ подписей и безъ препроводительныхъ писемъ: замѣтка въ листѣ XXII (начин. „Несмыслу богатому, но глупому дворянину...“) и статья „Смѣющійся Демокритъ“ (въ листахъ XXVIII и XXXIII). Разъ эти статьи помѣщены безъ всякаго указанія на доставленіе статьи отъ какого-либо автора, мы можемъ считать эти статьи, написанными издателемъ. Относительно статьи „Смѣющійся Демокритъ“ это подтверждается тѣмъ, что выводимыя въ статьѣ разныя лица обрисованы въ томъ же самомъ родѣ, какъ это сдѣлано и въ статьяхъ, безусловно принадлежащихъ Новикову; есть и общіе выводимые типы — Нарцисъ, Влюбчивъ, Вѣтренъ, фигурирующіе какъ здѣсь, такъ и въ статьѣ „Каковы мои читатели“.

Перейдемъ къ другимъ статьямъ. „Вѣдомости“ — едва ли не самая рѣзкая изъ статей „Трутня“ — продолжались и въ „Живописцѣ“. Мы доказывали, что въ „Живописцѣ“ Новиковъ былъ ихъ авторомъ; поэтому несомнѣнно, что и въ „Трутнѣ“ онѣ писались имъ же. Новиковъ сообщилъ, что получилъ „вѣдомости“ отъ „неизвѣстной“ особы. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было ясно видно, что Новиковъ нарочно хотѣлъ скрывать свое авторство, ибо невозможно, вѣдь, допустить, чтобы самая важная статья въ журналѣ, наиболѣе рѣзко затрагивающая разные общественные пороки, была прислана къ издателю отъ „неизвѣстной“ особы.

Прекративъ печаніе „вѣдомостей“ (онѣ послѣдній разъ были помѣщены въ листѣ XVIII), Новиковъ нашелъ новую форму сатиры — рецепты, которые стали печататься съ листа XXIII-го. Въ рецептахъ разные мнимые корреспонденты описываютъ издателю болѣзни, а издатель прописываетъ имъ рецепты, которые даются отъ лица издателя. Простое сравненіе языка и характера содержанія „вѣдомостей“ и „рецептовъ“ даетъ, по нашему мнѣнію, совершенно несомнѣнное впечатлѣніе, что эти статьи писались однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Что касается „Статей изъ русскаго Словаря“, то ихъ можно сопоставить съ „Опытомъ моднаго словаря щегольского нарѣчія“, помѣщеннымъ въ „Живописцѣ“. Мы доказывали, что тамъ этотъ словарь написанъ Новиковымъ. Сатира и того и другого словаря направлена на модныя выраженія и, принимая во вниманіе одну и ту же идею, положенную и въ томъ и другомъ словарѣ, трудно допустить, что въ „Трутнѣ“ статьи словаря написаны не Новиковымъ.

Статья „Разговоръ Я и Трутень“ — очень для журнала важная и отвѣтственная. Здѣсь таинственный „Я“ нападаетъ на „знатныхъ господъ“, „Трутень“ же (т. е. Новиковъ) старается ихъ защитить, говоря, что „знатные господа“ тѣмъ же подвержены слабостямъ, что и всѣ люди; при этомъ „Трутень“ даже указываетъ, какъ на примѣръ, на восемь добродѣтельныхъ знатныхъ лицъ, называя первыя буквы ихъ фамилій: О... П... Н... С... В... Ш... Б... В... Новиковъ здѣсь очень тонко ставитъ себя въ роль защитника лицъ, порицаемыхъ своимъ собесѣдникомъ, но, конечно, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это — только остроумный пріемъ, и что „Я“ высказываетъ мысли самого Новикова, которыя нѣсколько смягчаетъ собесѣдникъ его — „Трутень“.

Можно думать, что и „Портреты“ и „Картины“ принадлежатъ перу самого издателя; впрочемъ, относительно этихъ двухъ статей опредѣленно высказаться труднѣе.

Что касается писемъ къ издателю, помѣщенныхъ въ „Трутнѣ“, то, руководствуясь такими же соображеніями, на какихъ мы основывались при обозрѣніи „Живописца“, въ большинствѣ случаевъ возможно было бы отдѣлить письма редакціонныя отъ писемъ, къ издателю дѣйствительно присланныхъ. Но вопросъ о томъ, какія редакціонныя письма принадлежатъ перу самого Новикова, какія его ближайшимъ сотрудникамъ, здѣсь еще болѣе осложняется, отчасти въ виду малой характерности нѣкоторыхъ писемъ, отчасти же потому, что среди сотрудниковъ „Трутня“ были такіе писатели какъ Эминъ и Аблесимовъ (не участвовавшіе въ „Живописцѣ“), которымъ и могутъ принадлежать нѣкоторые изъ редакціонныхъ писемъ. Въ собственномъ журналѣ Аблесимова „Разсказчикъ забавныхъ басенъ“ (1781 г.) во множествѣ находятся шуточныя письма къ издателю. Можно думать, что кромѣ извѣстныхъ писемъ Аблесимова, помѣщенныхъ въ „Трутнѣ“, здѣсь найдутся и кое-какія другія его статейки. По этимъ причинамъ мы не будемъ разсматривать подробно всѣхъ писемъ „Трутня“, а обратимъ лишь вниманіе только на письма одного корреспондента журнала — Правдулюбова.

Устами Правдулюбова журналъ Новикова полемизировалъ со „Всякой Всячиной“ въ вопросѣ о цѣли сатиры. Судя по тому, что письма Правдулюбова чрезвычайно существенны для журнала, можно бы думать, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается самъ Новиковъ. Но это, кажется, несправедливо. Въ листѣ VI-омъ „Трутня“ за 1770 годъ находимъ такое сообщеніе издателя: „Письмо г. Правдулюбова напечатано не будетъ. Оно задѣваетъ „Всякую Всячину“ и критикуетъ господина сочинителя за то, что отъ критики свободно. Въ томъ же письмѣ г. Правдулюбовъ дѣлаетъ разсужденіе о всѣхъ еженедѣльныхъ сочиненіяхъ минувшаго года и полагаетъ имъ цѣну, нападаетъ также своею критикою на нѣкоторую переводную въ стихахъ поему и проч. Я сообщаю г. Правдулюбову, что подобныхъ сему писемъ и впредь печатать не буду“. Едва ли можно, имѣя этотъ отвѣтъ, отожествлять Новикова съ Правдулюбовымъ. Кромѣ того, отмѣтимъ, что въ листѣ XV части II-ой Новиковъ высказываетъ недовольство на то, что журнальная „брань“, вызванная письмами Правдулюбова, направлена не на него, а на издателя.

Заканчивая вопросъ о статьяхъ Новикова въ его журналахъ, мы можемъ считать несомнѣннымъ, что самъ Новиковъ былъ авторомъ существеннѣйшей части своихъ трехъ журналовъ — „Трутня“, „Живописца“ и „Кошелька“. Большая часть тѣхъ статей, которыя создали Новиковскимъ журналамъ ихъ общественно-литературное значеніе принадлежитъ, несомнѣнно, перу самого издателя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что у Новикова были и талантливые сотрудники, въ числѣ которыхъ особенно выдѣляются — авторъ писемъ къ Ѳалалею (М. Поповъ?) и отчасти, можетъ быть, Ѳ. А. Эминъ (въ „Трутнѣ“).

Расширить роль, игравшуюся въ журналѣ М. Поповымъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Можетъ даже являться вопросъ, правильно ли сдѣланное выше заключеніе, что авторъ — писемъ къ Ѳалалею — Поповъ, а не самъ Новиковъ. И теперь, приписывая Новикову опредѣленныя статьи, мы все-таки придерживаемся убѣжденія, что болѣе вѣроятно считать авторомъ этихъ писемъ не самого Новикова. Равнымъ образомъ, полагаемъ, что и „Путе-

шествіе въ *** И*** Т***“ своимъ серьезнымъ характеромъ и довольно тяжелымъ слогомъ отличается отъ указанныхъ выше статей Новикова. Впрочемъ, сопоставленіе слога этихъ статей, приписываемыхъ М. Попову и Радищеву, со статьями Новикова, должно бы было быть разсмотрѣно отдѣльно; тогда всѣ выводы получили бы большую прочность.

Не имѣя возможности дѣлать здѣсь сравненія и характеристики тѣхъ статей, которыя были приписаны нами Новикову, мы, однако полагаемъ, что всѣ указанныя статьи, разсматриваемыя въ совокупности, даютъ несомнѣнное впечатлѣніе, что онѣ принадлежатъ одному автору. Нигдѣ въ этихъ статьяхъ мы не видимъ сложныхъ сюжетовъ и длинныхъ повѣствованій, которыя, видимо, не соотвѣтствовали характеру дарованія Новикова. Онъ рисуетъ портреты модныхъ героевъ, пишетъ мелкія замѣтки типа „вѣдомостей“ или „рецептовъ“, составляетъ „словари“ и т. п. Сатира Новикова направлена на свѣтскіе нравы, и издатель „Трутня“ и „Живописца“ проявляетъ себя большимъ знатокомъ каррикатурныхъ увлеченій модными заимствованными отъ иностранцевъ обычаями. Осмѣяніе французоманіи прямо вытекаетъ изъ сатиры надъ модными нравами, и, начавъ съ рѣзкихъ выходокъ „Трутня“ противъ подражанія французамъ, Новиковъ въ послѣднемъ своемъ журналѣ — „Кошелькѣ“ всецѣло отдался обличенію темныхъ сторонъ французскаго вліянія.

ЖУРНАЛЫ В. Г. РУБАНА — „НИ ТО НИ СЕ“ И „ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ“.

В. Г. Рубанъ выступилъ съ двумя еженедѣльными листками — „Ни то ни се“ въ 1769-омъ, и „Трудолюбивый Муравей“ въ 1771 году. Рубаномъ же былъ изданъ въ 1772—73 гг. литературно-историческій сборникъ „Старина и Новизна“, который иногда ошибочно относятъ къ числу мелкихъ листковъ разсматриваемаго времени. Сатирическіе листки Рубана вообще безцвѣтны и не могутъ идти въ сравненіе ни съ журналами Новикова и Эмина, ни даже съ Чулковскимъ „И то и се“.

„Ни то ни се“ выходило съ 21 февраля 1769 года и продолжалось только до 12 іюля. О томъ, что издателемъ журнала былъ В. Г. Рубанъ, имѣется свидѣтельство Новикова въ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, гдѣ сказано, что Рубанъ „издалъ въ свѣтъ два еженедѣльныхъ сочиненія Ни то нисьо въ 1769 и Трудолюбивый Муравей въ 1771 годахъ“. Тотъ же Новиковъ указываетъ, что Семенъ Башиловъ „сочинилъ довольно сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ еженедѣльномъ сочиненіи Ни то нисьо, изданномъ 1769 года въ Санктпетербургѣ“.

Л. Н. Майковъ, останавливаясь на современныхъ свидѣтельствахъ о помѣщеніи Башиловымъ „сатирическихъ писемъ“ въ „Ни то ни се“, говоритъ: „Такихъ писемъ оказывается въ журналѣ всего два, за подписью Неспускаловъ и Старожиловъ (стр. 34 и 79); всѣ прочія сатирическія статьи явнымъ образомъ исходятъ отъ самого издателя, а въ такомъ случаѣ только два помянутыя письма и могутъ быть приписаны Башилову“ [1]). Мы склонны объяснить это иначе. Изданіе „Ни того ни сего“ было предпринято не однимъ лицомъ, что видно изъ многихъ мѣстъ журнала; такъ, въ началѣ текста, гдѣ го-

[1]) „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол.“, стр. 400 — 41.

ворится о цѣляхъ изданія, находятся, напримѣръ, такія слова: „Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, что мы чрезъ сіе окажемся честными и справедливыми людьми...“; въ другомъ мѣстѣ говорится отъ лица сочинителей журнала и т. п. Изъ такихъ выраженій видно, что не одно лицо издавало журналъ; соиздателемъ Рубана и былъ, вѣроятно, Семенъ Башиловъ, которому, въ такомъ случаѣ, можно приписывать и нѣкоторыя изъ тѣхъ (впрочемъ, очень не многихъ) статей, которыя написаны отъ лица издателя. Замѣтимъ также, что весь іюнь мѣсяцъ журнала, четыре номера, наполненъ переводомъ Башилова сочиненія Сенеки „О провидѣніи“. При этомъ сдѣлано такое примѣчаніе: „Сочинители, желая доставить себѣ возможность пользоваться пріятностями исходящей весны и начинающагося лѣта, заблагоразсудили симъ способомъ избавить себя на цѣлый мѣсяцъ отъ еженедѣльнаго изданія сихъ листочковъ“.

Журналъ „Ни то ни се“ печатался въ типографіи Академіи Наукъ, причемъ печатаніе производилось по словесному приказанію Академической Коммиссіи, тогда какъ обо всѣхъ другихъ журналахъ, за исключеніемъ еще „Всякой Всячины“ и „Трутня“, дѣлались резолюціи, записывавшіяся въ журналѣ. Это тоже можетъ, пожалуй, указывать, что издатель журнала имѣлъ отношеніе къ Академіи, а предполагаемый нами соиздатель Рубана — Башиловъ былъ академическимъ переводчикомъ.

Второй журналъ Рубана — „Трудолюбивый Муравей“ печатался на счетъ купца Михаила Сѣдельникова. Это видно изъ слѣдующей записи въ журналахъ Академической Коммиссіи, отъ 19 августа 1771 года, за № 503; „Фактору Лыкову дать ордеръ, чтобы онъ съ представленнаго теперь и впредь представляемаго отъ санктпетербургскаго купца Михаила Сѣдельникова еженедѣльнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Трудолюбиваго Муравья“, по освидѣтельствованіи отъ цензора и что имъ изъ онаго будетъ подписано къ печати, печаталъ по полулисту въ каждую недѣлю на здѣшней коментарной бумагѣ по четыреста экземпляровъ на счетъ его, Сѣдельникова, сбирая съ него за напечатаніе оныхъ по типографскому счету деньги напередъ, которыя взносить ему, Лыкову, по прошествіи каждаго мѣсяца, при рапортѣ въ Коммиссію, а экземпляры, по напечатаніи, отдавать оному Сѣдельникову“.

Сборникъ Рубана „Старина и Новизна“ также печатался не на счетъ „издателя“. По поводу печатанія этого сборника находится слѣдующее постановленіе въ журналахъ Академической Коммиссіи, отъ 27 мая 1772 года, за № 300: „Фактору Лыкову дать ордеръ, чтобы онъ представленнаго и впредь представляемаго отъ купца Андрея Малахова журнала, подъ титуломъ „Старина и Новизна“, печаталъ каждой части по пятисотъ экземпляровъ на счетъ его, Малахова, на такой бумагѣ, на какой онъ похочетъ“.

Подобно Сѣдельникову, Малаховъ занимался въ то время книгоиздательствомъ.

„ПОДЕНЩИНА“.

Издателемъ журнала „Поденщина“ былъ, по указанію Новикова, В. В. Тузовъ, „оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ“. На журнальное поприще онъ вышелъ только изъ подражанія, и листокъ Тузова не встрѣтилъ вниманія въ читающемъ обществѣ. Всѣ статьи въ журналѣ принадлежатъ перу самого Тузова; такимъ образомъ, здѣсь понятіе „издатель“ журнала вполнѣ

Марта 11 д 1769 Года. 77

Императорскія Академіи Наукъ
Въ Коммисію,

покорное прошеніе.

Съ наступающаго марта 1го числа, намѣренъ я издавать въ печати на своемъ коштѣ, еженедѣльные листки подъ именемъ Поденщины, въ коихъ описывано будетъ о разныхъ матеріяхъ, гдѣ понятіе мое досягаетъ, и вмѣсто переводами держася благочинія, и что полезныхъ и забавныхъ находя для общества.

Того ради Коммисію Императорскія Академіи Наукъ покорно прошу, дабы повелѣно было (естли возможно) печатаніе въ типографіи оныя мнѣ дозволить. И естли дозволится, то печатаніе происходить имѣетъ по листамъ въ шестнатцатую долю, каковъ пристойнѣе признается по такой части листа литераторовъ; однакожъ не весьма желаю. Для каждаго дня издавать перваго, сколько будетъ можно, то есть гдѣ 16 доли листа четыре страницы, а первой сколько займетъ. Для первагоже печатнаго листа написанное при семъ представляю. Февраля 19 дня 1769 года. Anonime

Хожденіе за симъ поручаю подателю сего. Экземпляровъ каждаго листа менѣе 600 не будетъ, а естли обстоятельства потребуютъ то и больше.

Снимокъ съ прошенія издателя „Поденщины" В. В. Тузова. (Уменьшено).

тожественно съ понятіемъ — авторъ. Тузовъ печаталъ журналъ на своемъ иждивеніи.

Въ Архивѣ Конференціи Академіи Наукъ сохранилось слѣдующее прошеніе издателя „Поденщины".

„Императорскія Академіи Наукъ въ Коммисію,

покорное прошеніе.

Съ наступающаго марта 1-го числа, намѣренъ я издавать въ печать на своемъ коштѣ, ежедневные листки подъ именемъ Поденьщины, въ коихъ описывано будетъ о разныхъ матеріяхъ, гдѣ понятіе мое досягаетъ, и заимство переводами держась благочинія, и что полезнымъ и забавнымъ найду я для общества.

Того ради Коммисію Императорскія Академіи Наукъ покорно прошу, дабы повелено было (естли возможно) печатаніе въ тѵпографіи оныя мнѣ дозволить, и ежели дозволится то печатаніе происходить имѣетъ по листамъ въ шестнатцатую долю, какою пристойнѣе признается по такой части листа литературою; однакожъ не весма мелкою. Для каждаго дня изсключая перваго, служить будетъ одна осмая то есть две 16-ыя доли листа четыре странички, а первой сколько заиметъ. Для перваго же печатнаго листа написанное при семъ представляю. Февраля. 19. дня 1769 года. Anonime.

Хожденіе за симъ поручаю подателю сего. Экземпляровъ каждаго листа менѣе 600. не будетъ, а естли обстоятельства потребуютъ то и больше".

Прошеніе, какъ видимъ, было подано 19 февраля 1769 г., но резолюція Академической Коммисіи о печатаніи, обыкновенно дѣлавшаяся сразу по поступленіи прошенія, состоялась здѣсь почему-то лишь 11 марта, хотя, впрочемъ, печатаніе журнала въ типографіи началось 28 февраля.

Издатель „Поденщины" подъ прошеніемъ не поставилъ своего имени, подписавшись — „Anonime". Но прошеніе писано рукою В. В. Тузова, какъ это видно изъ сличенія съ его росписками, находящимися въ бумагахъ „Собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ", для котораго трудился Тузовъ [1]).

„ПУСТОМЕЛЯ".

Журналъ „Пустомеля" появился въ 1770 году и долженъ былъ издаваться ежемѣсячно, но были выпущены всего двѣ книжки, послѣ чего изданіе прекратилось. Кто былъ издателемъ „Пустомели" — не выяснено; но среди сотрудниковъ журнала извѣстны два писателя — Фонвизинъ, помѣстившій здѣсь въ первый разъ свое „Посланіе къ слугамъ", и Кириакъ Кондратовичъ, которому принадлежитъ одна напечатанная въ журналѣ эпиграмма.

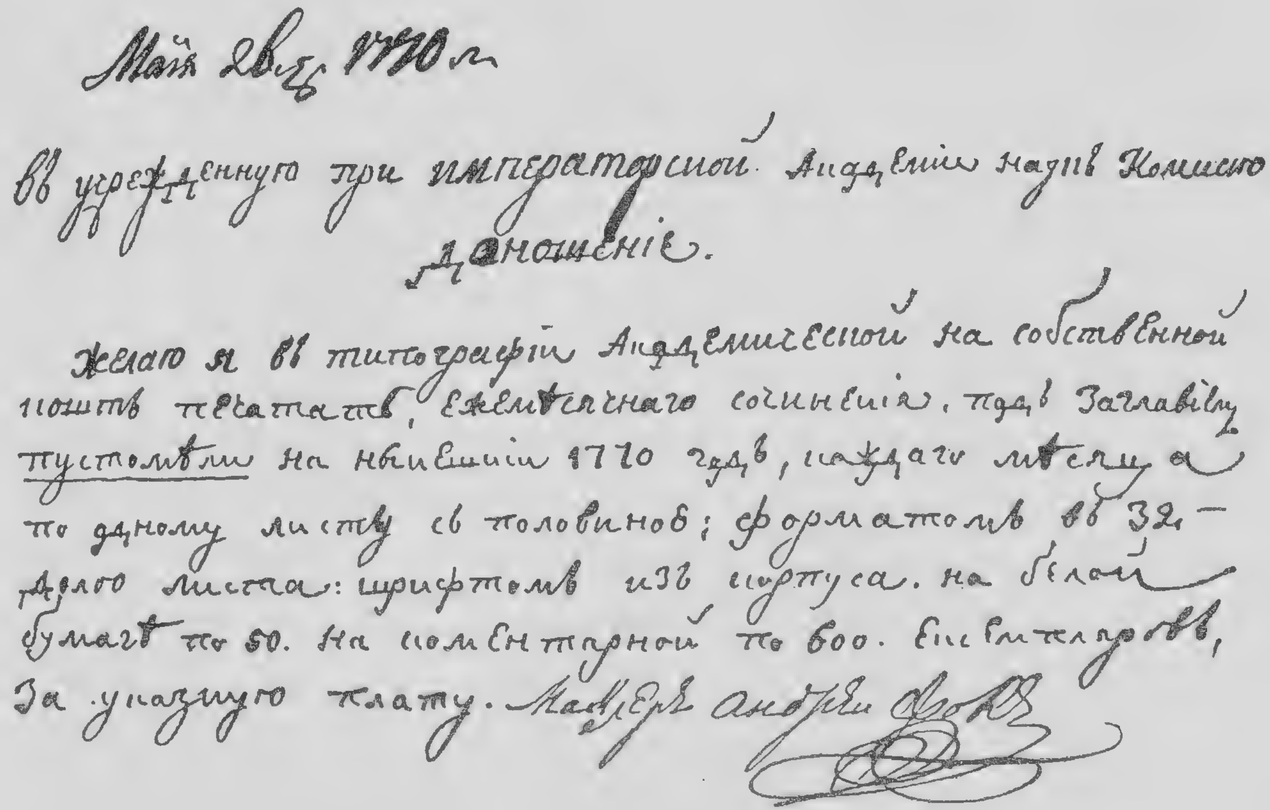
„Пустомеля" печатался въ типографіи Академіи Наукъ. Въ Архивѣ Конференціи Академіи сохранилось слѣдующее доношеніе, поданное съ просьбою о печатаніи журнала.

„Въ учрежденную при Императорской Академіи Наукъ Комисію

Доношеніе.

Желаю я въ типографіи Академической на собственной коштъ печатать, ежемѣсячнаго сочиненія, подъ заглавіемъ Пустомѣли на нынешній

[1]) См. нашу работу „Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ" (приложеніе къ „Русскому Библіофилу" 1913 г.), стр. 40.



Майя 26 дн. 1770 г.

Въ учрежденную при Императорской Академіи наукъ Коммисію

доношеніе.

Желаю я въ типографіи Академической на собственной коштъ печатать ежемѣсячнаго сочиненія, подъ заглавіемъ Пустомели на нынѣшней 1770 годъ, каждаго мѣсяца по одному листу съ половиною; форматомъ въ 32-долю листа: шрифтомъ изъ корпуса. на бѣлой бумагѣ по 50. на коментарной по 600. екземпляровъ, за указную плату. Маклеръ Андрей Фокъ

Снимокъ съ доношенія издателя журнала „Пустомеля“.

1770 годъ, каждаго мѣсяца по одному листу съ половиною; форматомъ въ 32 долю листа: шрифтомъ изъ корпуса, на белой бумагѣ по 50. на коментарной по 600. ексемпляровъ, за указную плату.

Маклеръ Андрей Фокъ.

Маия 26 дня, 1770 года". [1])

Общественное положеніе Фока и полная неизвѣстность такого имени въ литературѣ говорятъ, конечно, противъ того, что самъ Фокъ былъ „издателемъ", то есть составителемъ, „Пустомели". Изъ печатаемыхъ въ приложеніи рапортовъ фактора типографіи видно, что Фокъ распоряжался печатаніемъ журнала, который даже по желанію названнаго лица сталъ выпускаться въ меньшемъ, чѣмъ было предположено, числѣ экземпляровъ.

Въ глазахъ фактора Фокъ даже былъ „авторомъ", но, конечно, для насъ это не можетъ служить указаніемъ, въ виду некомпетентности фактора типографіи въ данномъ вопросѣ. Ясно только, что дѣла съ типографіей велъ Фокъ.

Нѣкоторыя статьи журнала, какъ это видно изъ самого текста, явнымъ образомъ идутъ отъ лица издателя. Считать авторомъ этихъ статей маклера Фока было бы очень затруднительно.

Вообще несомнѣнно, что издатель журнала былъ прикосновенъ къ литературнымъ кругамъ, на что указываетъ, какъ фактъ привлеченія къ участію въ журналѣ Фонвизина, такъ и проскальзывающія въ журналѣ нападки, хотя и очень легкія, на нѣкоторыхъ писателей (Лукина, Чулкова). Затѣмъ видно, что издатель живо интересовался успѣхами русскаго театра и возставалъ на пристрастіе къ французамъ, и такіе національстическіе взгляды положительно трудно совмѣстить съ личностью Фока, несомнѣнно иностранца по происхожденію. Эти соображенія заставляютъ насъ предполагать, что „издателемъ", то есть составителемъ, журнала былъ не Фокъ, а какое-либо другое лицо. Какую же роль игралъ Фокъ? Въ этомъ отношеніи намъ представляются два наиболѣе вѣроятныхъ предположенія: 1) или Фокъ давалъ только деньги на печатаніе журнала, который составлялся кѣмъ-либо другимъ, или же 2) Фокъ былъ только лицомъ подставнымъ, настоящимъ же „издателемъ" было другое лицо, почему-либо не желавшее хлопотать о печатаніи журнала и поручившее это, по тѣмъ или инымъ личнымъ отношеніямъ, Фоку.

Разсмотрѣніе текста журнала не даетъ отвѣта на вопросъ, кого изъ тогдашнихъ писателей можно было бы считать возможнымъ „издателемъ" „Пустомели". Самое содержаніе статей въ этомъ отношеніи малохарактерно; къ тому же надо имѣть въ виду, что журнала вышло всего двѣ небольшихъ книжки, причемъ большая часть второй не принадлежитъ перу издателя. Литературныя отношенія этого послѣдняго также вырисовываются очень блѣдно. Разъ встрѣчается въ журналѣ имя Фонвизина, то можно бы высказать предположеніе: не онъ ли былъ издателемъ. Но лестный отзывъ издателя о Фонвизинѣ, помѣщенный рядомъ съ „Посланіемъ къ слугамъ", сразу разрушаетъ возможность этого предположенія.

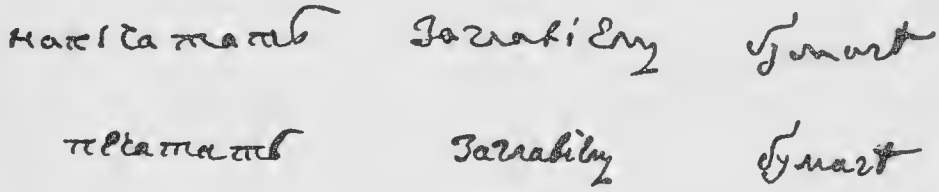
При такихъ условіяхъ рѣшеніе вопроса объ издателѣ „Пустомели" пришлось бы считать безнадежнымъ. Но мы натолкнулись еще на одинъ путь, быть можетъ, обѣщающій раскрыть таинственное имя издателя.

---

[1]) Архивъ Конференціи Имп. Акад. Наукъ, дѣла 1770 г., кн. 323, листъ 185. Дата прошенія на снимкѣ (стр. 73) не воспроизведена.

Мы обратили вниманіе на почеркъ, которымъ написанъ текстъ прошенія [1]). Этотъ почеркъ напомнилъ намъ руку кого-то изъ тогдашнихъ писателей. При ближайшемъ разсмотрѣніи особенностей почерка мы вынесли впечатлѣніе, что лицомъ, которое писало текстъ прошенія, былъ, вѣроятно, не кто иной, какъ Николай Ивановичъ Новиковъ.

Предлагаемъ сравнить изображаемый здѣсь снимокъ съ доношенія издателя „Пустомели“ съ автографомъ Н. И. Новикова, изображеннымъ при нашей работѣ о „Собраніи, старающемся о переводѣ иностранныхъ книгъ“ [2]). Правда, при бѣгломъ взглядѣ на то и другое доношеніе не выносится опредѣленнаго впечатлѣнія въ тожественности почерковъ. Но надо принять во вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, то, что доношеніе издателя „Пустомели“ относится къ 1770 году, а другое доношеніе писано въ 1773-мъ, то есть имѣется разница въ три года; во-вторыхъ, и это еще важнѣе, необходимо замѣтить, что доношеніе издателя „Пустомели“ писано тщательно, старательнымъ почеркомъ, тогда какъ снимокъ 1773 года передаетъ почеркъ Новикова — явно спѣшный и торопливый. Въ такихъ случаяхъ важнѣе не общее впечатлѣніе, а большую роль имѣетъ разсмотрѣніе деталей, мелкихъ особенностей, которыя не могутъ быть случайны и нерѣдко характерны для каждаго даннаго лица. Вотъ на такія-то особенности мы и хотимъ обратить вниманіе. И въ томъ и другомъ доношеніяхъ есть даже общія слова; таковы „напечатать“ (и „печатать“), „заглавіемъ“, „бумагѣ“. Мы нарочно изображаемъ здѣсь параллельно начертанія этихъ словъ, взятыя съ того и другого доношенія. Верхняя строка снимка взята изъ прошенія Новикова, нижняя — изъ доношенія издателя „Пустомели“.



На нашъ взглядъ, сходство въ начертаніи несомнѣнное. Въ словѣ „печатать“, напримѣръ, не говоря уже о сходствѣ начертанія отдѣльныхъ буквъ, очень характерны ихъ соединенія: п, е — начертаны въ обоихъ снимкахъ отдѣльно, тогда какъ остальныя буквы — попарно (ча — та — ть). Начертаніе слова „заглавіемъ“ также тожественно; особенно обращаетъ здѣсь вниманіе начертаніе двухъ послѣднихъ буквъ — мъ: объ буквы слиты, въ томъ и другомъ случаѣ у м — лѣвая часть нѣсколько выгнута кверху, а твердый знакъ, имѣющій форму французскаго зетъ, и въ томъ и другомъ случаѣ опущенъ книзу. Въ словѣ „бумагѣ“ особенно типично б (гдѣ верхняя часть, кромѣ загиба, еще обращена вверхъ) и ѣ, гдѣ и въ томъ и другомъ случаѣ нижній оваль слился въ черточку.

[1]) Фокъ поставилъ подъ прошеніемъ только свою подпись; текстъ же прошенія, какъ это видно изъ прилагаемаго снимка, написанъ, несомнѣнно, другимъ лицомъ, притомъ не писаремъ, а лицомъ интеллигентнымъ.

[2]) „Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ, учрежденное Екатериной II. 1768 — 1783 г.г. Историко-литературное изслѣдованіе“, Спб., 1913 г. (Приложеніе къ „Русскому Библіофилу“).

Можетъ ли быть случайнымъ такое сходство? Поневолѣ центръ тяжести вопроса объ опредѣленіи имени издателя „Пустомели“ перемѣщается теперь на эти буквы и слова. И если такое сходство случайнымъ быть не можетъ, то вопросъ объ издателѣ журнала обѣщаетъ разрѣшиться. Наше убѣжденіе: это сходство случайнымъ быть не можетъ, почеркъ доношенія издателя „Пустомели“ есть почеркъ Н. И. Новикова. Такой знатокъ этого рода вопросовъ, какъ Б. Л. Модзалевскій, независимо отъ насъ, обратилъ вниманіе на сходство указанныхъ почерковъ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ особенностей, вынесъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что текстъ доношенія издателя „Пустомели“ писанъ Новиковымъ [1]).

Но если доношеніе писано Новиковымъ, то является вопросъ, какова была его роль въ изданіи? Наиболѣе вѣроятное предположеніе — это, что Новиковъ и былъ настоящимъ издателемъ, Фокъ же только велъ, по порученію Новикова, дѣла съ типографіей. Это опять таки возбуждаетъ недоумѣніе: почему Новиковъ прибѣгъ къ помощи какого-то своего знакомаго Фока, а не обратился самъ въ типографію Академіи, какъ онъ это дѣлалъ при изданіи „Трутня“ и „Живописца“. Мы можемъ объяснить это такъ. Новиковъ, какъ это опредѣленно предполагается, прекратилъ изданіе „Трутня“ не вполнѣ по своей волѣ, а подъ вліяніемъ давленія свыше. Но, вѣроятно, журнальное поприще притягивало, влекло къ себѣ Новикова: послѣдній нумеръ „Трутня“ вышелъ 27 апрѣля 1770 года, а прошеніе отъ имени Фока было подано ровно черезъ мѣсяцъ — 26 мая. Ясно, что Новиковъ, только что принужденный прекратить свой журналъ, не могъ бы начать новаго изданія отъ своего имени. Вынужденное прекращеніе „Трутня“ было, конечно, извѣстно и директору Академіи Наукъ и членамъ Академической Коммиссіи, дѣлавшимъ постановленія о печатаніи представленныхъ сочиненій, а потому, весьма возможно, если бы вновь былъ представленъ журналъ отъ Новикова, вышли бы какія-либо осложненія, а можетъ быть, что академическая цензура даже и вовсе не разрѣшила Новикову новаго изданія. Самое имя Новикова характеризовало бы направленіе журнала. Потому-то, думаемъ мы, Новиковъ и могъ поручить всѣ хлопоты объ изданіи другому лицу, отъ имени котораго и было подано прошеніе.

Получивъ указаніе о возможной роли Новикова въ изданіи, обратимся теперь къ тексту журнала и посмотримъ, нѣтъ ли въ самомъ содержаніи журнала какихъ-либо данныхъ, подтверждающихъ роль Новикова.

Прежде всего отмѣтимъ, что въ самомъ названіи перваго Новиковскаго журнала — „Трутня“ и „Пустомели“ мы усматриваемъ сходство: въ обоихъ случаяхъ видна легкая иронія издателя надъ самимъ собою. Этой ироніи мы не замѣчаемъ въ названіяхъ другихъ журналовъ 1769 — 1774 г.г. Затѣмъ остановимся на лицахъ, которымъ посвящены книжки журнала: первая — Николаю Алексѣевичу Ладыженскому, вторая — Никитѣ Акинѳіевичу Демидову [2]). Представители рода Ладыженскихъ вообще были близки къ Новикову. Такъ, позднѣе двое Ладыженскихъ — Алексѣй Ѳедоровичъ и Петръ Ѳедоровичъ

[1]) Твердая увѣренность въ этомъ вопросѣ Б. Л. Модзалевскаго очень укрѣпила наше собственное впечатлѣніе и много способствовала тому, что мы сосредоточились на этомъ вопросѣ. Поэтому считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность Б. Л. Модзалевскому, какъ за это, такъ и за другіе цѣнные совѣты.

[2]) Подъ посвященіемъ стоитъ подпись „С. П.“, встрѣчающаяся и подъ статьями. Д. Д. Языковъ очень удачно предположилъ, что подпись „С. П.“ означаетъ: „Сочинитель «Пустомели»“ (См. статью Д. Д. Языкова „Новый библіографическій трудъ“, въ „Библіографическихъ запискахъ“ 1892 г., № 1, стр. 40).

были членами „Типографической Компаніи“, возникшей въ 1784 году. Еще ранѣе членами „Дружескаго литературнаго общества“ состояли, кромѣ указанныхъ, также Н. Ѳ. и Н. А. Ладыженскіе. Къ сожалѣнію, Лонгиновъ, сообщившій это [1]), указалъ только иниціалы (а не имена) двухъ послѣднихъ Ладыженскихъ, а потому нѣтъ полнаго основанія утверждать, что Н. А. Ладыженскій былъ именно тѣмъ лицомъ, которому посвящена „Пустомеля“.

Вторая книжка журнала посвящена Н. А. Демидову. Издатель посвящаетъ свой журналъ Демидову изъ уваженія къ его подвигамъ благотворительности. Указывая на добросердечіе Демидова, отъ котораго, а не отъ богатства, проистекаютъ похвальныя его дѣянія, издатель пишетъ: „Не я это говорю, а повсемѣстно взываютъ искупленные вами отъ поноснаго ига неволи, нѣсколько лѣтъ во оной содержащіеся, и которые свободою своею и тою пользою, которую они обществу приносить будутъ, одолжены вашему добросердечію. Вопіютъ тѣ юноши, которые по причинѣ ихъ бѣдности лишены были толико нужнаго человѣчеству и полезнаго обществу воспитанія, но по щастію содержатся и воспитываются вашимъ иждивеніемъ“ и т. д. Въ заключеніе издатель указываетъ, что именно эти дѣянія Демидова были причиною посвященія ему журнала; „ни лесть, говоритъ издатель, ни подлой прибытокъ въ семъ моемъ дѣйствіи ни малаго не имѣютъ участія, потому что я вамъ совсѣмъ не извѣстенъ и уповаю, что вы никогда не узнаете того, который“... и т. д. Кажется, что такое посвященіе лицу, уважаемому за общественную дѣятельность, а лично издателю совсѣмъ не знакомому, очень идетъ къ личности Н. И. Новикова.

Въ самомъ содержаніи журнала, какъ мы упоминали, мало характернаго. Но въ „Пустомелѣ“ мы встрѣчаемъ „Епиграмму г. Кондратовича къ г. издателю „Трутня“; эпиграмма написана по поводу одной изъ статей „Трутня“ и касается какого-то воеводы, о которомъ писалось въ журналѣ. Судя по названію, эпиграмма была предназначена Новикову. Если издатель „Пустомели“ — Новиковъ, то понятно, почему именно здѣсь появилась эта эпиграмма, вѣроятно, переданная авторомъ Новикову во время изданія имъ „Трутня“. Затѣмъ въ „Пустомелѣ“ помѣщено „Посланіе къ слугамъ моимъ“ Фонвизина; послѣдній сотрудничалъ и въ Новиковскомъ „Живописцѣ“, гдѣ было перепечатано сочиненное Фонвизинымъ „Слово на выздоровленіе Павла Петровича“.

Упоминая о сотрудникахъ „Пустомели“, мы можемъ указать еще на переводчика съ китайскаго языка А. Л. Леонтьева, который, какъ это будетъ видно изъ слѣдующаго, помѣстилъ въ журналѣ свой переводъ. Во 2-ой книжкѣ „Пустомели“ помѣщено анонимное „Завѣщаніе Юнджена, китайскаго хана, къ его сыну“. Въ упоминавшейся уже ранѣе книгѣ „Китайскія мысли“ (СПБ., 1772 г.), переведенной Алексѣемъ Леонтьевымъ, мы находимъ переводъ этого же самаго посланія, но напечатаннаго подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ, именно — „Завѣщаніе того же (то есть Юнджена) хана къ вельможамъ его“.

Въ текстѣ этого перевода и перевода, помѣщеннаго въ „Пустомелѣ“, имѣются довольно значительныя отличія, но вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается полное совпаденіе большинства отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Приводимъ образцы того и другого перевода.

---

[1]) Лонгиновъ, „Новиковъ и московскіе мартинисты“, стр. 141.

Текстъ „Пустомели“.

1) „Всѣ отъ древнихъ временъ до нынѣ бывшія благоразумныя и великія Государи, имѣвшія самодержавную власть въ государственномъ правленіи, первою почитали должностію имѣть неограниченное почтеніе и повиновеніе къ высочайшему Небу и подражать благимъ дѣламъ своихъ прародителей. Они при томъ вѣдали, что почитаніе сіе и подражаніе должны быть отъ такого сердца, у коего бы основаніемъ была истинна, и что сердцу, имѣющему основаніемъ истинну, надобно быть тверду и постоянну; для сего то по государской своей должности трудились они рано и поздно, и остерегали себя отъ всего непохвальнаго на всякъ день“ (Стр. 69 — 70 [1]); начало „Завѣщанія“).

2) Топъ Цинь-Ванъ человѣкъ простосердечной, скромной и учтивой, а при томъ во всякомъ дѣлѣ осторожной; въ разсужденіяхъ хотя нескоръ, однако ни въ чемъ не ошибается. Кенз Цинь-Ванъ человѣкъ справедливой, добродѣтельной и премудрой, для государства весьма надобенъ, но по причинѣ слабости ево здоровья частыя имѣетъ припадки; и по тому тяжкихъ трудовъ сносить не можетъ. Ваны и Амбаны! любите ево и почитайте; не допускайте ево до обыкновенныхъ приказныхъ дѣлъ, вы очень сожалѣть станете, естьли онъ потрудясь черезъ силу придетъ въ несостояніе для отправленія важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Алиха Битхей-да, Джанъ-Тинъ-би человѣкъ просвѣщенной, добродѣтельной и безпорочной. Онъ служитъ сердцемъ истиннымъ, много трудился при милосердомъ государѣ Шендзуѣ въ сочиненіи законовъ, а при мнѣ на сихъ годахъ писалъ имянныя мои нравоучительныя указы, и могъ во оныхъ подданнымъ моимъ изъяснять мои мысли; словомъ сказать, ево услугъ очень много.

Алиха-Битхей-да, Ортай непоколебимъ въ вѣрности къ государю и отечеству, достойной государственныхъ дѣлъ управитель. Онъ разобралъ помѣстныхъ начальниковъ, далъ спокойную жизнь поселянамъ, возстановилъ миръ и тишину на границахъ: смѣло сказать можно, что мало такихъ великихъ людей въ свѣтѣ, каковъ есть онъ“ и т. д. (Стр. 84 — 87).

Текстъ „Китайскихъ мыслей“.

„Для правленія цѣлаго государства, всѣ отъ древнихъ времянъ до нынѣ бывшіе благоразумные государи почитали себѣ главнымъ правиломъ имѣть почтеніе и повиновеніе высочайшему небу, слѣдовать и подражать благимъ дѣламъ своихъ прародителей; и вѣдая, что почтеніе и повиновеніе небу, послѣдованіе и подражаніе прародителямъ, должны быть отъ такого сердца, у коего бы основаніемъ была самая истинна; а на истиннѣ основанному сердцу надобно въ томъ быть постоянну и тверду; трудились они по своей должности рано и поздо; остерегали себя отъ всего непохвальнаго всякой день“ (Стр. 36).

„Топъ Цинь Ванъ человѣкъ простосердечный, скромный и учтивый, а при томъ во всякомъ дѣлѣ остороженъ; въ разсужденіяхъ хотя нескоръ, однако ни въ чемъ не ошибается. Кензе Цинь Ванъ, человѣкъ справедливый, добродѣтельный и премудрый, для государства весьма надобенъ, но нездоровъ; часто бываетъ въ припадкахъ, и по слабости здоровья своего трудовъ сносить не можетъ. Вы Ваны и вельможи, будьте къ нему любовны, не допускайте его до обыкновенныхъ приказныхъ трудовъ. Станете сожалѣть, естьли онъ потрудясь чрезъ силу не въ состояніи будетъ править важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Алиха Битхей Да Джанъ Тинъ Юй человѣкъ просвѣщенный, добродѣтельный и безпорочный. Онъ служитъ сердцемъ истиннымъ; много трудился при милосердомъ государѣ Шендзуѣ въ сочиненіи законовъ Его Величества, а при мнѣ на сихъ годахъ писалъ имянные мои нравоучительные указы, и могъ въ оныхъ объяснять людямъ мои мысли: словомъ сказать, его услугъ очень много.

Алиха Битхей Да Ортай твердъ въ вѣрности къ государю и отечеству, достойный государственныхъ дѣлъ управитель. Онъ разобралъ помѣстныхъ начальниковъ, подалъ спокойную жизнь крестьянамъ; возстановилъ миръ и тишину на границахъ. Мало въ свѣтѣ такихъ великихъ людей, каковъ онъ есть“ (Стр. 44).

Изъ сдѣланнаго сопоставленія, по нашему мнѣнію, можно безусловно заключить, что переводъ одинъ и тотъ же, но въ журналѣ текстъ былъ нѣсколько исправленъ. Помѣщенные въ журналѣ отрывки представляютъ только небольшую часть отдѣльнаго изданія „Китайскихъ мыслей“, а потому въ отдѣльной книгѣ переводчикъ не воспользовался поправками издателя журнала, а сохранилъ первоначальный текстъ перевода.

Но важенъ не столько фактъ участія въ журналѣ А. Леонтьева, какъ то, что это является подтвержденіемъ мнѣнія о роли въ журналѣ Новикова. Дѣло въ томъ, что въ „Трутнѣ“, какъ мы говорили при обозрѣніи

[1]) Цитируемъ по изданію „Пустомели“ А. Н. Аѳанасьева (М., 1858 г.).

его, былъ помѣщенъ „Чензыя Китайскаго философа совѣтъ данный его государю“. Это, какъ мы доказывали, тоже переводъ Леонтьева, причемъ какъ этотъ совѣтъ Чензыя, такъ и помѣщенное въ „Пустомелѣ“ завѣщаніе, переведены изъ одной и той же книги, названной въ вышедшемъ позднѣе русскомъ переводѣ „Китайскія мысли“. Такимъ образомъ, мы имѣемъ не только общаго сотрудника „Трутня“ и „Пустомели“, но и общій источникъ для перевода. Еще важнѣе для насъ то, что издатель „Пустомели“, какъ и Новиковъ, придавалъ значеніе этимъ переводамъ съ китайскаго, и что помѣщенная въ „Пустомелѣ“ статья стоитъ въ тѣсной связи со статьей, помѣщенной незадолго до того въ „Трутнѣ“, въ номерѣ отъ 23 февраля (а книжка „Пустомели“ вышла въ іюнѣ того же года). Важно и то, что въ помѣщенной въ „Пустомелѣ“ статьѣ мы видимъ такія же измѣненія и поправки издателя, какія были сдѣланы и Новиковымъ въ подобной же статьѣ „Трутня“. Фактъ помѣщенія въ журналѣ этого перевода Леонтьева по указаннымъ соображеніямъ, имѣетъ очень вѣское значеніе для подтвержденія того, что издатель „Пустомели“—Новиковъ [1]).

Другія литературныя отношенія издателя „Пустомели“ вырисовываются въ слишкомъ общихъ чертахъ. Кромѣ лестнаго мнѣнія о Фонвизинѣ, встрѣчаемъ здѣсь обычный восторженный отзывъ о Сумароковѣ. Затѣмъ въ „Пустомелѣ“ находятся насмѣшки надъ Лукинымъ (Л***), комедіи котораго, по словамъ издателя, „несносны Таліи“. Есть насмѣшка надъ Чулковымъ: „Многіе нынѣ принимаются писать, думая, что хорошо сочинять также легко, какъ продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и протчіе мелочные товары, коими щепетильники торгуютъ въ деревняхъ и мѣняютъ оные на лапти и яйца; но они обманываются. Щепетильнику нужно только трудолюбіе и нѣсколько ума для различенія хорошихъ товаровъ отъ худыхъ“...; далѣе говорится о томъ, что именно нужно писателю. Чулковъ въ это время издавалъ журналъ „Парнасскій Щепетильникъ“, на заглавіе котораго и намекаетъ издатель „Пустомели“. Много нападокъ на Лукина и Чулкова встрѣчается и въ Новиковскомъ „Трутнѣ“.

Отмѣтимъ, что издатель „Пустомели“ проявляетъ большой интересъ къ театру, говоря о немъ въ двухъ замѣткахъ, гдѣ воздаетъ хвалу Дмитревскому и Троепольской, причемъ авторъ касается слѣпого пристрастія къ французскимъ актерамъ и приводитъ слова нѣкоего господина, который говорилъ про упомянутыхъ русскихъ актеровъ: „Жаль, что они не французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ“. Новиковъ также интересовался театромъ и собирался даже писать его исторію.

Вотъ данныя отчасти подтверждающія, что Новиковъ могъ быть издателемъ „Пустомели“. Укажемъ еще разъ, что „Пустомеля“ была предпринята ровно черезъ мѣсяцъ по окончаніи „Трутня“.

Характерныхъ чертъ Новиковской сатиры, съ ея рѣзкостью и смѣлостью, въ „Пустомелѣ“ мы, безусловно, не находимъ. Но это еще не противорѣчитъ тому, что Новиковъ могъ быть издателемъ журнала, и прежде всего по той причинѣ, что двѣ небольшихъ книжки журнала съ тремя-четырьмя малозначительными оригинальными статейками слишкомъ мало даютъ матеріала для характеристики. Затѣмъ надо имѣть въ виду, что ни одинъ вообще журналъ 1770 года не могъ быть въ такой степени рѣзокъ, какъ лучшіе журналы

[1]) Можно даже думать, какъ мы указывали при разсмотрѣніи «Трутня», что у издателя его имѣлась рукопись перевода Леонтьева. Въ такомъ случаѣ фактъ помѣщенія въ «Пустомелѣ» отрывка изъ этого перевода имѣлъ бы еще большую для насъ важность.

1769 года. Все яркое и смѣлое въ 1770 году изгонялось изъ журналовъ цензурой, журналы обезцвѣтились и не могли браться за обсужденіе важныхъ общественныхъ вопросовъ. Потому-то „Трутень“ 1770 года, какъ это было замѣчено и въ свое время, не похожъ на „Трутня“ предшествующаго года. Тоже самое можно сказать и о журналѣ Чулкова — „Парнасскій Щепетильникъ“: въ немъ съ трудомъ можно найти характерные признаки пера издателя журнала „И то и се“.

Такимъ образомъ, журналы 1770 года волей-неволей должны были сдѣлаться безцвѣтными, и эту участь раздѣлила „Пустомеля“. Ея блѣдность можетъ быть вынужденная, а потому не стоитъ въ зависимости отъ личности издателя.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ мы остаемся съ убѣжденіемъ, что издателемъ „Пустомели“ былъ, вѣроятно, Новиковъ, который, по прекращеніи „Трутня“, не могъ разстаться сразу съ любимымъ поприщемъ журналиста-сатирика.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нѣсколько свѣдѣній о печатаніи сатирическихъ журналовъ.

Въ просмотрѣнныхъ нами архивныхъ дѣлахъ, кромѣ вышеприведенныхъ свѣдѣній, нашлись еще нѣкоторые матеріалы, хотя и не имѣющіе отношенія къ вопросу объ издателяхъ и сотрудникахъ сатирическихъ журналовъ, но представляющіе значеніе для исторіи этихъ изданій вообще. Таковы свѣдѣнія о томъ, въ какомъ числѣ экземпляровъ печатались эти изданія, во что обошлось печатаніе, съ какого времени по какое оно происходило и т. п. Эти свѣдѣнія находятся въ рапортахъ изъ типографіи, подававшихся въ Академическую Коммиссію; къ сожалѣнію, не всѣ такіе рапорты сохранилась, но за утратою ихъ, нѣкоторыя свѣдѣнія можно также извлечь изъ журналовъ Академической Коммиссіи. Располагаемъ всѣ собранныя свѣдѣнія по журналамъ.

1) „Всякая Всячина“ печаталась съ 1 января 1769 года по приказанію Академической Коммиссіи (приказаніе было, вѣроятно, словесное, такъ какъ въ журналахъ Коммиссіи соотвѣтствующей резолюціи не занесено). Типографскіе документы о печатаніи „Всякой Всячины“ уже были опубликованы [1]), но мы все-таки повторимъ здѣсь нѣкоторыя главнѣйшія свѣдѣнія. Изъ опубликованныхъ документовъ видно, что номера журнала печатались въ слѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

1-ый листъ [2]) (предисловіе)	1692 экз.
12 слѣдующихъ листовъ	1500 „
Затѣмъ 51 листъ	1000 „
Послѣдніе 6 листовъ	500 „

Первый листъ сразу былъ выпущенъ въ большомъ числѣ экземпляровъ потому, что онъ не только продавался, но и предназначался для безплатной раздачи, какъ это видно изъ такой фразы на первой страницѣ журнала: „Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующія изволь покупать“. 2, 3, 4 и 5 листы

[1]) „Сочиненія Императрицы Екатерины II“, изд. Академіи Наукъ, томъ V.
[2]) Здѣсь и ниже слово „листъ“ употребляется въ смыслѣ — номеръ.

первоначально были выпущены не въ числѣ 1500 экз., а менѣе — въ какомъ именно количествѣ неизвѣстно; однако, очевидно, спросъ превысилъ количество отпечатанныхъ экземпляровъ, почему листы 2, 3, 4 и 5 были перепечатаны, причемъ общая сумма первоначально изданныхъ и перепечатанныхъ листовъ составила 1500 экземпляровъ. Изъ упомянутыхъ выше, уже напечатанныхъ, документовъ ясно видно, какъ расходился журналъ. Къ опубликованнымъ свѣдѣніямъ сообщимъ одно дополненіе — о перепечаткѣ нѣкоторыхъ листовъ, сдѣланной въ 1772 году. Къ этому времени оставалось еще 260 неполныхъ экземпляровъ журнала; поэтому Академическая Коммиссія, для пополненія комплекта, распорядилась припечатать недостающіе листы. Это видно изъ слѣдующаго записаннаго въ журналахъ постановленія Коммиссіи, отъ 9 января 1772 г., за № 10:

„Вырученныя помощникомъ комисара Зборомирскаго Іевскимъ отъ продажи еженедѣльнаго сочиненія, «Всякая Всячина» называемаго, деньги шестьсотъ сорокъ шесть рублей 71 копѣйку съ половиною принять отъ него, Іевскаго, комисару Панкратьеву и записать у себя по экономической суммѣ въ приходъ; недостающіе же листы, въ дополненіе оставшихся еще, за продажею, двухсотъ шестидесяти неполныхъ экземпляровъ онаго сочиненія, по представленной отъ него, Іевскаго, вѣдомости, велѣть фактору Лыкову припечатать и, по напечатаніи, отдать ему, Іевскому, съ росписко̀ю, а продавать ему впредь оное сочиненіе полными экземплярами по пятидесяти копѣекъ экземпляръ“.

Изъ постановленія Академической Коммиссіи, отъ 6 апрѣля 1772 г., относительно отдачи въ книжную лавку перепечатанныхъ листовъ видно, что перепечаткѣ подверглись одиннадцать номеровъ, означенныхъ въ журналѣ Коммиссіи буквами А, Б, В, Г, Д, М, Н, О, П, Ю и предисловіе. Если считать предисловіе за первый листъ (какъ это мы дѣлали выше), то придется отмѣтить, что перепечатаны были листы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 14, 15, 16, 17 и 33 — ій. Такимъ образомъ, листы 2, 3, 4, и 5 были печатаны три раза, а листы 1, 14, 15, 16, 17 и 33-й — по два.

2) „Трутень“ былъ начатъ печатаніемъ съ 1-го мая 1769 года. Сохранились два типографскихъ рапорта — отъ сентября 1769 года и отъ 27 сентября 1770 года [1]). Во первомъ изъ рапортовъ сообщается о напечатаніи первыхъ X листовъ, во второмъ — о напечатаніи остальныхъ листовъ „Трутня“ 1769 года и о второмъ изданіи этого журнала. Сгруппировываемъ здѣсь свѣдѣнія изъ этихъ рапортовъ.

Листы: I (предисловіе) — VIII и X — XII-ый печатались по 600 экз. на календарной бумагѣ, по 20 — на заморской коментарной и по 6 — на александрійской; всего — по 626 экз.

Листъ IX — 800 экз. на календарной бумагѣ, 20 — на заморской коментарной и 6 — на александрійской; всего 826 экз.

Листы XIII — XXXVI (то есть до конца 1769 года) — по 1200 экз. на календарной бумагѣ, по 30 — на любской и по 10 — на александрійской; всего — по 1240 экз.

Листы I — XII, какъ видно изъ типографскаго рапорта, отъ 27 сентября 1770 г., были отпечатаны вторымъ тисненіемъ въ слѣдующемъ числѣ экземпляровъ.

---

[1]) Дѣла 1769 г., кн. 318, листъ 86 и дѣла 1770 г., кн. 323, листъ 29.

Листъ I (предисловіе) — 700 экз. на коментарной (такъ указано въ рапортѣ, но, вѣроятно, слѣдуетъ — на календарной, какъ печатались всѣ другіе листы) бумагѣ, 30 — на любской и 10 — на александрійской; всего 740 экз.

Листы II — V, VIII, X — XII — по 600 экз. на календарной бумагѣ, по 10 — на любской и по 4 — на александрійской; всего 614 экз.

Листъ VI — 800 экз. на календарной бумагѣ, 10 — на любской и 4 — на александрійской; всего 814 экз.

Листъ VII — 650 экз. на календарной бумагѣ, 10 — на любской, 4 — на александрійской; всего 664 экз.

Листъ IX — 400 экз. на календарной бумагѣ, 10 — на любской, 4 — на александрійской; всего 414 экз.

О выходѣ въ свѣтъ этого второго изданія было объявлено въ „Трутнѣ“, въ листѣ XVIII, вышедшемъ 25 августа.

При библіографическихъ описаніяхъ изданій „Трутня“ у насъ до сихъ поръ оставался спорнымъ вопросъ, всѣ ли номера „Трутня“ были изданы вторично, или только первые двѣнадцать. П. А. Ефремовъ, въ своемъ изданіи „Трутня“, высказалъ предположеніе [1]), что были перепечатаны только первые XII номеровъ, а остальные листы не перепечатывались, а выпускались въ большемъ числѣ экземпляровъ. Это предположеніе вполнѣ подтверждается вышеприведенными свѣдѣніями изъ типографскаго рапорта (отъ 27 сентября 1770 г.), въ которомъ сообщается, что были перепечатаны только первые XII листовъ, а затѣмъ, какъ видно, Новиковъ удвоилъ количество выпускавшихся экземпляровъ [2]).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что номера „Трутня“ 1769 года въ среднемъ печатались по 1240 экземпляровъ (при этомъ мы имѣемъ въ виду и 2-ое изданіе первыхъ XII листовъ). Впрочемъ, три листа были выпущены въ повышенномъ числѣ экземпляровъ, именно — листъ I, напечатанный въ количествѣ 1366 экз., листъ VI — 1440 экз. и листъ VII — 1290 экз. При такой сравнительно небольшой цифрѣ экземпляровъ, какъ 1240, увеличеніе числа ихъ на 200, какъ это наблюдается для листа VI-го, едва ли можетъ быть случайнымъ. Если мы обратимся къ содержанію этого листа, то, кажется, найдемъ вѣроятное объясненіе: весь VI листъ наполненъ знаменитыми „вѣдомостями“, съ нѣсколькими рѣзкими выходками, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаетъ „вѣдомость“ — изъ Литейной — гдѣ впервые Новиковъ сильно затронулъ крѣпостное право. Не въ этомъ ли кроется повышенный успѣхъ VI-го листа?

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, слѣдующее, касающееся „Трутня“ и „Всякой Всячины“ официальное распоряженіе, записанное въ журналахъ Академической Коммиссіи, отъ 9 іюня 1769 года:

„Его сіятельство графъ Володимеръ Григорьевичъ Орловъ [3]) приказалъ магазинъ-вахтеру Устинову объявить съ подпискою, чтобы изъ печатаемыхъ при Академіи сочиненій, то есть „Всякой Всячины“ и „Трутня“, взносить въ комнаты Ея Императорскаго Величества по два, (а) для Его Императорскаго Высочества [4]) — по одному экземпляру всякаго выхода, а о

[1]) „Трутень“ Н. И. Новикова, изд. 3-ье, П. А. Ефремова, Спб., 1865 г., стр. XV.

[2]) Рапортъ изъ типографіи былъ поданъ въ Коммиссію съ большимъ опозданіемъ: въ рапортѣ говорится объ отпечатаніи 24 послѣднихъ листовъ 1769 г. и вторымъ тисненіемъ 12 листовъ 1769 года, а поданъ рапортъ 27 сентября 1770 года.

[3]) Директоръ Академіи Наукъ.

[4]) Наслѣдника великаго князя Павла Петровича.

скорѣйшей оныхъ отдачѣ изъ типографіи прямо ему, Устинову, фактору Лыкову дать письменное повелѣніе".

Но успѣхъ „Трутня" не былъ проченъ. Въ слѣдующемъ 1770 году Новиковъ уменьшилъ количество печатающихся экземпляровъ съ 1240 до 750 экз. О печатаніи журнала въ 1770 г. состоялась резолюція Академической Коммиссіи 18 января 1770 г., когда было предписано печатать журналъ по 150 экз. на любской и по 600 экз. на простой бумагѣ, причемъ цензура была поручена академику Котельникову. Къ сожалѣнію, типографскихъ рапортовъ объ отпечатаніи журнала въ 1770 году не сохранилось [1]).

О стоимости печатанія имѣются свѣдѣнія лишь для 1769 года. Печатаніе 10 первыхъ листовъ обошлось вмѣстѣ съ бумагой въ 61 рубль 9 коп. Затѣмъ 26 слѣдующихъ листовъ стоили 245 руб. 71 коп., въ томъ числѣ наборъ 52 рубля, печатаніе 155 руб. 6 коп. и бумага 38 руб. 65 коп. Второе тисненіе двѣнадцати полулистовъ обошлось въ 66 руб. 60 коп., въ томъ числѣ наборъ 18 руб., печатаніе 37 руб. 72 коп. и бумага 10 руб. 88 коп. Наборъ здѣсь обошелся дешевле, такъ какъ производился съ „печатнаго оригинала", что указано въ типографскомъ рапортѣ.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь маленькую ариѳметическую выкладку, чтобы выяснить — какой доходъ имѣлъ Новиковъ отъ журнала? Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что печатаніе журнала за 1769 годъ (1-го и 2-го изданій) обошлось Новикову въ 373 рубля 40 коп. Всего печаталось, въ среднемъ, 1240 экземпляровъ, причемъ годовой комплектъ составилъ 36 листовъ. „Трутень" продавался по 4 коп. за каждый недѣльный выпускъ, а годовой комплектъ (1769 г.) стоилъ 1 руб. 40 коп.; такимъ образомъ, за годовой экземпляръ дѣлалась скидка всего 4 коп. по сравненію со стоимостью номеровъ въ розничной продажѣ. Если считать, что весь комплектъ журнала былъ распроданъ (что могло быть, правда, не сразу), то Новиковъ получилъ бы 1736 рублей (считая 1240 экз. по 1 р. 40 коп.). Вычтя расходъ на печатаніе — 373 рубля 40 коп., получимъ 1362 рубля — цифра, особенно для того времени, совсѣмъ не малая. Конечно, здѣсь нужно принять во вниманіе, что Новиковъ платилъ извѣстный процентъ книгопродавцу, коечто вѣроятно давалъ ближайшимъ сотрудникамъ, а главное — что 1200 экземпляровъ были распроданы не сразу, ибо иначе Новиковъ не уменьшилъ бы съ слѣдующаго 1770 года количества печатающихся экземпляровъ. Въ общемъ Новиковъ продавалъ свой журналъ почти въ пять разъ дороже той суммы, въ которую обходилось ему печатаніе.

---

[1]) Въ статьѣ г. Н. П. „Объ изданіяхъ «Трутня»" (въ „Литературномъ Вѣстникѣ" 1903 г., кн. 6) сообщаются свѣдѣнія объ экземплярахъ „Трутня", отличающихся нѣкоторыми особенностями отъ экземпляровъ обычнаго типа, описанныхъ П. А. Ефремовымъ. Всѣ имѣвшіеся въ распоряженіи г. Н. П. четыре экземпляра, на основаніи критеріевъ, выставленныхъ П. А. Ефремовымъ, слѣдовало бы отнести ко второму изданію „Трутня", но экземпляры эти не тожественны. „Слѣдовательно, говоритъ г. Н. П., остается предположить, что мы имѣемъ дѣло или съ различными изданіями, или съ экземплярами листовъ, исправлявшихся во время печатанія". Указанныя г. Н. П. отличія въ общемъ не велики, за исключеніемъ отличія въ листѣ XII, гдѣ, вмѣсто обычно встрѣчающагося прозаическаго письма, въ одномъ изъ экземпляровъ находится эпиграмма, начин. „Очистилъ секретарь свои отъ взятокъ руки". Всѣ экземпляры, сравнивавшіеся г. Н. П., печатаны на одной бумагѣ, шрифтъ очевидно тотъ же (ибо г. Н. П. объ отличіи въ шрифтѣ ничего не говоритъ); такимъ образомъ, разница въ экземплярахъ сводится къ мелкимъ отличіямъ въ нѣсколькихъ словахъ и въ буквахъ. Поэтому мы думаемъ, что справедливо второе предположеніе г. Н. П., именно — что указываемыя имъ особенности въ экземплярахъ слѣдуетъ объяснять исправленіями, сдѣланными во время печатанія.

ЛИТ... ...ЙИ МУЗЕИ ИМ... ...РЬКОГО

3) „Смѣсь“ печаталась по резолюціи Академической Коммиссіи, отъ 27 марта 1769 года, причемъ цензура журнала была поручена переводчику Башилову. Печатаніе производилось съ 1 апрѣля 1769 года по 1 января 1770 г. Сохранилось два типографскихъ рапорта — отъ сентября 1769 года и отъ 17 марта 1770 г. [1]). Въ первомъ рапортуется, что „Смѣси“ съ апрѣля по іюль (не включительно) напечатано 14 номеровъ, причемъ первый печатался на россійской коментарной клееной бумагѣ, а остальные — на календарной. Печатано десять номеровъ по 650 экз., а четыре — по 600 экз. Изъ рапорта не видно, первые ли листы печатались въ большемъ числѣ экземпляровъ или послѣдніе изъ указываемыхъ 14-ти. Хотя въ доношеніи „Апопіт'а“ о печатаніи этого журнала (см. здѣсь, стр. 28) заключается просьба печатать „Смѣсь“ въ числѣ 600 экз., но думаемъ, что для первыхъ четырехъ листовъ это число было повышено, ибо всѣ остальные листы до конца года печатались по 600 экз. Печатаніе первыхъ 14-ти номеровъ обошлось въ 68 рублей 27½ коп.

Во второмъ рапортѣ сообщается, что съ 1 іюля по 1 января „Смѣси“ напечатано 26 номеровъ, которые печатались по 600 экз. на календарной бумагѣ. Наборъ, печатаніе и бумага обошлись въ 120 рублей 62½ коп. Такимъ образомъ, печатаніе всего комплекта журнала обошлось въ 188 руб. 90 коп.

Для второго изданія „Смѣси“ въ типографіи Академіи Наукъ, какъ было уже сказано (стр. 28 — 29), былъ отпечатанъ только первый листъ. Напечатанъ онъ былъ въ числѣ 300 экземпляровъ для купца М. Сѣдельникова, причемъ печатаніе обошлось въ 12 руб. 75 коп., включая сюда и стоимость напечатанной тогда же росписи продающихся у Сѣдельникова книгъ [2]). Заглавный листъ второго изданія „Смѣси“ имѣлъ такой текстъ: „Смѣсь, или Собраніе разныхъ философическихъ и критическихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и въ прозѣ. Еженедѣльное изданіе 1769 года, съ многими прибавленіями, печатано вторымъ тисненіемъ, 1771 года“.

Въ дѣйствительности, никакихъ „многихъ прибавленій“ нѣтъ, а добавленъ только одинъ листъ (XI и 5 ненумер. стр.), въ которомъ помѣщено „Письмо Каина къ Мегалѣ“, стихотвореніе „Несчастный“ и оглавленіе. Сличеніе остального текста обнаруживаетъ полную тожественность во всемъ съ первымъ изданіемъ; одинаково и общее число страницъ (исключая только сдѣланныя въ началѣ прибавленія). Поэтому мы думаемъ, что перепечатка заглавнаго листа съ указаніемъ на „многія прибавленія“ и добавка нѣсколькихъ страничекъ передъ прежнимъ текстомъ была не болѣе, какъ спекуляціей книгопродавца, на счетъ котораго былъ напечатанъ журналъ, съ цѣлью сбыть очевидно не разошедшіеся экземпляры 1-го изданія. И „второе“ изданіе является, въ сущности, тѣмъ же первымъ, но съ добавкой нѣсколькихъ страницъ, сдѣланной, несомнѣнно, по иниціативѣ книгопродавца.

4) „Нитонисе“ печаталось по словесному приказанію Академической Коммиссіи съ 20 февраля по 12 іюля 1769 года; вышло 20 нумеровъ. Печаталось по 600 экземпляровъ на россійской коментарной бумагѣ. Печатаніе вмѣстѣ съ бумагой обошлось въ 108 рублей 90 коп. Это видно изъ типографскаго рапорта отъ сентября 1769 года [3]).

---

[1]) Дѣла 1769 г., кн. 318, листъ 86, и дѣла того же года, кн. 316, листъ 146.
[2]) Журналы Академической Коммиссіи 1771 г., № 579.
[3]) Дѣла 1769 г., кн. 318, листъ 84.

5) „Поденщина“. Прошеніе издателя — отъ 19 февраля 1769 г. (см. стр. 72). Резолюція Академической Коммиссіи о печатаніи — 11 марта 1769 г. Но печатаніе началось ранѣе — съ 28 февраля и продолжалось по 5 апрѣля 1769 года; всего вышло 29 номеровъ. Имѣются два типографскихъ рапорта — отъ 18 марта и отъ сентября 1769 года [1]). Изъ нихъ видно, что первый номеръ „Поденщины“, съ предисловіемъ, составилъ одинъ печатный листъ, печатано 500 экземпляровъ на россійской коментарной и 2 — на александрійской бумагѣ, всего 502 экз. Наборъ, печатаніе и бумага перваго листа обошлись въ 9 руб. 80 коп. Потомъ „Поденщина“ печаталась съ 8 марта ежедневно, по 1/8 долѣ листа, причемъ „для лучшей типографской выгоды печатается по два номера разомъ“ по 500 экз. (объ александрійской бумагѣ не упомянуто). Всего печатаніе, наборъ и бумага обошлись за всѣ 29 номеровъ въ 33 рубля 68 копѣекъ.

6) „Пустомеля“. Резолюція Академической Коммиссіи о печатаніи журнала состоялась 26 мая 1770 г., причемъ цензура была поручена переводчику Самсону Волкову. Сохранилось два рапорта изъ типографіи — отъ 19 іюля 1770 г., и отъ 30 сентября 1770 г. [2]). Приводимъ текстъ перваго рапорта полностью: „Въ учрежденную при Академіи Наукъ Коммиссію изъ новой типографіи рапортъ. По резолюціи оной Коммиссіи мая 26 дня сего 1770 года подъ № 521 съ представленнаго маклеромъ Фокомъ подлинника ежемѣсячнаго изданія подъ именемъ „Пустомеля“ повелѣно было печатать на любской бумагѣ по пятидесяти, да на россійской коментарной по шестисотъ экземпляровъ; а по желанію автора напечатано на любской сорокъ четыре, на россійской коментарной четыреста пятьдесятъ, да на александрійской шесть, всего пятьсотъ экземпляровъ. Наборомъ литеръ въ тридцать вторую долю листа изъ корпуса шрифта учинило одинъ листъ и три четверти; за наборъ онаго, считая съ листа по три рубля, итого пять рублей двадцать и пять копѣекъ; за напечатаніе каждаго листа по копѣйкѣ, итого за восемьсотъ семьдесять пять листовъ придетъ восемь рублей семьдесять пять копѣекъ; да за употребленную россійскую коментарную клееную бумагу за двѣ стопы три рубля, за любскую за четыре дести — шестьдесятъ восемь копѣекъ, за александрійскую — за пятнадцать листовъ шестьдесятъ копѣекъ. Всего на все помянутое изданіе по типографіи и съ бумагою обошлось въ восемнадцать рублей въ двадцать восемь копѣекъ. О чемъ означенной Академіи Наукъ Коммиссіи покорнѣйше рапортуемъ, а помянутыя деньги съ наго, автора, взяты, которыя присемъ и взносятся, а экземпляры ему отданы, такожъ и одинъ экземпляръ присемъ взносится. Факторъ Артемій Лыковъ. Петръ Сидоровъ. Іюля 19 дня 1770 года“.

Второй рапортъ сообщаетъ о напечатаніи „Пустомели“ на іюль мѣсяцъ; такъ какъ размѣръ книжки и число экземпляровъ остались тѣ же, то печатаніе и бумага обошлись въ точно такую же сумму, какъ указано для перваго номера.

Такимъ образомъ, журналъ былъ отпечатанъ въ числѣ 500 экземпляровъ, причемъ стоимость двухъ вышедшихъ книжекъ составила 36 руб. 56 коп.

7) „Трудолюбивый Муравей“ печатался согласно резолюціи Академической Коммиссіи, отъ 19 августа 1771 г. (см. стр. 70), въ числѣ 400 экземпляровъ, на счетъ М. Сѣдельникова. Въ журналахъ Академической

---

[1]) Дѣла 1769 г., кн. 318, листы 78 и 84.
[2]) Дѣла 1770 г., кн. 323, листы 186 — 187.

Коммиссіи 1772 г., февраля 3-го, № 69, занесено постановленіе о внесеніи М. Сѣдельниковымъ за напечатаніе этого журнала 113 рублей 25 коп.

8) „Вечера“. Послѣ высказанныхъ Л. Н. Майковымъ соображеній [1]) несомнѣнно, что журналъ этотъ вышелъ изъ того кружка, центромъ котораго былъ Херасковъ. Но изъ архивныхъ документовъ этого не видно, такъ какъ журналъ печатался для „анонима“. О печатаніи журнала Академической Коммиссіей было сдѣлано 23 января 1772 года слѣдующее постановленіе: „Фактору Лыкову дать ордеръ, чтобы онъ представленныхъ и впредь представляемыхъ отъ нѣкотораго анонима еженедѣльныхъ сочиненій подъ именемъ «Вечера», по освидѣтельствованіи оныхъ напередъ черезъ цензора, печаталъ по четыреста экземпляровъ на здѣшней коментарной бумагѣ“. Однако, журналъ печатался въ большемъ числѣ экземпляровъ, именно по 500, какъ это видно изъ резолюцій въ журналахъ Академической Коммиссіи о внесеніи денегъ за напечатаніе. За 14 первыхъ номеровъ, съ 23 января по 1 апрѣля, было внесено 69 руб. 75 коп. (Журналы Академ. Коммиссіи, отъ 27 апрѣля 1772 г.); за 12 номеровъ, съ 1 апрѣля по 1 іюня 1772 г., было внесено 60 рублей 1 коп. (тѣ же журналы, отъ 19 іюля 1772 г.); за печатаніе „Вечеровъ“ съ 1 іюня 1772 г. по январь 1773 г., 26 номеровъ, было внесено 129 рублей 76 коп. (тѣ же журналы 1773 г., № 55). Такимъ образомъ, все печатаніе „Вечеровъ“ обошлось въ 259 руб. 52 коп.

9) Живописецъ“. О печатаніи „Живописца“ въ журналахъ Академической Коммиссіи было записано слѣдующее постановленіе, отъ 27 апрѣля 1772 г., за № 231: „Фактору Лыкову дать ордеръ, чтобы онъ представленнаго отъ поручика Николая Новикова и впредь представляемаго отъ него еженедѣльнаго на нынѣшній 1772 годъ сочиненія подъ заглавіемъ „Живописецъ“, по освидѣтельствованіи онаго чрезъ опредѣленнаго къ тому цензора, печаталъ каждаго полулиста по четыре экземпляра на александрійской, да по шестисотъ двадцати шести экземпляровъ на здѣшней коментарной бумагѣ и, по напечатаніи, отдавалъ бы оные ему, Новикову, а слѣдующія за напечатаніе сего сочиненія по факторскому счету деньги сбирать съ него, г. Новикова, по прошествіи каждаго мѣсяца, экзекутору Герасимову и для выдачи оныхъ, куда надлежитъ, взносить въ Коммиссію“.

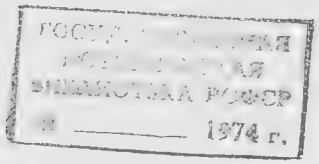
За напечатаніе журнала Новиковъ внесъ: за 3 номера, напечатанные въ апрѣлѣ — 17 руб. 15 коп.; за 12 номеровъ, напечатанныхъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ — 70 руб. 35 коп.; за 4 номера въ августѣ — 23 руб. 90 коп.; за 5 номеровъ, напечатанныхъ въ сентябрѣ, и за 100 экземпляровъ стиховъ на день рожденія великаго князя Павла Петровича, а также и на день коронованія Императрицы Екатерины II, 31 рубль [2]). По поводу внесенія денегъ за октябрь въ журналѣ находится такое постановленіе: „Собранныя экзекуторомъ Герасимовымъ съ поручика Николая Новикова деньги девяносто рублей тридцать пять копѣекъ за напечатаніе ему въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ трехъ номеровъ первой части еженедѣльнаго его сочиненія, называемаго „Живописецъ“, по шестисотъ по тридцати по шести, да двухъ номеровъ второй части того же сочиненія по семисотъ по пятидесяти осьми экземпляровъ, принять отъ его, Герасимова“. Итакъ, вторая часть журнала печаталась въ увеличенномъ количествѣ экземпляровъ. За напечатаніе

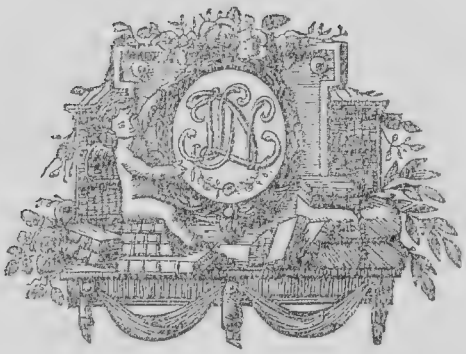
[1]) „Нѣсколько данныхъ для исторіи рус. журналистики“ (въ „Очеркахъ изъ исторіи рус. литературы XVII и XVIII стол.“), стр. 403 — 407.

[2]) Журналы Академической Коммиссіи 1772 г., постановленія за № № 259, 467, 565, 633, 687.

въ ноябрѣ 1772 г. №№ 3, 4, 5 и 6 (2-ой части) „Живописца“ Новиковъ внесъ 26 руб. 49 коп. [1]). О дальнѣйшихъ взносахъ денегъ свѣдѣній не сохранилось, равно какъ не имѣется свѣдѣній и о вышедшемъ въ 1773 г. второмъ изданіи первой части „Живописца“.

Кромѣ указаннаго изданія, въ типографіи Академіи Наукъ было отпечатано еще выпущенное въ 1793 г. 5-ое изданіе „Живописца“. Оно печаталось на счетъ петербургскаго купца Герасима Зотова, въ числѣ 1200 экземпляровъ. Книгу было постановлено напечатать 27 августа 1793 г., какъ это видно изъ журналовъ Академической Коммиссіи. Цензуры, вѣроятно, никакой не было. Но 11 ноября 1793 г., разыгралась извѣстная исторія съ „Вадимомъ Новгородскимъ“ Княжнина, напечатаннымъ въ типографіи Академіи. Тогда вспомнили и о печатающемся „Живописцѣ“. 17 ноября состоялась слѣдующая резолюція, записанная въ журналахъ Академической Коммиссіи за подписью княгини Дашковой: „Печатающуюся книгу, подъ названіемъ Живописца, въ 2-хъ частяхъ, отослать изъ типографіи г. надворному совѣтнику и академику Котельникову для прочтенія, не имѣется ли въ ней чего противнаго правительству, а по разсмотрѣніи и по возвращеніи отъ него съ подписаніемъ, если въ ней чего противнаго не найдется, принять обратно для скорѣйшаго отпечатанія“. Но, повидимому, кое-что „противное правительству“ въ книгѣ нашлось: извѣстно, что пятое изданіе отличается пропусками, которые, вѣроятно, и слѣдуетъ объяснить цензурными условіями. Къ тому же страницы 107 — 120, на которыхъ находятся „вѣдомости“ (напечатанныя съ пропусками), носятъ, по нашему мнѣнію, слѣды перепечатки, такъ какъ страницы эти заполнены текстомъ не вполнѣ. Это, должно быть, было сдѣлано для того, чтобы не нарушать, вслѣдствіе исключеній, пагинаціи страницъ въ книгѣ, уже отпечатанной.



[1]) Журналы Академической Коммиссіи 1773 г.; № 3.

[2]) См. объ этомъ, между прочимъ, и въ нашей статьѣ „Къ исторіи цензуры въ Екатерининскую эпоху“, въ „Русскомъ Библіофилѣ“, 1913 г., № I.